

Колосёв

5
М А Й
1972

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Каждый год 19 мая наша страна отмечает день рождения Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

В этом году этот радостный праздник особо торжественный: Пионерии исполняется пятьдесят лет.

Маршруты юбилейного марша „Всегда готов!“ — а он длился целых два года — вы освоили с честью.

Об этом говорит множество дел, полезных Родине, выполненных вами, юными ленинцами. И потому на призыв „Будьте готовы!“, на это ленинское обращение, вы с полным правом можете ответить: „Всегда готовы!“ И в этом вашем ответе звучит обещание быть верными заветам Ленина — быть сильными, мужественными хозяевами и защитниками Родины.

В ногу с миллионами юных ленинцев нашей страны шагал отряд ленинградской пионерии. „Пионерская улица“ в Ленинграде — один из важнейших объектов всего Пионерстроя.

У пионерии есть верный испытанный надежный друг — комсомол. Комсомольцы работали вместе с вами, помогали вам во всех ваших начинаниях. Это — комсомольцы: вожатые-рабочие заводов, студенты, молодые специалисты. Они заботятся о вас, пионерах, они всегда готовы вам помочь, поделиться с вами своим опытом.

И так же, как комсомольцы заботятся о вас, вы, юные ленинцы, должны заботиться о тех, у кого на груди пятиконечная звездочка с портретом Ильича — октябрятках. Ведь они ваша смена. Они будут продолжать те полезные дела, которые начаты вами.

Поздравляю вас со славным пионерским юбилеем, юные ленинцы!

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

Анатолий Ефимов,
первый секретарь Ленинградского
областного комитета ВЛКСМ

ПО УЛИЦЕ ШАГАЕТ ВЕСЕЛОЕ ЗВЕНО, —

Помните, как там дальше: «Никто кругом не знает, куда идет оно...» — нет, почему же не знаем? Знаем!

На парад. На пионерский праздник!

Гремят барабаны. Развеваются флаги. На огромных транспарантах надписи: «Нам — пятьдесят».

И распахиваются окна домов. И замедляют шаг прохожие. И люди, довольно-таки уже пожилые, вдруг начинают чувствовать себя тоже немножко пионерами.

Это совершенно естественно. За полвека в пионерах побывало, наверно, чуть не все нынешнее население нашей страны. И для заслуженного рабочего, и для космонавта, и для адмирала, и для ученого, лауреата многих премий, жизненный путь начинался с алого пионерского галстука.

Все они шагали когда-то в таких же веселых отрядах и звеньях. И теперь глядят на вас, радуются ва-

Космос
5
МАЙ
1972

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

шей радостью и в каждом из вас узнают себя.

Вот идет мальчишка совсем обыкновенный. Что за его плечами? Ну, пять школьных лет. Ну, пионерские лагеря, «Пионерстрой», «Зарница», сбор макулатуры, — ничего выдающегося. И это мальчишку несколько огорчает. «Эх, — печалится он, — не выйдет из меня героя!»

Но с его мнением никак не может согласиться

трижды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Иван Никитич Кожедуб

Я могу точно сказать, что прежде всего необходимо военному летчику: смелость, знания, трудолюбие, чувство локтя.

Когда я был пионером и учился в школе, в своей родной деревне Ображеевке Сумской области, я и мечтать не мог, честно говоря, стать пилотом. Если кто-нибудь сказал бы мне тогда, что я в пилоты уже готовлюсь, я бы очень удивился.

А между тем это было именно так.

У нас в классе шло постоянное негласное соревнование «силачей». Каждый день мы до потолка выжимали гири, крутили на турнике «солнышко».

Сами мастерили себе коньки, лыжи, и на таких, прямо скажу, небезопасных «приспособлениях» летали с крутых спусков.

Летом нас не оттащить было от озера. Переплывали его наперегонки вдоль и поперек. Случилось даже как-то, что я чуть не утонул, а воды все же бояться не стал.

А еще мы с удовольствием ездили в ночное. Взрослым — подмога, а нам — удовольствие. Мчимся сломя голову, без седел. Печем картошку в костре, пугаем друг друга «страшными историями»...

Так приходили сила и смелость.

Учился я хорошо. Во-первых, мне нравилось учиться, а во-вторых, не хотелось огорчать учительницу, Нину Васильевну, которую мы все горячо любили. Еще и теперь, бывает, устаешь к ночи, взглянешь на рабочий стол, — а не отложить ли недоделанное, недочитанное, недописанное на завтра? И сразу подумается, что Нина Васильевна была бы недовольна. Кофейку хлебнешь — и опять за дела.

Это — что касается знаний. А чувство локтя я открыл в себе вот как. В Ображеевке построили новый клуб, и мы — пионеры — выступили с концертом. В хоре не хватало голосов, каждый участник был на счету. А я пел совсем неважно, однако подводить ребят не хотелось, встал в шеренгу и — будь что будет! — забасил: «Мы кузнецы, и дух наш молод...»

Очень нам тогда нравилась эта песня.

Мы много трудились на колхозных полях. Пропалявали свеклу, убрали коноплю, охотились на стерне за случайными колосками и гордо несли на ток свои снопики.

О полетах же я стал всерьез подумывать, когда произошла авария с «Челюскиным» и наши летчики спасли челюскинцев, сняли их со льдины. Тогда, кажется, я прикинул впервые: «А я смог бы?»

Потом были перелеты Чкалова, Громова, Коккинаки, Гризодубовой. Я узнавал о них с волнением.

А потом я сам стал летчиком. И все, чему я незаметно для себя учился в пионерском отряде, мне пригодилось.

РЯДОМ С ТИМУРОМ

Геннадий Чернашин
Рисунки В. Топкова

Я приехал в Закарпатье той октябрьской порой, когда кажется, что кто-то щедрой рукой вылил на поля чистые краски осени и они свободно льются по крутым склонам Карпат и вот-вот затопят долины...

Да, много видел я красивых мест, быть может, даже более красивых, чем те, где я теперь оказался, но такой яркой, такой богатой оттенками осени я не видел нигде. Наверное, не следует этому удивляться, если издавна на всю Европу славятся местные леса такими редкими породами, как бук, ясень, граб, тис, не говоря уже о том, что здесь и дуб, и клен, а ели, — таких высоких, стройных, с темно-зеленой лоснящейся хвоей елей не встретишь на всем свете, — но даже зная все это, нельзя не удивиться, когда синие издала горы становятся вблизи пестрыми, как тканые ковры и рушники гуцулов. Эти же краски царят и на вышитой одежде местных жителей.

В краю, где такая осень, не может быть унылых и скучных людей. И правда, здесь живет веселое и лихое племя лесорубов и сплавщиков леса. Где бы я ни встречал мужчин — на автостанции, в пути, в столовой —

тут же непременно присутствовал топор с длинным топорischem, деревянная трубка с длинным мундштуком и лукавый взгляд из-под коротких полей шляпы-кресани. Наверное, точно так же выглядели опричники неуловимого Олексы Довбуша, разве только рукоятки пистолетов еще торчали из-за широкого пояса-череса. Признаюсь, с первого дня, а может быть, и часа, я полюбил этот край и людей, которые в нем живут...

Как это часто случается в горах, шоссе прижималось к реке, повторяя чуть ли не все ее изгибы, отчего в автобусе, несмотря на работающий мотор, слышалось глухое журчание воды. Из окна автобуса я наслаждался видом осенних гор и серебристой, как рыба чешуя, Тиссой. Я не оговорился, это сходство с рыбьей чешуей создавалось из-за сильного течения и того огромного количества мелких камней, которые вода встречала на своем пути.

В это время года Тису легко перейти вброд.

А ведь было время, когда по Тисе сплавляли в Дунай лес, который заготавливают в горах. Лес сплавляли по средам — целую неделю для этого за высокими плотинами в

верховьях Белой и Черной Тисы накапливали воду. Вот уже шесть лет лес таким образом не сплавляют, а говорят, зрелище было грандиозное: несущаяся со страшной скоростью высокая вода «повидь», а на гребне ее лихие плотогоны. Я видел, как петляет в этих местах Тиса, и мне кажется, что провести здесь плоты требует большего мастерства, чем завоевать первенство мира по гигантскому слалому.

Я потому так подробно пишу о Тисе, что причина моей поездки в Закарпатье самым тесным образом связана с этой рекой. И еще с Колей Бернаром — тем украинским пионером, которому на Всесоюзном слете пионеров в Ленинграде вручили юбилейную медаль «К столетию со дня рождения В. И. Ленина».

Постоянные читатели «Пионерской правды», наверное, помнят эту историю, о ней писала газета в 1970 году. Расскажу ее кратко для тех, кто пропустил этот номер газеты или два года назад ходил еще в октябрятках...

Случилось это той же весной, в мае месяце. А еще точнее, четырнадцатого мая. Уже летние каникулы были не за горами, уже в долинах отцве-

тали яблони, а на Карпатах все еще лежал снег. Редко такое бывает, редко так долго задерживается снег, быть может, раз в двадцать лет или пятьдесят, но то, что случилось дальше, случается еще реже, быть может, раз в сто лет — на горы обрушился ливень. Наверное, теперь только специалисты-метеорологи еще помнят, откуда пришли тучи, но ясно, что пришли они из теплых краев, потому что ливень был теплый, и теплая вода в один миг растопила тот снег, который лежал на горах. А уже наступала ночь и люди в долинах, ничего не подозревая, спокойно укладывались спать, и то здесь, то там гасли в избах огни...

Было часа четыре ночи, когда раздался громкий стук в окно. Открыла дверь Анна Федоровна — мать Коля, отец Петро Михайлович — лесоруб, уже был в горах, на лесоповале. На пороге стоял совершенно мокрый школьный завхоз Василий Михайлович Малер.

— Ой, Анна Федоровна, беда. Вода идет. Будите Колю, будем спасать школьное имущество.

Коля, слышавший весь раз-

говор, уже одевался. Через открытую дверь хорошо был слышен необычный, все нарастающий гул — даже по средам, в день повидя, гул был намного слабее.

— Огородами, Коля! — крикнул Василий Михайлович. — По шоссе уже не пройдем.

В руках он держал фонарь, но плотная стена воды не давала никакой возможности увидеть даже на два шага вперед.

Они перелезли через последний плетень и оказались во дворе школы. Здесь, на пригорке у сараев еще было сухо, но у школьных стен уже всю плескалась вода. Они бросились к учительской. Воды было по пояс. Холодной, нет, ледяной воды. Та вода, которая падала сверху, казалась теперь удивительно теплой. Пока Василий Михайлович открывал дверь, Коля держал фонарь. Наконец дверь поддавалась. Фонарь осветил плавающие стулья и черную воду, которая подобралась к крышкам столов. На столах, аккуратно разложенные, лежали классные журналы, тетради, листки с контрольными работами.

— Тащи все в сарай, — крикнул Василий Михайлович.

Коля Бернар

Сам он подхватил школьную радиолу. — Да быстрее, вишь как вода прибывает.

Один, другой, третий, четвертый рейс в учительскую... А еще оставался запертым кабинет директора. И имеющиеся у Василия Михайловича ключи не подходили. Попробовали взломать, но безуспешно. Воды уже было по грудь. И чувствовалось, как быстро она прибывает.

— Все, шабаш! — крикнул Василий Михайлович, отступая от двери. — Тикаем, пока не утонули.

Мимо школьных стен уже плыли бревна, вырванные с корнем деревья, обрывки плетней, которые еще час тому назад отделяли одну границу от другой. Взывая о помощи, по ту сторону Тисы ни на секунду не умолкал колокол. Со звоном разбилось стекло — наверное, угодило в окно бревном. Василий Михайлович тяжело дышал.

— Спасибо тебе, хлопчик. Все, что смогли, мы с тобой спасли. Все имущество, какое можно, — хрипло проговорил он и вздохнул. — Эх, жаль, школа гибнет!

Стоя рядом, Коля пытался унять дрожь. После ледяной воды зуб не попадал на зуб. Но теперь уже можно было идти домой. Обтереться полотенцем. Переодеться в сухое. И выпить горячего молока. Он уже хотел попрощаться с Василием Михайловичем, но тут до него дошла эта фраза: «Школа гибнет». И тогда он вспомнил то, о чем забыл, помогая Василию Михайловичу, но о чем забывать нельзя, о чем ему никогда забывать нельзя, он вспомнил, что именно его — Колю Бернара — выбрали пионеры своим знаме-

носцем, и зная это сейчас погибнет в пионерской комнате. «Что же я скажу завтра ребятам, когда они спросят, где твое знамя?» — еще успел подумать он и бросился в воду.

— Куда?.. Потонешь!!! — услышал он за своей спиной, но не обернулся и не замедлил шага. Подхватив попавшуюся на пути палку, он выбил ею окно и впрыгнул в коридор. Загребая руками, стараясь не открывать рта, чтобы не наглотаться грязной воды, он пробирался вперед — в класс, где стояло знамя. Он отворил дверь и чуть не захлебнулся — вода в классе стояла выше, чем в коридоре. Где-то чуть ли не под потолком плавали парты. Зацепившись за ручку, он удержался и, немного повременив, смог войти в класс. Знамя стояло в углу. Он дошел до него, цепляясь за парты, подхватил и поспешил назад. Но вот и выбитое окно.

— Давай руку, — услышал он голос Василия Михайловича. Тот ждал его за окном, где даже ему вода доходила уже до подбородка. — Давай руку...

На сухом месте Василий Михайлович осветил фонарем зна-

мя. И тогда среди гула взбесившейся воды, среди тревожного колокольного звона, среди криков, которые доносились из домов, люди, стоящие поодаль, увидели, как в черном предрассветном воздухе вдруг проступило яркое багровое пятно, и невольно вспомнили о легендарных повстанцах Олексы Довбуша, о крови, которую они пролили за народную свободу.

Не знаю, так ли подумали люди, которые стояли на холмах, или такой легендой обросло спасение Колей пионерского знамени, знаю только, что, освещая фонарем знамя, Василий Михайлович думал о том, что Коля не умеет плавать. Это он сказал мне потом, когда мы стояли во дворе школы, и я смотрел на розовую стену, где наводнение оставило свой след — вся часть стены, находившаяся тогда под водой, была другого, более темного оттенка. И когда я подошел к стене, то граница этой темной полосы оказалась выше моей головы. Сам Коля во время нашей беседы почти ничего не говорил, стоял рядом, краснел, испытывая страшную неловкость, и только тогда пришел в

себя, когда мы остались одни и он смог мне заявить, что никакого подвига он не совершал.

— Ну как же я мог поступить по-другому?! — говорил он и удивленно качал головой. — Вот если бы я не спас, то тогда б вы могли прозвать меня трусом, а так я сделал то, что должен был сделать каждый на моем месте, разве ж не так?

Что я мог сказать ему по этому поводу... В школе я видел письма, которые ему прислали его ровесники со всех концов нашей страны, и чуть ли не каждое начиналось словами: «Дорогой Коля, ты совершил подвиг!..» Правда, далее содержание писем разнилось — одни ребята писали, что завидуют ему, другие хотели, чтобы Коля научил и их совершить хотя бы по одному подвигу, третьи просили его рассказать о себе, о своей жизни, чтобы они, подражая ему, «живя как он», тоже смогли совершить такой же поступок... Что ж, я мог бы, пожалуй, рассказать этим ребятам, как живет Коля в небогатой избе потомственного лесоруба, где всего-навсего две небольшие комнаты, в семье, где трудятся с самого раннего детства и до поздней старости, где иметь мозоли на руках в семилетнем возрасте так же естественно, как знать буквы алфавита. Я мог бы долго рассказывать о сильных крупных руках сегодняшнего девятиклассника, в которых утонула моя рука потомственного горожанина, о том, что все лето он с отцом и матерью вставал в четыре утра и косил сено, потому что, накопив девять копий сена для колхоза, можно десятую копию накопить для своей коровы, а десять копий это пятьдесят центнеров сена, но я не буду об этом рассказывать, — как я успел заметить, так живут чуть ли не все местные ребята. И что удивительно, несмотря на это, в восьмилетке села Луг

Раховского района уже несколько лет нет ни одного второгогодника, а за последние три года почти не осталось троечников. В этой школе самое обычное дело встретить класс, где учатся только на четыре и пять. Я видел табель Коли. Он круглый отличник. И за весь год всего один пропущенный день. Да, многие ребята живут так же, как и Коля, но все ли они поступили бы в аналогичной ситуации так же, как он — вот в чем вопрос?

Должен сказать, что, когда пришла беда, далеко не все взрослые повели себя одинаково. Одни из них — те, у кого дома остались в безопасности, — поспешили на помощь своим попавшим в беду односельчанам, а другие занялись совершенно противоположным делом — они бросились к магазинам и стали вылавливать товары, которые выплывали через разбитые окна и двери. Правда, таких людей нашлось не много. А ведь тоже, поди, рисковали жизнью...

«Так где же проходит водораздел, определяющий поступки людей?» — вот о чем думал я, шагая рядом с Колей по шоссе. И в лицо нам било солнце. И за металлической сеткой, протянутой вдоль обочины, ослепительно сверкала Тиса. И на том берегу какая-то женщина полоскала белые простыни. И эта металлическая сетка, и полоска вспаханной земли за ней говорили о том, что здесь проходит граница, и женщина на том берегу уже была подданной Румынии — здесь все было ясно, все определено, и ничто не могло изменить этой определенности, даже вышедшая из берегов Тиса. И я злился на себя. Злился за то, что не могу так же четко определить, отчего, по какой причине одни люди живут для других и ради других, а другие только для себя и только ради себя.

Вскоре подошел автобус и, попрощавшись с Колей, я

уехал, так и не ответив на его вопрос. Недавно, перечитывая воспоминания Константина Георгиевича Паустовского об Аркадии Петровиче Гайдаре, я снова вспомнил наш разговор с Колей. Паустовский описывает такой случай. Однажды они гуляли с Гайдаром по Ялте, когда увидели, что в саду выбило из водопроводной трубы кран и струя разрушает клумбу с цветами и грозит уничтожить весь сад. «Гайдар подбежал к трубе, примерился и зажал трубу ладонью. Поток воды остановился. По лицу Гайдара, — писал Константин Георгиевич, — я видел, что он сдерживает мощное давление из последних сил, что ему невыносимо больно. Потом Гайдар долго тяжело дышал. Ладонь у него была окровавлена. Но он был очень радостно настроен — не потому, конечно, что проверил свою силу, а потому, что ему удалось спасти маленький чудесный сад... Благодарить его нельзя было. Он очень сердился, когда его благодарили за помощь».

Так жил капитан детской литературы. Таими же были его герои. Он поселил их в одном из подмосковных дачных поселков, он дал им в командиры Тимура, но так велика была сила таланта, что он создал героев, достойных своего времени, и они сошли с книжных страниц прямо в жизнь... Такие ребята есть в каждом городе и, наверное, в каждой школе. В Рахове мне рассказали еще о двух ребятах — один спас из воды в тот день человека, а другой, шестиклассник, прибежал на заставу и вынес в безопасное место сорок винтовок. И я уверен — встретюсь я с ними, они бы тоже меня убеждали, что не совершали никаких подвигов.

Аркадий Петрович Гайдар верил, что поступки его тимуровцев станут обычной нормой поведения советских пионеров.

**ПО УЛИЦЕ
ШАГАЕТ
ВЕСЕЛОЕ
ЗВЕНО,—**

Праздничен горнист, праздничен барабанщик, а у знаменосца вид самый-самый праздничный!

Еще был Шагать ему впереди всех, стоять на виду у всех, пилотка на нем с кистями и шнур-аксельбант через плечо!

Эй, знаменосец, не гордись чересчур! Нести знамя — высокая честь, и дана тебе эта честь пока что еще авансом!

Знамя-то какое? Красное... Того же цвета, что и над легендарной «Авророй», тогда, в семнадцатом, или в берлинском небе, над рейхстагом, тогда, в сорок пятом.

Красное, как пароль-гвоздика в руке революционера-подпольщика. Красное, как кровь краснодонцев.

Минет этот день, и праздник закончится, и уже самыми будничными, самыми еже-часными делами ты будешь доказывать, что не зря тебе доверяют на парадах нести знамя.

Редкие, торжественные эти минуты — весомая тяжесть древка, шорох и плеск алого шелка у самого лица, — пусть они живут в тебе непрерывно.

Вот что хочет сказать по этому поводу.

**актер и кинорежиссер, народный артист СССР
Ролан Антонович Быков**

Мои пионерские годы прошли в театральном кружке Московского Дома пионеров. С девяти лет и до семнадцати я занимался там.

В августе сорок пятого, почти сразу после конца войны, наш кружок выехал на гастроли в Сталинград.

Город нас потряс.

Он был не только до основания разрушен, — он был буквально затоптан. От него остались лишь немногие обгорелые стены.

Но какой-то человек поставил среди этого огромного пустыря жилье, маленькую халабудку из кусков фанеры, — четыре стены и потолок. На обломке все той же фанеры крупно написал: «Улица Ленина, дом № 1» — и прибил дощечку к стене.

Около одной из братских могил нас выстроили на линейку. Мы стояли, подтянутые, как полагается, — белый верх, темный низ, красный сатин галстуков. И кто-то сказал, что у девочки из нашего кружка здесь похоронен отец. И мы жутко нервничали.

Потом, когда разгорелся костер, мы пели: «Все мы теперь сталинградцы, все мы...» Была в те годы такая песня.

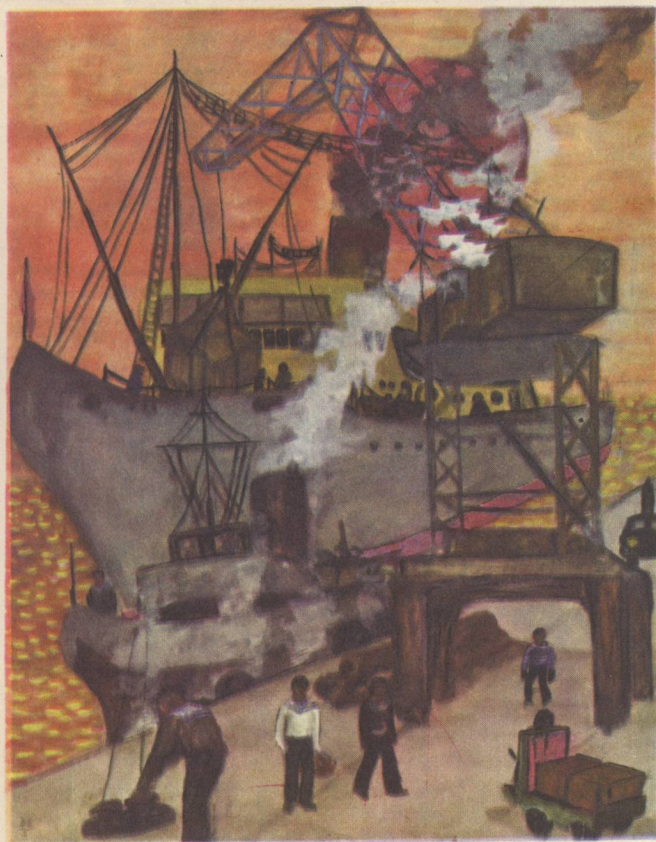
Кстати, тогда же и там же определилось мое будущее. После спектакля «Кот в сапогах», который мы играли на открытой эстраде для рабочих Тракторного завода, я сказал себе: «Буду актером». И стал им. Но не это в данном случае важно.

Важно, что с тех пор, чем бы я ни занимался, какие бы фильмы ни ставил, какие бы роли ни играл, самые главные мысли и чувства свои я сверяю по той линейке, — как мы стояли среди руин, побледневшие, руки вскинуты в сапюте.

Можно сказать, эта линейка звучит во мне, как сигнал горна, издавека, из прошедших лет, — щемяще, протяжно, — помните картину «Звонят, откройте дверь»? Я там играю человека скромного, деликатного, незаметно даже. Но вот он выходит на пионерском сборе на сцену и показывает, как трубили горнисты когда-то, — и до того, оказывается, много у него за душой!

Вот это и важно, — чтобы было что за душой. А знаменосец ты или рядовой, актер, или космонавт, или слесарь, — несущественно. Не в том суть, в конце концов.

ПОРТ

Саша Сороко, 14 лет, Ленинград

СТИХИ МОСКОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

На высоком берегу Москва-реки, на знаменитых Ленинских горах широко и свободно раскинулись корпуса Московского городского Дворца пионеров и школьников. Здесь в одном из корпусов разместились многочисленные кружки Литературного клуба. Вот — «малыши»; у школьников младших классов сегодня в гостях известный поэт; он доверительно рассказывает им, как увиденная на улице сценка легла в основу его стихотворения. Вот — ребята постарше; вихрастый пятиклассник читает только что написанную им научно-фантастическую повесть о полете на далекую планету. А вот и совсем уже юноши и девушки; они понимают, что нельзя научиться писать как следует без серьезного изучения законов литературного мастерства, и внимательно разбирают «онегинскую строфу».

Лирика и юмор, журналистика и фантастика, — многообразны жанры, в которых ребята пробуют свои силы. Далеко не все у них получается, — и тогда своими советами им помогают опытные руководители, сами писатели и журналисты. Зато как бывает приятно и ребятам, и руководителям, когда удачное стихотворение или рассказ напечатаны в журнале или в газете!

Руководитель Литературного клуба
Московского городского Дворца
пионеров и школьников
Г. Жданова

ГОРОД ПРОСЫПАЕТСЯ

Утром я слушаю часто,
Как просыпается город:
Это машины мчатся
Сквозь предрассветный холод.

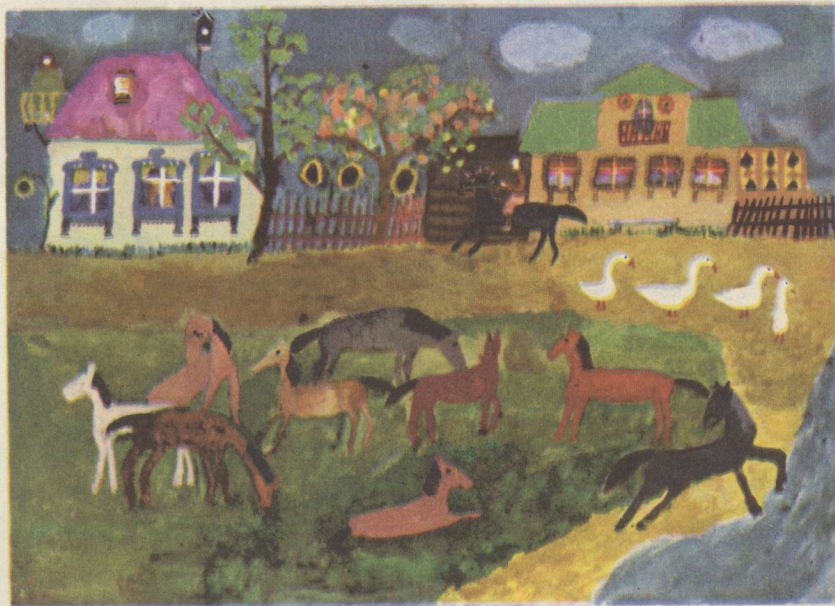
Это наш добрый дворник,
Медленный и щербатый,
Чистит наш старый дворик,
Снег сгребая лопатой.

Но затихает ветер,
И, заалев над парком,
Солнце трогает ветки
Первым лучом неярким.

Где-то шумит непогода,
Где-то конспекты листают.
Где-то цеха завода
Из темноты проступают.

Хлопает дверь в парадном.
Снова заботы дневные.
Слышу, звучат по радио
Родины позывные.

Башкова Галя,
351 школа, 7 кл.

В ДЕРЕВНЕ. Сергей Шаганов, 9 лет, Ленинград

ЗИМНИЙ ЛЕНИНГРАД

Через снег смотрит Пушкин кудрявый вперед,
И кораблик на шпигеле по тучам плывет.
Припорошены снегом колонны Ростральные,
Над Невою два сфинкса застыли печальные,
Медный Всадник замерз. В легком инее конь...
Алым маком во льду светит Вечный Огонь.

ХОЛОДНОЕ УТРО

Пухом туман застрял на
кустах,
Белый вязкий туман.
Не различить в четырех шагах:
Деревья или дома?
Первый ледок на лужах
блестит
Но это начало пути,
А мне еще много надо идти,
Чтоб в школу прийти к девяти.

*Лена Бодрова,
169 школа, 7 кл.*

ЗИМОЙ В ЛЕСУ. Владик Баимов, 13 лет, Свердловск

БЭМБИ

Родился олененок.
Он был и слаб и мал,
Облизан был и тонок
И на траве лежал.
Огромные глазища
Вбирали целый свет:
Дорога — там пылища.
Река — там пыли нет.
И вот уже доверчив,
Как маленькие все.
Он, словно человечек,
Шагает по росе.
Заметив, как упрямо
Дом строит муравей,
Кричит он: «Надо, мама,
Ему помочь скорей!»
Он всем во всем поможет.
Везде оставит след, —
Иначе для чего же
Родился он на свет?!

*Стрельникова Ира,
531 школа, 7 кл.*

ПРАЗДНИЧНЫЙ САЛЮТ. Слава Кудымов, 10 лет.

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Сено пахнет чебрецом,
Хрустит травинка на зубах...
А мы сидим вдвоем с отцом,
Говорим впотьмах.
Скользит по небу тихо
Спутник-огонек.

Месяц его ловит
В свой блестящий рог.
Ночь проходит быстро.
Звездный свет потух.
И на плетне захлопал,
Заголосил петух.

Перемышлев Женя, 704 школа, 5 кл.

САЛЮТ

Салют, салют на улице!
Кругом все расцвело!
Взлетают в небо
звездочки
Красиво и светло.

*Шафран Лена,
75 школа, 2 кл.*

ДОМ-КОРАБЛЬ

РАССКАЗ

Василий Хомченко

Рисунки Ю. Шабанова

Треугольный дом был похож на корабль. Острым носом своим он врезался в площадь, к которой сбегалось пять узких улиц. Корма дома-корабля пряталась в скверике с редкими старыми платанами. Окна в доме были выбиты, стены изрыты пулями и осколками. Первый и второй этажи занимали мы. В остальных трех этажах и на чердаке укрепились немцы.

Это было время тяжелых боев в Будапеште. Зима сорок пятого стояла сырой, с туманами, метелями, частыми оттепелями. Иногда шел снег с мелким дождем.

Мы уже около месяца воевали в городе. Брали у врага с боем каждую улицу, дом, а в доме — каждый этаж и комнату.

В моем взводе, который захватил два этажа дома-корабля, было шестнадцать человек. Четверо — молодые солдаты — новобранцы. Сержант Котов и ефрейтор Геращенко — ветераны. Вместе со мной во взводе полгода. Геращенко к тому же и самый старший, ему сорок второй год. Остальных не назовешь ни бывалыми, ни новичками. Воевал кто месяц, кто немного больше.

Нам предстояло взять этот дом. Он очень мешал нашему наступлению. Немцы держали под обстрелом площадь, сквер и все пять входов с улиц на площадь.

В дом-корабль мы ворвались вчера, через скверик. Вскочили в витрины, забросали нем-

цев гранатами, с ходу овладели и вторым этажом. Проверили подвал. Там были венгры, в основном женщины и дети. Сгрудившись в углу, они следили за нами настороженно, молча. Свет в подвал проникал сквозь узкие оконца, переплетенные железными прутьями. Я спросил, понимает ли кто по-русски. Вышел, опираясь на палку, старик.

— Я понимаю. Я — толмач, переводчик, — назвалса он. — Что изволите?

— Сколько вас тут?

— Шестьдесят пять гражданских мадьяр. Мы тут две недели. Жители этого дома.

Я потоптался, не зная о чем говорить дальше. Тогда в Будапеште все население пряталось в подвалах. Когда мы занимали дом, люди выходили, шатаясь от голода. И эти сидели две недели. Конечно, и они уже съели все свои запасы.

Так оно и было.

— Товарищ, мы голодные, совсем нет кушать, — сказал старик.

Я пожал плечами: где я возьму еды на столько людей? Чем помогу? Еще неизвестно, сколько времени сами будем сидеть в этой западне, куда ни войти, ни выйти.

Поднявшись из подвала, я сказал тогда ефрейтору Геращенко, что надо бы собрать венграм что-либо из продуктов. Тот недовольно пососпел в усы, буркнул: «Соберем».

Я же стал думать, как взять эти три этажа. Раньше мы брали дома, начиная с крыш и чердаков. Но это, если дома стоят впритык, когда можно перебраться с крыши на крышу. Кто воевал в городе, тот знает, что пробиваться сверху вниз легче. А тут наоборот, надо наступать снизу вверх. Собрал я Котова, Геращенко и тех солдат, которые уже участвовали в штурмах домов, чтобы услышать их советы. Стали что-то предлагать, подсказывать. Только Геращенко молчал, сопел в свои оттопыренные, как щеточки, усы, отмахивался от дыма самокрутки. Я спросил, что он думает.

— Танк бы сюда, — сказал Геращенко.

— На каждый дом танков не хватит, — повторил я слова комбата. — Для них дела поважнее есть.

А вокруг гремело, трещало, ухало. К треску автоматов наши уши привыкли, иногда мы его просто не замечали. Где-то над домами ревели самолеты — наши и немецкие летчики дрались в воздухе.

В дальнем конце одной из пяти выходящих на площадь улиц появилась наша самоходка, медленно двигаясь сюда, к нам, и стреляя на ходу. Мы видели, как вздрагивала ее пушка. Было бы здорово, если б она помогла взводу. Может, эту самоходку послал комбат?

Самоходка вдруг начала пятиться назад. Ствол пушки вильнул в сторону и уперся в стену дома... Машина остановилась, красным парусом над ней взметнулось пламя, задымило густо и черно.

— Вот и помогла, — вздохнул Котов.

Он и предложил начать с чердака. В ту же ночь по-кошачьи ловко Котов вскарабкался по водосточной трубе в чердачное окно, оттуда спустил к нам на балкон перевязанную узлами веревку. По ней поднялись еще пятеро солдат. В темноте они наделали переполоху, и те несколько немцев, которые занимали чердак, бросив пулемет, скатились к своим на пятый этаж.

Теперь дом получился слоеный, как пирог: мы, немцы, снова мы. Немцы были взаперти. Но и нас не выпускали.

А выходить и входить надо было. За боеприпасами, продуктами. Мы сидели уже третьи сутки и мечтали о горячих щах и каше. Но нам было еще терпимо. А вот каково мадьярам в подвале, тем шестидесяти пяти? Они все время не выходили у меня из головы, эти венгры — дети, женщины, старики. Два раза мы им относили сухарей, сахару, две банки тушенки. А больше у нас у самих ничего не было.

Позвав Геращенко, я спустился в подвал. Нас сразу окружили женщины, они что-то говорили. На тюфяке около стены стонала девушка. Всхлипывали дети. Мальчик лет пяти,

в оранжевой шапочке, просил у меня хлеба: «Хлеп, дай хлеп». Старик-толмач сидел на земле. Выглядел он сегодня совсем немощным. Я объяснил ему, что у нас у самих нет продуктов.

— Умрут дети, — сказал он.

— Вам надо выйти из дома. Туда, где наши. Там накормят.

Старик перевел мои слова. Все молчали, даже дети. А потом заговорили. Замотали головами, замахали руками.

— Нет, нет.

— Не пойдут, — вздохнул старик. — Боятся. Немцы будут стрелять. Посчитают, что среди нас русские.

Венгры опасались не без оснований. Недавно на моих глазах немцы расстреляли группу женщин, пытавшихся перебежать улицу.

— Тогда еще пару дней продержитесь, — сказал я.

— Держимся, но дети...

Геращенко шагнул к мальчику в оранжевой шапочке, чтобы погладить его по голове. Мальчик схватил его за руку, разжал пальцы. Наверно подумал, что в руке есть хлеб.

пионери

ИЗ ФОТОЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ЛЕТ

**19 МАЯ 1922 ГОДА — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА.**

**Взвейтесь
кострами,
синие ночи!
Мы, пионеры,—
дети
рабочих.**

— Попробуйте сначала выйти маленькой группой, — предложил я старику. — А мы покричим немцам, чтоб не стреляли.

Старик согласился, сказал, что попробует сначала выйти один. Я поднялся на второй этаж, и мы начали кричать в окна:

— Фрицы, не стреляйте! Мадьяр выпустим.

Кричали так несколько раз по-немецки и по-русски. Немцы молчали, не отвечали.

— Неужели они по своим будут стрелять? Это же их союзники, — говорили солдаты.

— Были союзники, теперь нет.

Вскоре старик вышел из дома. Один, с белым флагом. Флаг он держал на плече, палкой-клюкой помогал себе идти. Он постукивал этой палкой, словно слепой, ощупывающий дорогу.

Какой он все-таки был дряхлый, этот старик, и какой худой! Без шапки, седой, как иней, с толстым красным шарфом на шее, шел, вздрагивая всем телом, будто каждый шаг причинял ему боль. Не оглядываясь, не останавливаясь, он отошел от двери подъезда и направился по площади туда, где весь квартал уже заняли наши. Немцы, конечно, видели старика, но не стреляли. Я вздохнул с облегчением — значит, пропускают. Можно выходить и остальным.

И вдруг сверху, с четвертого этажа нашего дома, резанули сразу два автомата. Старик приостановился и вскинул вверх белый флаг — наверно, подумал, что он не виден. Затем, грудью упираясь в клюку, присел и упал на заснеженную булыжную мостовую. Навзничь. И больше не шевельнулся. Белая голова на белом снегу. И нестерпимо яркий красный шарф...

— Как стемнеет, пойду в батальон, — сказал Геращенко. — Проскочу.

— Проскочишь, — сказал я. Это означало, что я дал разрешение.

В комнате, где мы сидели, все было как оставили хозяева. Одежда висела в незапертых шифоньерах, стояли книги на стеллажах. Постель застелена. Все чисто, аккуратно. Только в одном углу были свалены в кучу детские игрушки. Геращенко взял резинового мальчика-голыша, с подрисованными красными усами, повертел его в руке, похмыкал, пальцем попытаться стереть усы.

— Проскочу, — сказал Геращенко.

— Можешь взять с собой еще кого-либо.

— Нет. Люди здесь нужнее. Оттуда возьму.

— Патронов, гранат побольше. И термос каши.

При воспоминании о каше у меня даже голова закружилась — так явственно, осязаемо почувствовал я ее горячий дух.

— Их тоже имей в виду, — кивнул я вниз, туда, где подвал.

— Имею. — Он все вертел в руке резинового мальчика. В уголках губ ефрейтора вздрагивала улыбка. — Подрисовал же усы, озорник.

Вечером, как обычно, в городе наступило затишье. Тишину вспарывали лишь редкие выстрелы. Бои в ночном темном городе на время гасли.

А эти вечер и ночь были светлыми. На звездном небе всплыла луна, полная, чистая, нестерпимо яркая, как прожектор. Площадь и улицы были освещены почти как днем. Стоял небольшой морозец. Редкий снежок еще больше побелил мостовую, крыши, облепил провода, деревья. На площади и на улицах не было ни одного следа. А убитый старик теперь казался просто белым бугорком снега.

Геращенко стоял у окна, готовый к броску. Автомат на груди, на поясе нож. Весь он был подтянут, напряжен, молчалив. Ржаные усы-щеточки упрямо топорщились.

— Кажется, вон облачко появилось, — показал я на смутное, без звезд пятно на небе. — Может, до луны доползет, тень на землю бросит?

— Не дождемся, — сказал Геращенко. — Не впервой под пулями бегать.

Он неслышно, по-рысьи соскочил на тротуар и, пригнувшись, без топота, как по вате, побежал через площадь. Сорокалетний и грузноватый, удивительно быстро и юрко он бежал к дому, где были немцы. Его все же заметили, начали стрелять, Геращенко стал вилять из стороны в сторону и успел добежать до дома. Приостановился под окном и снова побежал, прижимаясь к стенам. Дальше он нам не был виден. По нему стреляли уже где-то там, на другой улице.

В эту ночь я не уснул ни на минуту. Даже не пытался. Ходил из комнаты в комнату, во второго на первый этаж, не удаляясь, однако, от окон, чтобы видны были площадь и улицы, где мог появиться Геращенко. Я верил, что с ним ничего не случится.

А луна торчала в небе. Хоть возьми и стреляй по ней. Разбей на осколки. И звезды подхалимски ей подмаргивали. Одна доморгалась до того, что сорвалась и полетела вниз, как трассирующий снаряд.

Под утро стало еще тише. Это время и выбрал Геращенко для возвращения назад. Шел он вдвоем с солдатом, оба несли за спиной по термосу, по вещевому мешку. Та сторона улицы была теперь в тени, они ее и держались. В нишах, подъездах останавливались. Так незамеченными дошли до крайнего с нами дома. Постояли, прижавшись к стене под балконом. Оставалось перебежать улицу и небольшой угол площади. Хороший бегун пролетит это

расстояние за шесть-семь секунд, конечно, на-
легке, без таких вот термосов и мешков.

Собравшись у окон, мы следили за Геращен-
ко и его спутником, готовые поддержать их ог-
нем. Вот Геращенко что-то сказал своему то-
варищу, тот отошел в сторону. Затем махнул
рукой, и оба побежали.

Как же им тяжело было бежать, навьючен-
ным термосами и вещмешками! На шее авто-
мат, полы шинели бьют по ногам, — в карма-
нах патроны...

Автоматная очередь взорвала тишину, едва
бегуны вступили на площадь. Строчил немец
из нашего дома, откуда именно — мы не ви-
дели. Пули, стуча о камни мостовой, выбивали
искры.

А они бежали. Подпрыгивали термосы, на
полусогнутых локтях болтались вещевые меш-
ки. Солдат, который бежал впереди, уже по-
равнялся с убитым стариком. Увидев его, от-
прянул в сторону, метнулся влево, вправо и
успел вскочить в подъезд.

А Геращенко не добежал. Свалился у самой
витрины. Оставшиеся пять шагов я протащил
его, внес в комнату. Там снял термос, мешок
с хлебом, автомат. Он был ранен в живот.
Когда его бинтовали, сказал:

— Термос пробит. Заткните. Каша плавает.

Был он бледен той зеленой бледностью, ко-
торую я видел не раз — это когда пуля проби-
вает живот навывлет. Это смертельная блед-
ность. Геращенко попросил всех уйти от него.
Солдаты послушались. Остались я и санин-
структор. Геращенко тяжело дышал.

— Ну, чего морщишься? — сказал Гера-
щенко. — Впервой, что ли, смерть видишь?

Он лежал на мягкой широкой кровати,
укрытый голубым стеганым одеялом с рас-
шитыми на нем розовыми и зелеными пти-
цами.

— Вася, — сказал он, пытаясь улыбнуть-
ся, — будь здоров. Иди корми солдат и мадь-
яр.

Ухватившись за край одеяла желтыми паль-
цами, Геращенко натянул его на лицо. Я снял
шапку и вышел из комнаты.

В обоих термосах была каша. В том, что
принес Геращенко — манная, со сгущенным
молоком. Видно, повар специально сварил ее
детям. Четыре пробоины в термосе кто-то за-
ткнул красными тряпочками. Пробоины были
как раны.

Один солдат взял термос, две буханки и по-
нес в подвал. Второй начал делить хлеб и
раскладывать в котелки гречневую кашу.

В подвал я спустился, съев свою порцию.
Все мадьяры сидели полукругом. Женщина
обходила этот полукруг и большой ложкой —

половником делила кашу. Никто не ел. Дети
тянули руки к каше, но им не давали, ждали,
пока все не разделят. Вторая женщина реза-
ла хлеб на маленькие ломтики. Увидев меня,
подошла, протянула кубик хлеба.

— Это кровь, — сказала она. — Кровь ва-
шего солдата. Это мы не забудем.

В этот же день мы овладели всем домом.
Всеми пятью этажами. Бой был таким отчаян-
ным, какого я и не знал. Мы напролом врыва-
лись в квартиры, схватывались врукопашную.
Котов, очистив пятый этаж, прыгнул с солда-
тами на балкон четвертого, прямо на голову
немецким пулеметчикам...

Когда к вечеру подошли наши танки с де-
сантом пехоты, мы сдали им девять пленных
и своих шестеро раненых. Погибло пятеро, не
считая Геращенко. Меня, с простреленными
ногами, отнесли в медсанбат.

...Больше четверти века прошло с тех пор.
Я не знаю, стоит ли тот дом-корабль сейчас и
где живут те люди, которых мы накормили в
подвале. И помнят ли они нас?

Пионерам-солдатам Великой Отечественной войны посвящается

СЫНЫ ПОЛКОВ

Вольт Суслов

Рисунок Ю. Бочкарева

Горнили «К бою!» трубы полковые.
Военный гром катился над страной.
Вставали в строй мальчишки боевые
На левый фланг,
На левый фланг
в солдатский строй.

Великоваты были им шинели,
Во всем полку сапог не подобрать.
Но все равно в боях они умели
Не отставать,
Не отступить
и побеждать.

Тянули связь военные мальчишки,
Катили в бой на танковой броне,
Валились с ног в минуты передышки
И в час ночной
Неслись домой
в коротком сне.

Жила в сердцах их взрослая отвага.
В двенадцать лет по-взрослому сильны
Они дошли с победой до рейхстага —
Сыны полков,
Сыны полков
своей страны.

Где вы сейчас, мальчишки боевые?
Вы по весне прислушайтесь порой:
Зовут героев трубы полковые
На правый фланг,
На правый фланг
в солдатский строй!

пионери

ИЗ ФОТОЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ЛЕТ

Год 1925

В пионерской организации уже более семи-восьмидесяти тысяч человек: пионерские отряды — во всех республиках нашей страны. Выходит газета всей советской пионерии — „Пионерская правда“.

Один из первых пионерских отрядов Ленинграда.

и разговор о вожатом

Операция «Боровик»

Озеро Нарочь часто называют белорусским морем. Летом сюда приезжают отдохнуть, искупаться, погреться на золотом песке, порыбачить.

С наступлением осени пустеют берега Нарочи. Поскрипывают на ветру старые сосны. Золотом горят листья кленов, курлыкают в небе стаи перелетных птиц.

По утрам над озером висят туманы, накрапывает дождь. В лесу пахнет грибами и прелыми листьями. И начинает казаться, что озеро и его берега погружаются в сон — тихо и спокойно.

Ни осенью, ни зимой не прекращается жизнь только в «Зубренке» — республиканском пионерском лагере — белорусском Артеке.

Все так же размеренна жизнь: трубят по утрам, в любую погоду, горы, слышны пионерские песни и смех.

В «Зубренок» приезжают пионеры со всей республики: юные друзья пограничников из Бреста, отличники учебы из Витебска, юные натуралисты из Беловежской пуши.

А почему бы не провести диспут о пионерском вожатом именно здесь? И погода не ахти какая, — значит, времени будет достаточно.

Решено — сделано? Нет, мы ошиблись: на наш диспут нет времени...

Весь вечер просидели над планом работы и не могли отыскать «окна». Пионерский день заполнен до предела.

С утра — уроки, занятия в школе. Потом — обед, потом — тихий час — «абсолют», как его называют здесь, совсем по-артековски.

Потом — совет штаба, встреча с композитором, написавшим песню для «Зубренка», потом — конкурс бальных танцев... Потом... И так — до самого отбоя десятки увлекательных и нужных дел... А времени для диспута нет. Обидно!

И тут старшая пионервожатая Ия Александровна взглянула на Олега Львовича и нерешительно произнесла:

— А что, если завтра? Операция «Боровик»...

Олег Львович, заместитель начальника лагеря, поправил большие очки и сказал решительно:

— Отличная мысль! Проведем операцию «Боровик» вместе с диспутом. Другого выхода нет!

Операция «Боровик» была назначена на 10 утра. Форма одежды — походная. Снаряжение — ведра, сумки, полиэтиленовые мешки, ножи. Задача — прочесать леса... на предмет отыскания в нем грибов-боровиков. Маслята и моховики допускаются как исключение.

Операция началась точно в назначенное время. В ней приняли участие все десять отрядов. Каждый отряд собрал по четыре ведра отличных грибов.

Дополнительные трофеи: гадюка — одна, птенец-кукушонок — один. Пригодятся для живого уголка! Гадюка, правда, не пригодилась: во время «пленения»... слишком шпыняли ее палками. Учитель зоологии очень жалел об этом факте!..

...В диспуте о вожатом приняли участие почти все ребята. Диспут состоялся на лесной поляне, под старыми соснами. Был задан первый вопрос:

— Как вы представляете себе вожатого?

На поляне стало тихо-тихо. Только пискнула пролетевшая пичуга да

работающий старательный дятел продолжал выстукивать по стволу какую-то замысловатую фразу азбукой Морзе: тук-тук... тук... тук...

— Может быть, ребята не поняли вопроса, — подумал я, — может быть, им просто неинтересно?

И тогда я задал сразу несколько вопросов, чтобы стало яснее:

— Какой вожатый больше всего по душе? С каким просто? С каким вожатым интереснее?

Прошло полминуты, и заговорили все сразу, перебивая друг друга. Ведь диспут проходил не в классе, где полагается поднимать руку и вставать для ответа! Диспут проходил в лесу...

Говорили горячо. Я едва успевал записывать фамилии и ответы.

— Вожатый — это прежде всего — товарищ... Старший товарищ, — убежденно сказала Таня Лещинская из Витебска.

— Хороший товарищ, который может понять нас, найти общий язык, — добавила Наташа Брель из поселка Василевичи Гомельской области.

— Хороший вожатый тот, кто все время с нами, а не приходит, чтобы просто отвязаться...

— Значит — нянька? — спросил я.

— Нет! Няньки нам не нужны! — это уже кричали все, хором.

— Нет! Не нянька! — сказала Таня Дедуля из Бреста. — Хорошо, когда вожатый веселый и строгий... И всегда остается молодым...

Это она хорошо сказала: «...всегда оставаться молодым...»

Я спросил:

— Отличается ли вожатый от учителя? Чем?

Миша Толкачев из деревни Крупец Гомельской области ответил так:

— Вожатый все время с нами, а учитель — только на уроках. Часто вожатый нас лучше знает и нам с ним проще и интереснее.

Галя Жуковская из города Мосты Гродненской области сказала так:

— В «Зубренке» вожатые идеальные. Прекрасные вожатые! И совсем не няньки, хотя все время отдают нам все свое время. Мы это понимаем...

И снова заговорила Таня Лещинская из Витебска:

— Прошлым летом я была в другом лагере. У нас был плохой вожатый. Жил он только своими интересами. Мы это видели... В конце концов он ушел от нас...

Ребята еще долго шумели и галдели. А я в нерешительности думал, задать еще один маленький вопрос или не задавать.

Мальчишки и девчонки пробыли в «Зубренке» целый месяц, скоро и домой. Привыкли, конечно, к своим вожатым, сдружились, но ведь и по дому соскучились...

Задал все-таки свой «каверзный» вопрос:

— Хочется ли поскорее домой?

И снова зашумели, загалдели на лесной поляне. Пришлось выслушивать по одиночке.

Таня Лещинская:

— Хочется домой, хотя с вожатыми в «Зубренке» интереснее!

Миша Толкачев:

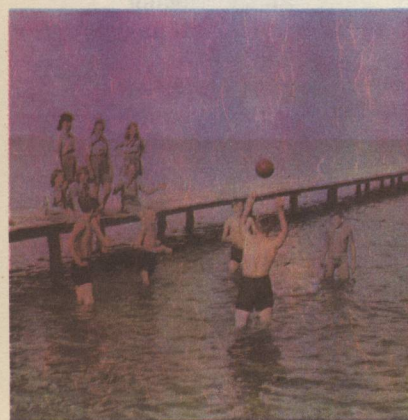
— Немало интересного узнали мы от своих вожатых. Дома это пригодится!

Наташа Брель:

— Дома у нас так: то родители на работе, то мы в школе, а здесь вожатые всегда с нами. Я еще раз хочу приехать в «Зубренку».

Прощально прозвучал горн. Операция «Боровик» закончилась, а вместе с ней закончился и разговор о пионерском вожатом. Точку поставил все тот же дятел: тук-тук... тук...

Отряды построились и с песней пошли к лагерю. Я тоже шагал

в строю, замыкающим. И на ходу еще раз перебирал в памяти все выступления, запоминая облик зубренковского вожатого.

А потом, осенью, мне пришли домой письма. Сто шесть разных писем с ребячьими мнениями. Диспут продолжался...

*М. Мамедов,
спец. корр. «Костра» в «Зубренке»
Фото А. Ритова*

ВОТ СТРОКИ ИЗ ЭТИХ ПИСЕМ

Вожатый отличается от учителя тем, что учитель немного строже вожатого...

Саша Гурман, Брестская область

Самая хорошая вожатая Светлана Захаровна.

А не очень хорошим вожатым я считаю вожатого, который невеселый и с ним нет никакого разговора.

Аня Хмелевская, Гродненская область

Хорошо бы называть вожатого на «ты», но как-то не решаешься. Все-таки обычно вожатый старше тебя не на год или два.

Саша Шафранский, г. Лунинец Брестской области

Интересно с вожатым, который любит шутить.

Саша Радьков, г. Шклов Могилевской области

Вожатый должен как можно больше знать обо всем. Мне больше всего по душе вожатый веселый и простой...

Коля Тарасенок

Если вожатый хороший, то с ним интересно и мальчикам, и девочкам.

Без подписи

Бывает, вожатый сто раз заставляет тебя переделывать что-то, а ты все равно знаешь, что он — добрый.

Вожатый для меня как старший брат или сестра.

Толя Жогло, дружина «Нахимовцы»

Родителям иногда и некогда спросить, как у тебя дела, не дослушивают, когда рассказываешь, а вожатый всегда выслушает и всегда готов помочь.

Тамара Клюева, дружина «Лазурная»

Мне кажется, если оба — и вожатый, и учитель — хорошие, то они ничем не отличаются друг от друга. С обоими интересно!

Галя Милютинина, д. Тибор Гомельского р-на

Если вожатый очень и очень нравится ребятам и сам уважает ребят, то он становится самым близким другом. Хороший — очень добрый вожатый — ничем не отличается от мамы и папы. Так мне кажется...

Люба Селивонец, Брестская область

По-моему, плохих вожатых не бывает. Я лично таких не видел.

Вася Ракевич, «Зубренок».

Мне по душе такой вожатый, который в любую минуту может ответить на любой вопрос, может посоветовать что-то, поправить, если что не так...

Валя Жолудь, «Зубренок».

Хороший вожатый никогда не ворчит на ребят, а может подсказать новое, интересное дело!

Саша Кузьмицкий, Могилевская область

Просто и хорошо с вожатым, который помнит, каким сам еще недавно был. Тот, кто всегда готов прийти тебе на помощь.

Валя Симонов, Витебская область

ПО УЛИЦЕ ШАГАЕТ ВЕСЕЛОЕ ЗВЕНО,—

Прекрасно шагает. Церемониально. Слаженно.

В каждом движении, в каждом жесте так и видится: «Ах какие мы молодцы!» Конечно, молодцы. Столько всего сделали! И маршрутами марша «Всегда готовы!» прошли, и в операции «Живое серебро» участвовали, и «Кожаный мяч» гоняли, и «В страну знаний» путешествовали, и подарки для вьетнамских детей собирали, и Дворец пионеров в Анадыре строили. Заслужено полное право нынче так шагать!

И, как всегда в подобные минуты, о чем-то помнится, а о чем-то слегка забывается. И кажется, что это ты сам такой умный, сам до всего дошел и во всем преуспел.

Но на самом деле это не совсем так, верно?

Кто-то ведь научил тебя и костер разжечь с первой спички, и азбуке флажков, и пионерболу. Кто-то объяснил, какая трава лекарственная, а какая ядовитая, показал прием самбо, похвалил твой рисунок, надоумил написать письмо Анджеле Дэвис, —

Посоветовал, намекнул, подтолкнул, — ну, а уж дальше-то ты и вправду все сам. И шагаешь, гордый собой.

А потом пройдут годы. И в памяти все станет на свои места. И если когда-нибудь тебя спросят о твоём детстве, весьма вероятно, что ты ответишь, как ответил нам

**лауреат Ленинской и Государственной премий,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР,
конструктор-оружейник
Михаил Тимофеевич Калашников**

Я думаю, что в том, как сложилась моя конструкторская жизнь, «виноват» мой пионервожатый.

Я рос в маленьком селе Курья в Алтайском крае. Наш вожатый был влюблен в военное дело. «Пионеры — это разведчики, — говорил он, — они идут впереди и прокладывают армии путь». Мы намечали точку на карте и должны были по компасу и по ориентирам добраться туда к назначенному времени. Зубрили марки танков и учились по силуэтам различать самолеты. Хотели учиться стрелять. Но мы были не то что юными, а совсем-совсем маленькими пионерами, и стрелять нам было еще рано.

«Ничего, — утешал вожатый, — подрастете». А пока что брал деревянный макет винтовки и показывал, как с помощью этого макета, станка и мишени-указки можно тренироваться в прицеливании.

Вожатый поступал правильно. Тучи сгустились, и до Хасана, до Халхин-Гола было уже недалеко.

Помню свою первую настоящую стрельбу, уже чуть позже, в городской школе. Тир. Воздух, стены, подстилki на линии огня — все пропитано запахом пороховых газов и щелочного масла. Не так запомнились положенные три выстрела — потому, очевидно, что сердце колотилось от радости и ноги прямо подгибались, когда взял, наконец, в руки

«тозик», — так вот, не так запомнились выстрелы, как последующая чистка и смазка.

Чистка — дело медленное. Винтовка на столе. Нажал на спусковой крючок, вытаскиваешь затвор, он весь в потеках. Вытираешь его тряпочкой, драишь ствол щелочью, потом поглядишь на свет — зеркало, значит, можно смазывать...

Мне всегда с того времени кажется, что у оружия — душа живая. Недавно, когда я приехал в гости на энскую пограничную заставу, мне рассказали, что среди солдат бывают такие разговоры: «Ты один был в дозоре?» — «Нет, вдвоем с АКа». А-Ка, АК, — это мой автомат, моей конструкции, и очень приятно было узнать, что его одушевляют.

После школы я работал в политотделе Турксиба, в 1938 году меня призвали в армию. Служил я в танковых войсках. А в начале Великой Отечественной ранило меня, и уехал я в тыл на целых полгода.

Тогда-то я и начал проектировать автомат.

Смущало, что этим занимаются специалисты, и вдруг я, самоучка, тоже лезу. Но армия страшно нуждалась в безотказном эффективном оружии, и я решил рискнуть.

Когда что-нибудь не получалось, мне представлялось, что рядом со мной стоит мой алтайский вожатый: «Пионеры — это разведчики, разведчикам всегда труднее».

Иногда думаю: а что, если бы наш вожатый был бы здорово влюблен не в военное дело, а в литературу или, допустим, в футбол?

Что же, я тогда, выходит, стал бы писателем или футболистом?!

Шутки шутками, а если рядом с мальчишками и девчонками есть взрослый, страстно что-то любящий, подвижник, энтузиаст, — это всегда заразительно! Очень!

Привет от Вернера

РОМАН

Юрий Коринец

Рисунки А. Селжова

Дыхание веков

Апрельским солнечным утром мы подходим к Троицким воротам Кремля. Мы идем в Кремль! Не просто так идем, а в гости. Да, да, не удивляйтесь — мы идем в гости к одной нашей знакомой, которая живет в Кремле.

Я люблю Троицкие ворота в Кремле! По-моему, это самые лучшие ворота! Конечно, другие ворота тоже красивы, особенно Спасские. Спасские даже считаются самыми главными: на них установлены старинные часы с золотыми цифрами и стрелками, которые играют «Интернационал», нашу лучшую песню, партийный гимн. Это не только наш гимн — это интернациональный гимн всех коммунистов мира. Раньше часы играли «Боже, царя храни!» Они это играли, играли, но напрасно: все равно царь не сохранился! Он слетел со своего трона, и теперь часы играют «Интернационал».

И все же мне больше нравятся Троицкие ворота. Почему? Во-первых, потому, что через эти ворота въехал в Кремль Владимир Ильич Ленин, вот кто! 12 марта 1918 года, когда наше правительство переехало из Петрограда в Москву. Так что эти ворота знаменательные. Символические ворота. Это во-первых. А во-вторых, они очень красивы! Ведь в них входят не как-нибудь, а по мосту. Когда-то это был подъемный мост через речку Неглинку. Неглинка именно здесь огибала Кремль и ниже, возле Боровицких ворот, впадала в Москва-реку. И сейчас она там впадает. Сейчас она тоже огибает

Продолжение. См. «Костер» № 4, 1972 г.

Кремль, но под землей, в трубе, и мост сейчас перекинут через Александровский сад. Странно смотреть с моста на этот сад внизу, под стенами Кремля, и думать о том, что под садом, где-то во тьме, течет река Неглинка...

У меня всегда хорошее настроение, когда я иду в Кремль. Особенно весной. Внутри Кремля я сразу чувствую себя особо торжественно: как будто совсем в другом городе! Здесь нельзя бегать, кричать и шалить, говорит отец. Потому что здесь правительство работает. И живут члены правительства. И старые большевики. Здесь тишина. Только часы на Спасской башне гулко отбивают время, да издали, приглушенно, доносится рокот Москвы. Там, в городе, тесно и шумно, там жизнь бурлит, и время там течет в тысячах маленьких ручейков, и скачет, и прыгает, а здесь — за стенами Кремля — просторно, светло и тихо, и время здесь течет как в широкой мощной реке: медленно и торжественно. Как отец говорит. Он говорит, что в Кремле слышно дыхание веков...

Вы знаете, что такое век? О, это большое слово — век! Хотя оно и короткое. Это много-много лет, сто лет, вот сколько это — век! В Кремле не один век дышит, здесь много веков дышат! Вы спрашиваете, слышал ли я это дыхание? Конечно, слышал! Я слышал это дыхание, когда играл один во дворе позади Успенского собора. Мне очень нравится этот дворик позади Успенского собора, там никогда никого нет, там даже можно бегать и прыгать, все равно никто не увидит. Это мое место. Я там в классы играю: гоняю камешек носком ботинка. Я на одной ноге прыгаю. Мостовая там замечательная, она выложена большими разноцветными каменными плитами, по ним интересно скакать, и расчерчивать мостовую не надо — клетки готовы! Так вот: там я иногда слышал дыхание веков! Такой тихий шум, как будто старик шепелявит — «ш-ш-ш-ш»... Или ветер с камнями шепчется... Дыхание веков — это дыхание истории. В Кремле на каждом шагу история, потому что все дома — соборы, дворцы, церкви, вообще все стены и камни — связаны с разными историями, которые уходят своими корнями в глубину веков.

Но нам с отцом сейчас некогда заниматься этой глубиной веков, всеми этими дворцами и соборами, потому что нам нужен только один дворец: Потешный. Мы спешим в Потешный дворец — сразу поворачиваем из Троицких ворот направо и идем в глубину, параллельно кремлевской стене. Потешный дворец небольшой, желтого цвета, а Потешным он называется потому, что давно когда-то в нем был царский театр. Там устраивали

разные потехи для царей и цариц, представления. Но мы спешим туда вовсе не для потехи! Мы спешим по делам: в гости к Мархлевской. Вот к кому мы идем! Это она там живет, Бронислава Генриховна Мархлевская — вдова известного революционера, друга Ленина, Юлиана Мархлевского. Он польский революционер, но в ссылке был у нас, потому что Польша была частью Российской империи. Поэтому Мархлевский и участвовал в нашей Революции. Бронислава Генриховна тоже была другом Ленина. А вдова она потому, что сам Мархлевский умер в 1925 году. Он был больной, потому что долго пребывал в ссылке, как все старые большевики. Вот мы к Мархлевской и спешим, ясно вам это? Ну, я рад, что вам ясно!

Мархлевская встречает нас в полутемном коридоре дворца. Она уже думала, мы не придем! Так долго мы ходим. Мы с Иосифом всегда долго ходим...

— Твой стакан давно тебя ждет! — весело говорит Мархлевская, и я сразу бегу вперед, в комнату...

Мархлевская с Иосифом медленно идут сзади, громко разговаривая. Она всегда громко разговаривает. И смеется громко. Ни минуты не сидит без дела, даром что она маленькая и полная. Она всегда полна энергии. И веселая. По комнате она перекатывается, как шарик, и весело смеется. С ней вы никогда не грустите. А если вам грустно, вы сразу перестанете грустить, как только ее увидите.

Но мне сейчас и так не грустно: я бегу вперед к своему стакану на подоконнике. Мой стакан всегда ждет меня на подоконнике, в углу, за складками тяжелой шторы. Вам интересно узнать, что это за стакан? Обыкновенный тонкий стакан с мыльной водой! И с соломинками. Так что не удивляйтесь — я буду пускать мыльные пузыри. Я очень люблю пускать мыльные пузыри. Это своего рода спорт. Да, да, не думайте! Что не думать? Не думайте, что я шучу, вот что! Я вовсе не шучу. Это спорт, и довольно сложный.

Во-первых, надо приготовить настоящий мыльный раствор. Просто взболтать в воде кусок мыла нельзя. Настоящего раствора так не получится: пузыри из такого раствора будут непрочными, большой пузырь вы не надуете, он лопнет. Мыльный раствор надо приготавливать постепенно. Главное — не спешить. Надо налить в стакан воды и настругать туда тонкую мыльную стружку. И ждать. Пока мыло само не разойдется. Да, забыл вам сказать, что мыло должно быть высшего качества, лучше всего медицинское. Стиральное не годится. Как только на поверхности раствора появится нежная белая пена — раствор готов. Добавьте в него немного глицерина и попробуйте надуть пузырь. Через соломинку. Если пузырь достигнет в диаметре сантиметров пятнадцати и не лопнет, даже если проткнуть его смоченным в растворе пальцем — значит, раствор хороший. Можете пускать пузыри. Я здорово умею пускать мыльные пузыри!

Иосиф с Мархлевской сидят на диване и разговаривают, а я пускаю по комнате пузыри. Я их с кресла пускаю. И с подоконника — высоко-высоко! Они летают по всей комнате — разноцветные, радужные, веселые! Они все время лопаются, но на то они и мыльные пузыри. Вечно они жить не могут. Но в те мгновения, когда они живут — пузыри прекрасны! Они прозрачные и отливают цветами радуги. Желто-сине-розово-зеленые — вот они какие! Светло блестят в них прямоугольные отражения голубого окна: по одному окошку с каждой стороны пузыря. Эти окошки яркие-яркие, словно нарисованы волшебной краской. В этих маленьких отражениях четко видно все, что находится за окном — пейзаж Кремля виден! Успенский собор с золотыми куполами, колокольня Ивана Великого, деревья, и небо, и облака! Все видно в этих маленьких отражениях окон на тонкой прозрачной стенке мыльного пузыря!

Когда надуваешь большой пузырь, он вытягивается и колыхается, и начинает быстро-быстро вращаться вокруг своей оси, не отрываясь от соломинки, и все краски и

отражения тоже растягиваются, и колыхнутся, и меняют окраску, как живые. А потом пузырь вдруг отрывается от соломинки и летит! Если дуть на него снизу, он будет долго летать по комнате, пока не наткнется на какое-нибудь препятствие. А если не дуть, он спокойно и беззвучно лопнет на толстом ковре. И оставит на ковре малюсенькое мыльное пятнышко.

Сейчас я вам еще скажу великую вещь: можно пускать мыльные пузыри зимой на морозе. Почему это великая вещь? Потому что они тогда сразу замерзают и их можно брать в руки, только осторожно, нежно — и держать в руках замерзший мыльный пузырь! Здорово, правда? Но это зимой, а сейчас весна. И сейчас я их просто пускаю в комнате.

А можно делать и непрозрачные шары. Это отец умеет делать. Потому что он курит. Он надувает свои пузыри папиросным дымом. Они тоже получаются разноцветными, только внутри они матовые, непрозрачные. Они лопаются на ковре, как настоящие бомбы. Только беззвучно. И над ними встают облачка дыма. Когда много таких пузырей лопается на ковре, он становится похожим на поле боя. Особенно, если расставить по коврику оловянных солдатиков.

Потом мы садимся на диван и делаем цепи из пузырей: цепляем один пузырь за другой, и у нас получается целое прозрачное ожерелье. Такую цепь трудно сделать — но нас же трое мастеров, — мы долго стараемся, пузыри часто лопаются, но наконец мы создаем длинную прозрачную цепь пузырей... Теперь хватит! Мне уже надоело!

— Давайте чай пить! — говорит Мархлевская. И мы садимся пить чай.

Я долго не могу заниматься одним каким-нибудь делом. Надо все время заниматься разными делами. Одним делом все время заниматься скучно. Вы со мной согласны?

Так что мы сейчас будем другими делами заниматься. Я пойду гулять, а Мархлевская с Иосифом будут книгу писать. Книгу о Юлиане Мархлевском. В общем-то, ее пишет отец, а Мархлевская ему просто кое-что объясняет. И вспоминает. Как все раньше было, когда она с Юлианом в Германии жила, в 1901 году — вот как давно это было! Они тогда жили в немецком городе Мюнхене, и Ленин тогда тоже там жил. Там был главный штаб «Искры» — первой большевистской газеты. И Мархлевские помогали там Ленину издавать эту газету. Мархлевская с удовольствием вспоминает эти дни. И как они в ссылке сидели, и в тюрьме, она тоже вспоминает. Только уже без удовольствия. Она все это хорошо помнит.

Мы сидим, пьем чай и беседуем. Очень уютно беседуем. Комната у Мархлевской большая, таинственная. Потолки в ней сводчатые, они постепенно переходят в стены — полукруглыми арками. Это очень старинное здание — Потешный дворец — потому что потолки в нем такие...

Прямо напротив меня висит большой портрет Юлиана Мархлевского: в буденновской форме, в остроколючем шлеме со звездой. У Мархлевского усы и борода. Как у Ленина. Только немножко другие. А глаза у Мархлевского веселые, как и у Брониславы Генриховны. Портрет висит над камином, а на камине, на широкой каменной полке стоят огромные шишки — величиной с человеческую голову! Эти шишки растут на берегу Черного моря, Мархлевская их оттуда привезла, под Москвой таких нет. Еще на камине стоят японские куклы и лежат японские веера, а вокруг по стенам висят японские гравюры — разноцветные картины на белых свитках. На них нарисованы горы, сосны, камыш, хризантемы. И еще разные птицы. Все это Мархлевская привезла из Японии, она там жила, когда Юлиан был нашим советским представителем в Японии. Он ведь тоже был дипломатом — Мархлевский.

Попив чаю, я отправляюсь гулять. Один. А Мархлевская с отцом остаются работать.

Я иду прямо к Царь-колоколу. Он стоит возле колокольни Ивана Великого, на каменном возвышении. А перед Царь-колоколом широкая пустынная площадь.

Когда я туда прибегаю — по площади маршируют красноармейцы, курсанты Кремля. Я на них долго смотрю, они очень красиво маршируют! Они четко хлопают подошвами по брусчатке, нога в ногу, и звук их шагов далеко разносится над площадью. Курсанты идут к Спасским воротам и скрываются в них. Наверное, они в Мавзолей идут — сменить караул. Там всегда караул должен стоять. Потому что там Ленин спит.

А я залезаю в Царь-колокол. В нем есть треугольная дыра, а отвалившийся кусок лежит рядом на земле. Дыра большая, я в нее спокойно влезаю. Я с Царь-колоколом давно не встречался, даже немного соскучился. Я его очень люблю. Не потому, что он — Царь-колокол, а потому, что он мой тайный дом. Я в нем играю. Внутри в Царь-колоколе темно и таинственно. Но немножко все же видно. Язык, например, видно. Какой язык? Обыкновенно какой — колокольный! Язык у Царь-колокола огромный — медный, тяжелый, в несколько пудов! Поднять его невозможно. Вот он там и лежит. На каменном полу. И я там на нем сижу, в этом своем тайном доме.

Я сижу и слушаю, как снаружи ветер шумит. Весенний ветер. Он иногда и сюда забегает — в колокол — и гудит, и посвистывает в колоколе, как в огромном свистке. И даже забирается мне под воротник холодными невидимыми пальцами.

— Куда он девался, этот юный большевик? — это снаружи Мархлевская спрашивает.

Они с Иосифом меня ищут!

— Я где-есть! — кричу я из Царь-колокола.

— Где? — не могут они понять.

— Да где-есть!

Они ходят вокруг Царь-колокола и никак не могут понять, откуда я говорю.

— Голос доносится из-под земли! — говорит Иосиф.

— Чудеса! — смеется Мархлевская. — Удивительно!

Она очень хорошо смеется. К ней сразу чувствуешь доверие, когда слышишь ее смех...

И тут я вылезаю из Царь-колокола! Под общий смех!

— Мы идем смотреть ледоход! — говорит отец.

О! Ледоход! Я очень-очень люблю ледоход! Я тоже пойду смотреть, конечно! Я бегу впереди и напеваю припрыгивая: «Мы ходим каждый год смотреть на ледоход!» — вот и стихи получились, вы замечаете? Даже в рифму.

Чтобы смотреть на ледоход, надо подняться на открытую террасу Большого Кремлевского дворца. Какой широкий с нее открывается вид! Широкий и неоглядный, на юг — на Москва-реку и Замоскворечье.

Москва-река далеко уходит к горизонту — вправо и влево, — и куда хватает глаз, всюду по ней движутся льдины, освещенные солнцем, вдали они сливаются в серую ленту, а внизу, прямо перед нами, за зубчатой полосой кремлевской стены, хорошо видны все отдельные льдины — как они сталкиваются и встают ребром, и ныряют, столкнувшись друг с другом, в черную воду реки, и опять выныривают, и спешат, спешат, спешат — меж черных берегов к горизонту...

И люди видны на набережной, и на мосту через Москва-реку: смотрят на ледоход...

Мы стоим тихо-тихо, не разговаривая, Мархлевская смотрит на ледоход в бинокль, а мы с Иосифом просто так.

Холодный ветер носится над террасой, над Кремлем, над Москвой, он доносит к нам наверх шум ледохода. В этом шуме шипение снега, звон льда, всплески воды — все сливается в торжественный, ликующий, мощный голос весны.

Дождь

Когда мы подходили к дому, полил дождь. Первый весенний дождь. Он весело шумел над городом и обмывал весь мир: и черно-оранжевые, с набухшими почками деревья, и золотые купола церквей, и серые крыши, и красные лозунги, и стены, и окна домов, и улицы с площадями.

Дождь был сильный, частый, с порывами ветра. Весной всегда идут дожди, которые все обмывают, всю землю — готовят ее к цветению. «Это в природе недаром все так устроено, — думал я, входя во двор. — А то бы всегда грязно было. Если б не эти дожди...»

В нашем дворе было какое-то водяное столпотворение! Дождь устроил здесь карусель, потому что ветер, залетая во двор, начинал крутиться вдоль стен как сумасшедший, поднимая рябь в серебряных лужах, вскипая под водостоками и брызгая пригоршнями капель по оконным стеклам...

С трудом — останавливаясь и смеясь — прорвались мы сквозь эту круговерть в свое парадное.

В парадном мы отряхнулись, я отряхнул шапку, а Иосиф слил воду со своей шляпы — на ней было много воды. Я оглянулся: памятник Воровскому стоял во дворе одинокий и покинутый, потемневший от дождя, и мне казалось, что полы его пиджака развеваются по ветру, несмотря на то что они каменные...

Дома нам здорово попало от мамы. И мне попало, и Иосифу. Ему даже больше. За то, что я промок. И за то, что у меня синие губы и горячий лоб. Как будто в этом виноваты мы с Иосифом! Это же природа виновата, — дождь! Но мама сказала, что это наша природа виновата, а не дождь... вот попробуй и поспорь с ней!

Мама взяла в буфете маленькую серебряную ложку, я открыл рот, и мама, прижав мне ложкой язык, веле-

ла сказать «а». Так мама всегда делает, когда ей кажется, что я заболел. Я тогда говорю «а?», и болезнь отвечает: или «да», или «нет». Она это маме отвечает, на особом языке, на котором только мама понимает. А отец не понимает. И я не понимаю. Но это «а?» почему-то должен именно я сказать, а не мама, хотя ответ слышит мама. Или врач. Врач тоже понимает ответ. Все это странно, но факт!

— Ну, как? — спрашиваю я. — «Да» или «нет»?

— Да, — говорит мама. — Допрыгались вы со своим ледоходом! Горло красное и жар...

— Она кладет мне ладонь на лоб.

— Мне, наоборот, холодно! — говорю я.

— Час от часу не легче, — мрачнеет мама. — Видно, серьезно. Сейчас же ложись...

Мама приготавливает мне все чистое — стелит новые простыни, надевает новый пододеяльник и наволочки — и я ложусь.

Я люблю ложиться в чистую постель, особенно, когда мне холодно и я устал — а вы? Я очень люблю! Простыни и пододеяльники шуршат и топорщатся, потому что ониakraмалены, у них такой прохладный, приятный, свежий запах! В те простыни я ложился, как будто нырял в прохладную реку. Все тело покрывалось гусиной кожей. Но не надолго. Постель быстро нагревается, становится тепло и уютно...

Но на этот раз было совсем по-другому. Мне становилось все холодней. Гусиная кожа не проходила. Я дрожал. Мама дала мне градусник. Я сунул его под мышку и свернулся под одеялом клубком, накрывшись с головой. Мои зубы, когда я их не сжимал, выстукивали мелкую дробь...

Родители пили за столом чай и о чем-то шептались. В комнате быстро стемнело, потому что день был и так пасмурным. Ветер выл в камине с особенной силой, и дождь порывами барабанил в окно.

— Тридцать восемь! — сказала мама, взяв у меня градусник. — И глаза у тебя красные... странно!

— Мне что-то свет мешает, — сказал я слабым голосом. — Потушите!

Мама потушила яркий абажур над столом и зажгла зеленую лампу возле окна, прикрыв ее газетой. Она села на кровать и взяла меня под одеяло за руку. И Иосиф сел на кровать. Он положил мне свою тяжелую руку на голову.

Я очень любил, чтобы они сидели у меня на кровати, когда я засыпал. Что может быть лучше в жизни, особенно, если ты болен! Ничего! Это я вам точно говорю.

Да вы, наверное, со мной согласитесь. Хочется, чтобы они так сидели всегда, всю жизнь, и никуда не уходили! Тогда на сердце так хорошо-хорошо! И вместе с тем грустно, потому что боишься, что они вдруг куда-нибудь уйдут. У Вовки ведь мама когда-то ушла, умерла то есть, и теперь у Вовки — Жарикова. Она хороший человек, и к Вовке относится хорошо, любит — и его, и Зусмана — и все-таки она мачеха. А не мама. Это совсем другое дело. Чего-то в ней не хватает, в мачехе. Мне Вовка сам говорил. Мать свою Вовка помнит слабо, как будто во сне, но все равно он ее любит больше всех на свете. Он мне показывал ее фотографию. Она такая худая, черная, с большими глазами... Но ее нет! Умерла — это значит нет, и никогда больше не будет. А у меня есть мама, вот она сидит рядом со мной и держит меня за руку. И будет держать долго-долго, сколько я захочу. И Иосиф гладит мне голову рукой. У него совсем другая рука, у Иосифа, — тяжелая и шершавая. Сильная большая рука!

Что-то есть в этих руках такое, чего нет ни в каких других человеческих руках.

Я лежу, и молчу, и думаю. И тихонько дрожу, потому что никак не могу согреться.

Ветер гудит все сильнее. Весь дом гудит от ветра. И тут я куда-то проваливаюсь...

Каменный гость

Снова задрожала комната: это вошел Воровский.

— А ты живой? — спросил я тихо.

— Для тебя я живой...

Я потрогал каменные складки на рукаве — они были твердые! И холодные!

— Ты — камень? — спросил я тихо.

— Камень! — улыбнулся Воровский. — Я всегда был камень!

— Как всегда? Ты же был человек?

— Конечно, человек! Но твердый, как камень! Большевики все как камень...

— Ты никогда не плакал?

— Никогда! — твердо сказал Воровский.

— И когда тебя убили?

— Тогда я просто не успел бы, даже если б захотел.

— А почему они тебя убили, а ты не убил?

— Стреляли сзади, — сказал Воровский. — В спину...

— И отец говорил — в спину... Ты их не видел?

— Я их увидел потом...

— Как потом? Мертвый?

— Я уже был мертвый, но еще мог видеть... некоторое время.

— Разве мертвые видят?

— В первые мгновения... вернее — в последние!

— Расскажи, как это все было! — попросил я. — Мне Иосиф рассказывал, но я хочу, чтобы ты...

— Я ужинал... — начал Воровский, но я его тут же перебил:

— Ты разве не воевал? На коне, с шашкой?

— Все бывает гораздо проще, — усмехнулся Воровский. — Я просто ужинал в ресторане... А убийца сидел за соседним столиком. Белогвардеец Конради. Я его, конечно, знал, но не знал, что он будет стрелять вот тут, в ресторане, в спину...

— А я думал, что тебя убили на войне! — сказал я. Я был немножко разочарован.

— Там и была война! — сурово сказал Воровский. — Дипломатическая! Меня преследовали на каждом шагу!

— Значит, мы тоже будем на войне? За границей?

— А как же!

— И нас могут убить?

— Вполне...

Это мне понравилось... Не то, что меня могут убить, а то, что я буду там на войне! Ведь мы скоро поедем в Берлин!

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Что же дальше... дальше он встал и выстрелил... Падая, я обернулся и увидел его: белого офицеришку! К нему подскочили, обезоружили... Он, подлец, еще требовал, чтобы оркестр сыграл траурный марш... Потом я умер... вот и все!

— А я бы, как только увидел их в ресторане, сразу был подошел и убил первый! — сказал я.

— Так нельзя, — улыбнулся Воровский. — Игра должна быть честной!

— Они же убили нечестно!

— На то они и подонки!

— Их много?

— Много, — сказал Воровский. — И чувствуют они себя там вполне свободно... Но Революция и там победит! Когда ты вырастешь, везде будет по-другому... А теперь мне пора!

Он встал. Мне стало грустно, что он уходит.

— А ты еще придешь?

— Приду! Письма ты хорошие мне писал...

— А ты все прочитал?

— Все до одного! — серьезно сказал Воровский.

— А как ты понял мои буквы? Мама ведь не понимает мои буквы!

— Любая буква — условный знак, — объяснил Воровский. — Я разгадал твои знаки! Спасибо тебе!

— Так ты приходи!

— Непременно!

Возвращение к жизни

Мое выздоровление мама называла «возвращением к жизни».

Выздоровливал я медленно. Краснота глаз у меня прошла, и сыпь прошла, только кожа еще долго шелушилась, сходя мелкими чешуйками, как у ящерицы, они ведь часто меняют кожу, каждый год, а мы не часто, но тоже меняем, только незаметно, а тут, после кори, я менял ее очень заметно, я весь обновлялся, возвращаясь к нормальной жизни. Я уже вставал и играл со своими игрушками, но только один. Гизи и Вовку ко мне не пускали, пока не кончится карантин.

И вот однажды он кончился, этот длинный карантин: было утро, в комнату ярко светило солнце. Я встал, оделся и пошел гулять во двор. Лето было в разгаре! Зеленел сквер на Кузнецкой площади перед нашим двором, и деревья были не голые, не оранжево-черные, как еще недавно, а пышно-зеленые. И двор был какой-то новый — веселый, залитый солнцем. Дворник Ахмет стоял возле памятника Воровскому в белом переднике с бляхой и поливал из шланга пьедестал и асфальт вокруг пьедестала. Серебряная струя воды разбивалась брызгами о Воровского, а вокруг прыгали и смеялись ребята. В углу двора рядом с дверью магазина громоздились возле стены новенькие желтые ящики из-под продуктов, и ветер шевелил в них обрывками серой бумаги. Я сразу побежал к ребятам... О, как они запрыгали и загалдели вокруг меня! И Вовка запрыгал, и Гизи, и еще какие-то ребята, Вовкины товарищи, тоже в красных галстуках, как и Вовка. Все мне улыбались, и дворник Ахмет, и ребята, и Гизи — и даже Воровский мне подмигнул сверху одним глазом, но я, конечно, сделал вид, что этого не заметил...

Гизи уже не была такой бледной, как раньше, она немножко загорела, а Вовка был весь в желтых веснушках, и его рыжие волосы горели, как пламя. Я почувствовал себя в центре внимания, после долгой болезни, все закидали меня вопросами, теребили — как я себя чувствую, да как я болел, да что я буду теперь делать, да когда мы поедем на дачу, и когда в Берлин...

А я смотрел на Гизи — какая она стала красивой! Еще красивее, чем была! Я, конечно, сделал вид, что вовсе не на нее смотрю и не о ней вовсе думаю.

Вовка сказал:

— Давай-ка отойдем, нам нужно поговорить!

И я сказал:

— Давай!

Мы отошли в дальний угол двора и сели возле ящичной пирамиды на перевернутый ящик. Ящики были из тонких неструганных досок, перетянуты по краям проволокой, сбиты гвоздями и выложены внутри серой бумагой. Пахли они смолой и конфетами...

— Пастилу давали, — сказал Вовка. — А ящики мировые! Я взял два...

— Зачем?

— Что-нибудь сделаю! — сказал Вовка. — Может, планер, а может, еще что... этюдник, например!

Вовка ведь был художник.

— А мне сделаешь? — спросил я. Мне сразу очень захотелось иметь этюдник.

— Сделаю, когда будет время, — сказал Вовка. — Сейчас со временем туго, — и важно сплюнул далеко в сторону. Вовка умел плевать очень далеко.

Я тоже сплюнул, но у меня получилось не так далеко.

— А почему мало времени? Школы же сейчас нет?

— Что школа! — с презрением сказал Вовка. — К слету готовимся...

— К какому слету?

— Вот человек! Болезнь память отшибла?

— Ничего не отшибла!

— Так я ж тебе говорил по секрету, помнишь? Про пионерский слет? Видишь, вон ребята ко мне пришли, — он кивнул на школьников в красных галстуках. Они стояли у памятника и о чем-то говорили, глядя в нашу сторону.

Фатима и Ахмет

Фатима с Ахметом живут в подвале. Окно их комнаты выступает над асфальтом только наполовину, нижняя часть окна сидит в земле. В яме, закрытой решеткой. В мое окно видны только небо да крыши, а у Фатимы с Ахметом никакого неба не видно. И никаких крыш. Зато у них в окне видны ноги: человечьи, кошачьи и собачьи. Когда мимо окна проходит человек, видны человечьи ноги, в туфлях или ботинках, с галошами и без галош, или валенки! А если проходит кошка или собака, то мелькают лапы, большие и маленькие, белые, желтые, черные, пегие! Интересно сидеть и смотреть в это окно, оно у них прямо над столом, я иногда у них сижу и смотрю, и мне кажется, что весь мир населяют одни только ноги! Это какой-то ногастый мир, который видится у них из окна! Я люблю угадывать по ногам, кто прошел: знакомый или незнакомый. Я знаю всех жильцов нашего дома по ногам! Вы-то небось знаете своих знакомых по головам, потому что

никогда не смотрите на ноги, а я умею узнавать людей по ногам. Иногда, когда мама и Иосиф куда-нибудь уходят, они просят Фатиму меня взять, и тогда я изучаю в окне разные ноги. Фатима тоже здорово узнает жильцов по ногам. Даже лучше меня! Еще бы: она всю жизнь прожила перед этим окном.

Наверно, потому она так любит галоши! О, она очень любит галоши! У нее страшно много галош: блестящих и тусклых, старых и новых, на красной байковой подкладке, и на синей, и на черной, галош глубоких и мелких, с острыми носами и с тупыми. Даже моя мама несколько раз дарила Фатиме галоши, я хорошо помню, и Фатима была очень счастлива. Она так любит галоши, что надевает их, даже когда сухо, а не только когда дождь, она даже в солнечную погоду их надевает! Она, например, любит сидеть в солнечную погоду в новых галошах перед окном на ящике. И щелкать семечки. Семечки она тоже любит. Она их очень красиво щелкает — быстро-быстро: кинет и раз! кинет и раз! кинет и раз! Она их быстро щелкает, даже когда задумчива. Когда она задумчива, она их даже быстрее щелкает! Я, например, так быстро щелкать не могу. И Вовка не может. А Гизи вообще не умеет их щелкать — Гизи с одним семечком возится, как будто это орех, а не се-

мечко! Фатима всегда над ней смеется. И над нами она тоже смеется, когда мы с Вовкой пытаемся обогнать ее с семечками. Да — семечки и галоши — это ее страсть, как говорит мама. А еще Фатима любит вещи, разное барахло — платки, плюшевые зипуны, коверкот, яркие цветастые отрезки на платье, разные кальсоны и рубашки. И Ахмет тоже любит. Поэтому, наверно, Фатима и Ахмет все время пропадают на барахолке, это такой базар — барахолка, где продаются разные вещи, старые и новые, но больше старые. Фатима и Ахмет все свободное время проводят на этом базаре. Подметут двор — и идут на базар.

...Мы с Вовкой спустились к Фатиме, вошли, постучавшись, и остановились на пороге, посреди огромной коллекции галош, не зная, куда ступить, чтобы не попасть в галошу.

Фатима сидела на кровати и смеялась, как всегда, Фатима ведь была хохотушка. Платок на ней черный с розовыми цветами и зелеными листьями, очень яркий платок, и платье было яркое, голубое, а из-под платья выглядывали пестрые шаровары, а из-под них — галоши на босу ногу, новые, черные, с блестящими острыми носами...

Ахмет молча улыбается.

— Ну, что, карты доставать? — деловито спрашивает Вовка. — Раскинем?

— Давай, Вовочка! — говорит Фатима. — Давай карты! Ахмет мне совсем голову заморочила!

«Какие карты? — думаю я. — Неужели они тут играют в карты?»

— Вы будете играть в карты? — шепотом спрашиваю я Вовку.

— Сейчас увидишь! — подмигивает Вовка.

Все садятся к столу. И я сажусь, хотя мне как-то не ловко, я знаю, что это плохо — играть в карты, — мне мама говорила, это Ляпкины все время по вечерам в карты играют... И вместе с тем мне очень хочется посмотреть!

Фатима поправляет на столе клеенку, и мы садимся вокруг, в тесноте. Краем глаза я вижу в окне две пары кошачьих ног: это кошка карабкается по решетке.

Вовка достает из ранца колоду карт. Карты самодельные, они вырезаны из плотной бумаги и на тыльной стороне расчерчены наискось крест-накрест цветными карандашами. Мне становится стыдно за Вовку. «Как это он может! — думаю. — Пионер — и в карты играет!» Вовка невозмутимо тасует колоду. Фатима и Ахмет смотрят на него серьезно. Становится так тихо, что слышно, как чирикают за окном воробьи. Вовка сдает карты, тыльной стороной вверх — Фатиме и Ахмету — себе он почему-то не берет...

— Ну, Ахмет, открывай! — говорит Вовка.

Ахмет открывает одну карту и кладет ее на середину стола. И тут я вижу, что на карте нарисованы две буквы! Две буквы «Б» и «А», я эти буквы знаю, а черточка после них, вот так: «БА-» и больше ничего! «Что это за карты такие?» Я смотрю на Вовку, но он на меня не смотрит, он удивительно серьезен, даже важен, он смотрит на Ахмета и говорит:

— Ну?

Ахмет впивается в карту своими черными глазами, как будто хочет ее съесть, на его гладком лбу появляются морщины, он думает некоторое время, потом краснеет и произносит:

— БА!

— Правильно! — говорит Вовка и смотрит на меня с победоносным выражением, как будто это он сказал «БА!», а не Ахмет...

— У кого есть вторая половина? — спрашивает Вовка. — Фатима?

— Моя нет! — говорит Фатима, разглядывая свои карты.

— И у меня нет! — говорит Ахмет.

— Фатима, бери еще карту! — приказывает Вовка. Фатима достает из Вовкиной колоды еще одну кар-

ту, смотрит на нее в ладонях, беззвучно шепчет губами, потом весело говорит:

— Есть!

— Что есть? — спрашивает Вовка.

— Ба! — говорит Фатима.

— Молодец! — говорит Вовка. — Ну, складывай! Что получилось?

Фатима кладет рядом с первой картой вторую, удивленно смотрит на нее, весело произносит:

— БА-БА! — и смеется.

И Ахмет смеется. Только Вовка серьезен... И тут я вдруг понимаю! Они составляют слова! Это Вовка их грамоте учит! Ну, и молодец же Вовка! А я думал, они в карты играют!

— Понял? — говорит Вовка. — Это такой новый метод учебы! По букварю для взрослых...

Он весь сияет, несмотря на то что серьезен. У него даже появляются капельки пота на верхней губе.

— Пойдем дальше! — солидно говорит Вовка. — Составим предложение, которое разбирали вчера...

Фатима и Ахмет опять ищут в своих картах предложение. Если у них нет нужной карты, они берут наугад из Вовкиной колоды, пока не находят нужную. Мне тоже интересно угадывать буквы, я ведь не все знаю! Фатима читает быстрее, поэтому мне становится жалко Ахмета, и я пытаюсь ему подсказать, но получаю за это выговор от Вовки. Наконец, предложение составлено, и Фатима с выражением читает его: «Баба не раба». Потом составляют второе предложение, и его читает Ахмет: «Бары не мы, мы не бары».

— Ну, а теперь Фатима прочитает нам стихотворение «Прачка»! — говорит Вовка. Он открывает свой букварь для взрослых.

— Начинай, Фатима!

Фатима краснеет и ерзает на табуретке. Она закрывает лицо уголок платка и смотрит в стол.

— «Я стираю...» — говорит Фатима и останавливается.

— Ну? — подбадривает ее Вовка.

— «Брызжет мыло, рука ловкая горит...»

— Не так! — кричит Вовка. — «Руки ловкие горят!» — вот как надо! Дайте-ка я вам прочту...

Первая примерка

Зусман вызвал меня на примерку, потому что он шьет мне костюм.

Я вошел к Зусману и сразу ему подмигнул.

— Когда же вы едете на дачу? — спросил он.

— Скоро поедем... — сказал я.

Он набрал в рот булавок из маленькой коробки на столе и подошел ко мне с сантиметром на шее и с жилеткой в руках. Это была моя будущая куртка, еще не законченная, без рукавов, и шита белыми нитками.

— А вы меня щекотать будете? — спросил я.

— Зачем щекотать? — Зусман шепелявит, потому что во рту у него булавки. — Никто не шабриаетша щекотать...

Он говорит, сжав губы.

— Ай!

— Шпокойней, шпокойней, молодой шловек!

Зусман надевает на меня исчерченную мелом жилетку. Длинными узловатыми пальцами он залезает мне под мышки, и становится щекотно.

— А где рукава?

— Пока полушай один! — говорит Зусман и надевает мне на одну руку рукав, припиливая к плечу.

Я вижу себя в зеркале: у меня очень смешной вид в этой жилетке с одним рукавом.

— Шикарно! Не коштом, а мешта! — говорит Зусман, отходя в сторону. Он разглядывает меня, склоняя голову набок, как птица. Он и вправду похож на рыжую птицу. А я похож на чучело без штанов, которым в огороде пугают птиц. Я видел такое чучело в деревне у Вани.

— Это будет фрак? — спрашиваю я.

— Зачем фрак? Ты уже хошешь фрак?

— Я не хочу фрак!

— Так и не будет никакого фрака! — весело говорит Зусман. — Зачем нам фрак? Мы же еще не штарики!

— А штаны будут?

Зусман смеется:

— А как же! Нельзя же нам ехать за границу без штанов! Вот — залезай-ка в штаны... только осторожно...

Я залезаю в короткие штаны, держась за шею Зусмана. Кое-где в этих штанах булавки, и они покалывают кожу.

— А правда, что если вы костюм не сошьете, то за границу не пустят?

— Как не пустят? Почему?

— Я не хотел идти на примерку, потому что щекотно, а мама говорит, что не пустят...

— И правильно говорит! — восклицает Зусман. — Обязательно не пустят!

— Почему?

— Потому что надо быть одетым с иголочки... Стой смирно!

Зусман быстро подшивает на мне штаны.

— Вот с этой иголочки? — показываю я на иголку в Зусмановых пальцах. Она так и летает по воздуху, а за ней тянется нитка. — А почему не с нитки?

— Потому что иголочка — это главное! Иголочка шьет! Когда костюм попадает к заказчику, он сходит с иголочки. И он тогда совершенно новый. Быть одетым с иголочки, значит, быть во всем новом! Вот и выходит, что иголочка главное! Иголочка голова, а нитка — тело...

Все это Зусман говорит, ползая вокруг меня на коленях.

— Вшегда во вшем ешьт главное! — говорит он и вынимает изо рта булавку. — В любом деле есть своя иголочка, про которую нельзя забывать! Надо ее беречь — эту иголочку! Если б не было этой иголочки, все ходило бы голыми, ясно?

Я киваю.

— И никто не поехал бы за границу! — торжественно добавляет Зусман, подняв вверх свой длинный узловатый указательный палец.

— А на дачу? — спрашиваю я.

— А на дачу можно ехать в костюме Адама! — смеется Зусман.

Я тоже смеюсь. Я знаю, что значит «в костюме Адама». Это значит — голышом!

Путешествие за сто ручьев и одну реку

Путешествие за сто ручьев и одну реку — это дорога на дачу. Вас, может быть, удивит, что я называю дорогу на дачу путешествием. Конечно, если посмотреть на эту дорогу из сегодняшнего дня, если повторить ее сегодня — она явится вам другой, более короткой. И поездку по ней уже не назовешь путешествием. Но это сегодня! А вчера, если понимать это вчера в высшем смысле, то есть давно, — эта же дорога была очень долгой. Почти бесконечной. Спрашивается, почему так? Да потому, что мир стал меньше, чем в моем детстве, вот почему! В моем детстве мир был огромным! Он был потрясающе огромным, уверяю вас!

В моем детстве наша дача была очень и очень далеко — где-то за полями и лесами, за кустами, ручьями и оврагами, и ехать туда надо было почти сутки. Вместо одного часа, который вы потратите сейчас. Да и не только дача была далеко — возьмите, например, Дальний Восток. Он тогда был действительно дальним, туда надо было ехать чуть ли не полмесяца! А Северный полюс, на котором сегодня люди живут, наши люди, мошквичи, которые со своими семьями каждый день раз-

говаривают оттуда по радиотелефону, и к которым в гости съездить не так уж и долго — ну, несколько часов в один конец — этот Северный полюс был в моем детстве неприступен. Он был белым пятном! Сейчас он давно не белое пятно (хотя и остался белым, потому что на нем снег и лед). Да что там Северный полюс! Что там Земля, когда даже Луна перестала быть белым пятном. На Луне давно люди ходят, даже машины-автоматы, луноход, например, и лететь до этой Луны всего несколько дней! Вот каким маленьким стал наш мир! Не только земной, а и космический тоже.

Сейчас, чтобы поехать на дачу моего детства, то есть в деревню за Москва-рекой, на высоком берегу, вы должны сесть в электричку или в автомобиль — и через час вы на месте. А в моем детстве вы садились в телегу и ехали с четырех утра до позднего вечера. Вы брали с собой чемодан или узел продуктов, чтобы по дороге завтракать, обедать, а то и ужинать. Но я не скажу вам, что дорога была скучной. Нет! В том-то и дело, что она была вовсе не скучной. Вот, посудите сами...

Мы тряслись в телеге, усталой сеном, посреди чепухи и узлов: я, Гизи, моя мама, Гизина мама и Ваня — он правил лошадей. Серая в яблоках лошадь, по кличке Мальчик, неторопливо трусила впереди телеги в оглоблях, под высокой расписной дугой.

Москва давно уже осталась позади. Вокруг были поля, луга и перелески. Было раннее-раннее утро. Яркое желтое солнце медленно сопровождало нас низко над землей. Солнце было нежарким, небо чистым, ветер еще не появлялся, как часто бывает в такие вот утра. Мы с Гизи сидим впереди, рядом с Ваней. Мы смотрим вперед, как медленно разворачивается впереди земля, отходя в стороны, а в середине виляет по холмам ухабистая дорога.

Впереди все слилось в один зеленовато-голубой фон, туманный и нежный, как акварельный рисунок, где все очертания смазаны кистью. Но вот вы приближаетесь, голубая полоска в стороне от дороги становится полем льна с желто-голубыми кустиками, они шевелятся, потому что проснулся ветер и дует на них, а остервершие шапки великанов за полем оказываются просто стогами сена на лугу. А пестрые пятна — коровье стадо. Коровы смотрят на нас и жуют, пока мы проезжаем...

Гизи поражают эти просторы, эти бескрайние поля и леса, эти ручьи и овраги! Этот горизонт! Это огромное небо! Я чувствую себя хозяином всего этого, и немножко воображаю. Это ведь все мое, это моя родина. И Ваня родина, и мама. А для Гизи это чужая незнакомая страна.

— Я сейчас буду править лошадей! Jetzt werde ich das Pferd lenken, — говорю я важно.

— Kannst du denn das? — спрашивает Гизи.

Могу ли я! — спрашивает она. Конечно, могу! Я — да не могу! Это же моя родина, я тут все могу!

Ваня дает мне вожжи. Он дает их мне просто так, как будто я всю жизнь только и делал, что правил лошадьми. Молодец Ваня! Он меня понимает. Он подмигивает мне, кивая на Гизи:

— Вези невесту! — говорит он, улыбаясь. — А я часочек вздремну...

Ваня ложится позади нас в сено, подстелив фуфайку под голову. И сразу засыпает от бесконечного потряхивания телеги. А я держу вожжи, и сердце у меня замирает от гордости.

— Ho! Ho! — говорю я. — Балуй, нечистый дух!

Я стараюсь говорить басом.

Когда мы добрались до Москва-реки — до последней преграды перед Ванюхой деревней — солнце наконец обогнало нас, скрывшись за горизонтом, и на смену вышла луна, посеребрив потемневший вокруг мир. Тут дорога спустилась на пляж. Мы слезли с телеги, потому что Мальчику стало трудно ее тащить по песку, и пошли сзади, увязая в холодном песке ногами. Ваня шел рядом с Мальчиком, понукая его, и оба они почти растворились в густом синем воздухе ночи. За рекой тявкали и заливались лаем собаки, колеса шипели в песке, еле слышно журчала впереди вода, струясь через перекат. Река мне показалась бездонной пропастью, черной, как деготь. Только в одном месте, куда Ваня направлял Мальчика, тянулась по воде серебряная лунная дорожка. По этой дорожке мы и поехали, взгромоздившись опять на телегу. Шумела вода, сверкали брызги; в стороне — внизу и вверх — поблескивали в черноте звезды; я смотрел на них и клевал носом, так мне хотелось спать; и вот я уже спал, все еще продолжая видеть вокруг себя эти редкие звезды, потом я вдруг ощутил тепло маминых рук и тишину... Так я приехал на дачу: спящий, в окружении звезд, на руках у мамы...

Горизонт в чистом поле

Как только мы приехали на дачу — утром, на другой день, — мы сразу побежали с Гизи смотреть туман на реке.

Пока мы бежали к реке, все вокруг было белым-бело, вся деревня плыла в тумане, в белом молоке висели крыши, окна, заборы, колодезный журавль, скамейка возле плетня — все это плавало вокруг нас, пока мы бежали, и солнце бежало вместе с нами; из тумана вынырнула река, кусочек реки с обрывистым берегом, и

пионери

ИЗ ФОТОЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ЛЕТ

Год 1926

„Юные пионеры под руководством комсомола выросли в мощный отряд пролетарских детей, стали подлинным поколением ленинцев“.

(Из обращения VI съезда ВЛКСМ).

„Ленина помним заветы, идем путем Октября“, „Учись, чтобы знать и побеждать!“ — эти лозунги ребята написали сами.

синий с прожилками камень над рекой, похожий на Конька-Горбунка с двумя горбами и седлом посередине.

Мы с Гизи вскочили на этого коня и долго скакали в сказочном мире, который был совсем ни на что не похожим, мы летели на Коньке-Горбунке высоко над землей, и только солнце все еще летело вместе с нами в этой заповедной стране, летело, как странная оранжевая планета без горячих лучей, а мы смеялись, и смех звучал приглушенно, как будто мы смеялись в вату, и отвечали нам невидимые в тумане вороны своим хриплым карканьем... А потом туман рассеялся и мы приземлились над рекой, на краю широкого луга, позади которого лежала деревня, а впереди под высоким берегом — река, а за нею пляж, и опять луга, и синяя полоска леса на горизонте...

Так я показал Гизи горизонт в чистом поле, она смогла на него насмотреться, насмотреться впервые в жизни, потому что у себя в Германии она никогда не видела такого горизонта, она всегда жила в городе. Где-то там, где садилось по вечерам оранжевое солнце, жил Гизин папа в Германии, он делал там Революцию, и поэтому закат был таким красным, как говорила Гизина мама, таким тревожным, потому что Гизин папа писал в своих письмах, что очень скучает по Гизи и по ее маме, что он очень хочет приехать к нам в Россию, посмотреть на Гизи, как она тут живет. Ему было там одиноко, у него не было квартиры, он писал, что ночует прямо на столе в комитете партии, что он хотел было снять комнату, но когда хозяева узнали, что он коммунист, ему в комнате отказали. Он писал Гизиной маме, что много работает, почти не спит, и о том, что партия стала сильнее, хотя она все-таки еще маленькая, не такая, как должна быть, и что им мешают какие-то там социал-демократы, и из-за этих социал-демократов им трудно бороться с фашистами... Я успокаивал Гизи, говорил, что я скоро туда поеду и передам привет ее папе, и посмотрю, как он там живет и привезу его с собой в Москву. И Гизи улыбалась.

Как шепчутся раки

А пока я показывал Гизи разные места, которые мне подарил отец в прошлом году... Вы спрашиваете, как мог мне Иосиф подарить какие-то там места? Вы говорите, что хоть он и отец, а этого он никак не мог сделать? Ведь место не вещь, его не унесешь в кармане! Как он мог, например, подарить мне место на реке, где ловятся раки? А вот и мог, представьте себе! Подарить такое место, это значит, объяснить его, посвятить вас в тайны этого места, открыть его вам, показать всю его прелесть.

Я привел Гизи на одно такое место на реке, которое подарил мне прошлым летом Иосиф. Я привел ее туда как бы между прочим, хотя заранее к этому подготовился, нарочно взяв из дому рогульку и кусочек сырого мяса (сейчас поймете, зачем). И мы побежали на речку. Но я-то знал, куда я бегу! А Гизи, конечно, не знала, она просто так бежала. Когда мы подбежали к этому месту, я остановился, и Гизи, конечно, остановилась. Я стоял, заложив руки за спину и с нарочно безразличным видом смотрел вокруг — на крутой берег, поднимающийся здесь ступеньками, на густую осоку возле воды и чистое окошко с песчаным дном в этой осоке, на маленький ивовый кустик недалеко... Обычное место, скажете вы. Но я-то знал, что место здесь необычное! Гизи тоже невольно посмотрела вокруг, следуя за моим взглядом.

— Merkst du hier was besonderes? — спросил я ее: «Замечаешь ли ты тут что-нибудь особенное?»

— Nein, — сказала Гизи, посмотрев еще раз вокруг.

Она уже хотела шагнуть дальше, она думала, что я над ней смеюсь. Но тут я сказал, таинственно понизив голос:

— Hörst du die Krebse flüstern? — то есть: «Слышишь, как шепчутся раки?»

В черных глазах Гизи мелькнуло любопытство. Мы оба замолчали и прислушались. В воздухе над берегом стоял еле слышный шепот...

— Das ist das Schilf, — сказала Гизи. Она думала, это осока!

Я рассмеялся, счастливый. Я не знаю, почему я стал вдруг такой счастливый!

— Gleich zeige ich dir, wer das flüstern, — сказал я, доставая из кармана кусочек мяса. В руках у меня еще была заготовленная дома рогулька. Гизи смотрела во все глаза! Я привязал мясо к рогульке и подошел к чистому окошку в осоке. Берег здесь был удобный: он подходил к воде невысокой ровной ступенькой, покрытой мягким ковром травы. Я велел Гизи лечь на живот и смотреть в воду. Сам я тоже лег на живот. Я взял свою рогульку за длинную ручку и опустил два коротких конца с привязанным к ним куском мяса в воду, на дно. В прозрачной воде рогульку с мясом было хорошо видно. Она казалась больше, чем на самом деле. Она лежала на светло-коричневом песке, и кончик веревки, к которой привязано было мясо, чуть колебался, теребимый течением. Сюда достигали солнечные лучи, освещая чистый песок и разноцветные камешки на дне, а дальше во все стороны речное дно постепенно уходило в мягкую синевато-коричневую тень, растворяясь в этой холодной тени.

Через минуту я толкнул Гизи локтем, скосив глаза вправо: там, из речной глубины, показался сначала темно-зеленый рачий хвост, потом ноги, потом клешни и голова с усам! Рак двинулся задом! Раки всегда двигаются задом, уж не знаю, почему так, им почему-то так удобнее! Вслед за первым показался второй рак, потом третий и четвертый... Они двигались к мясу! Глупые раки! Это они шептались под водой, а вовсе не осока, ясно вам теперь? Раки всегда шепчутся, как старые заговорщики, как речные сплетники. Положите когда-нибудь в корзину много раков и приложите к ней ухо: вы услышите громкий рассерженный шепот!

Я резко взмахнул рогулькой, выкинув ее из воды... Два рака не успели оторваться от мяса, они описали в воздухе полукруг и шлепнулись в траву позади нас! Гизи испуганно отбежала в сторону, а я взял одного рака двумя пальцами сзади, под грудь, и показал его Гизи. Рак хватал клешнями воздух и громко хлопал по собственному животу хвостом. Он хотел меня испугать. Но меня он не мог испугать, как ни старался. Только Гизи он испугал, хотя он ей и понравился. Она даже потрогала его пальцем, но взять побоялась, да это и понятно, ведь она все-таки девочка.

Другого рака мы тоже нашли в траве, он чуть было не уполз обратно в реку. Я связал обоих раков веревкой и сказал, что мы их возьмем домой и дома сварим и съедим... И тогда Гизи увидит еще одну интересную вещь: она увидит, как рак в кипятке покраснеет!

Я сказал Гизи, что покажу ей еще такие же заколдованные места, только не рачьи, а другие. «Дай только срок, — сказал я, — я тебе много чего покажу!» — и тут вдруг кто-то хихикнул... Мы оглянулись — никого рядом не было. «Что это, рак, что ли, хихикнул?» — подумал я. Тут опять кто-то хихикнул, громче, ясно было, что это человек, а не рак — но где? Вокруг было пусто! «Кто это там хихикает?» — сказал я громко. — А ну, вылезай! Я тебя вижу!» Так я нарочно сказал, на самом деле я никого не видел, но, как только я это сказал, из высокой травы над обрывом высунулись две головы! Сами головы были темными, а волосы вокруг них светились ярким золотистым сиянием, потому что сзади на них падало солнце. Это были деревенские ребята из соседнего дома, Санька и Петя. Они быстро скатились вниз по обрыву и подошли, с любопытством глядя на Гизи. Санька был чуть повыше меня ростом. Оба с темными веснушками на медных лицах, с копнами бе-

лых от солнца волос, босые, в широких черных штанах до колен и пестрых рубашках.

— По-каковски это вы тут балакаете? — спросил Санька.

— По-немецки, — сказал я.

— А ну-ка, скажите еще что-нибудь, — попросил Санька.

— Чего сказать? — мне не очень хотелось говорить по заказу, я чувствовал, что надо ему как-то противостоять, этому Саньке: уж очень он был самоуверенный.

— Ну, чего-нибудь... чего-нибудь скажи ей! — повторил Санька.

Не успел я сказать, как вперед выскочила Гизи:

— Was wollen die Beide? — сказала она со своим прекрасным берлинским акцентом, — «Чего они оба хотят?» — и Санька вдруг засмеялся ей прямо в лицо. Он хохотал, приседая, бесстыдно глядя на Гизи.

А Петька молчал, широко раскрыв рот, и тоже пожил Гизи глазами. Под носом у него было мокро. Я видел, как покраснела Гизи и почувствовал, что краснею сам. Авторитет мой стремительно падал.

— Это кукла? — выдал из себя Петька, показав пальцем на Гизи.

— Никакая она не кукла! — сказал я сердито. — Немка она... — а сам я посмотрел на Гизи и подумал, что она действительно похожа на фарфоровую куклу со своими черными волосами, белым цветом кожи и нежным розовым румянцем на щеках.

— А можно ее потрогать? — спросил опять Петька.

— Нечего трогать! — сказал я сердито.

— Подумаешь тоже! Уж нельзя ее тронуть, твою куклу! — презрительно сказал Санька.

Он стоял руки в боки, потом нагнулся, сорвал травинку, сунул ее в угол рта и плюнул в сторону. Он мастерски плюнул, ничего не скажешь! Этак зыркнул, оскалив передние зубы. Очень далеко плюнул, даже дальше, чем Вовка.

Я тоже нагнулся и сорвал травинку, тоже засунул ее в угол рта и попытался плюнуть в сторону, приложив все старания, все навыки, которые преподавал мне Вовка, но у меня ничего не получилось! Слюна осталась у меня на губе, и я ее быстро вытер. Это было ужасно!

Санька хмыкнул, увидев мой позор.

— Давай поборемся? — предложил он. — Кто сильнеей?

Раздумывать было некогда, хотя Санька был выше меня ростом, и старше, и, наверное, здоровей...

— Давай! — сказал я отчаянно, оглянувшись на Гизи; я очень боялся, что она уйдет, и вместе с тем боялся, что она увидит мое поражение. «Уж лучше бы она ушла, если он меня свалит!» — подумал я и обернулся к Саньке.

Он нагнулся и пошел ко мне, широко расставив руки. И я пошел, тоже расставив руки и следя за каждым его движением. Он вдруг прыгнул, как кошка, и пригнул меня к земле, обхватив за шею ладонями. Я напрягся изо всех сил, чтобы не упасть, потом быстро опустил к земле и выскочил из-под его рук. Тут же

я схватил его одной рукой за спину, а другую упер ему в подбородок. Санька засопел и стал красным... Я сделал отчаянный ревок — и Санька растянулся на земле! Я сел на него, отдуваясь, прижимая его плечи к земле:

— Сдаешься? — спросил я.

— Сдаюсь... пусти! — прохрипел Санька.

Я выпустил его, и мы сели рядом на траву. Санька смотрел на меня серьезно, в его глазах появилось уважение.

— Здорово ты! — сказал он. — Я и не думал, что ты такой сильный!

— Какой я сильный! — сказал я скромно.

А про себя я сам удивился, что я такой сильный. Никогда бы не подумал, что могу его свалить! И — главное! — это видела Гизи. Она и Петя подошли к нам и тоже сели на траву. Я сидел гордый.

— А она, значит, немка? — кивнул Санька на Гизи.

— Немка, — подтвердил я. — Она из Германии приехала... Ее отец там Революцию делает! Скоро я тоже поеду в Германию! — все это я выпалил ему одним духом. Я почувствовал, что Санька совсем покорен.

— А как ее зовут? — спросил он.

— Гизи, — сказал я; я подумал, что он засмеется. Но он не засмеялся.

— Мы раков ловили, — сказал я. — Вон они, в траве...

Санька встал и взял раков.

— Подходящие, — сказал он. — Я вам еще больше могу наловить. Сетку надо... и лягушку ободрать. На лягушку лучше пойдет...

— Я знаю, — сказал я.

— А цветов я могу ей знаешь сколько нарвать?! Я могу ей васильков нарвать! Я знаю, где видимо-невидимо васильков! Во ржи...

— Да я тоже знаю, — начал было я, но Санька перебил меня нетерпеливо:

— Ты переведи ей про васильки! — сказал он. — И айда! Если она захочет.

— Er fragt, ob du Kornblumen pflücken willst.

— O, ja, — сказала Гизи. — Das will ich genau!

— Хочет! — сказал я.

— Тогда пошли! — обрадовался Санька. — Там их видимо-невидимо! Стрась! Она такого сроду не видела! — затараторил он в захлеб.

И мы побежали за васильками, сразу перейдя в галоп: впереди Санька, за ним я, за мной Гизи, а сзади неуклюже семенил Петя, придерживая рукой свои огромные черные штаны...

Пионерский слет

Когда мы приехали в Москву, дни завертели еще быстрее. Это тоже была карусель, яркая и пестрая, но совсем другая. Там, на даче, она была нежной и плавной, а здесь дни завертели в каком-то сумасшедшем колесе!

Когда мы вернулись, меня поразила Москва: весь город был украшен флагами, плакатами и лозунгами. Они висели на каждом доме, на фонарных столбах, были перетянуты на веревках через главные улицы. Всюду было написано: «Привет участникам 1-го Всесоюзного слета пионеров!» Москва была полна пионеров, как воробьев! Столько пионеров я в жизни не видел! Еще бы — их съезжались в Москву тысячи! Пионеры прибывали и прибывали, и прибывали — со всех вокзалов и со всех дорог! Со всего мира прибывали пионеры! Из Германии, Америки, Англии!

Мы с мамой много ходили в те дни по Москве, у нас было много дел, которые надо было закончить перед отъездом в Берлин! Мы носились по городу как угорелье. Мы бегали по учреждениям, по магазинам и всюду встречали пионеров.

Как нарочно, стояли теплые солнечные дни. Пионеры ходили легко одетыми, в своей пионерской форме: белая рубашка, синие штаны или юбка до колен и красный галстук. Пионеры ходили строем, с барабанами, горнами и знаменами. И просто так — стайками по несколько человек. И все смотрели только на них. И говорили в Москве только о пионерах.

Вся Москва была полна смеха, барабанной дробы, трубных голосов и песен. Движение на перекрестках то и дело останавливалось, замирали на месте извозчики, ломовики, трамваи, пешеходы — всюду шли, и шли, и шли пионеры! Шли пионеры белые, шли смуглые, шли коричневые, шли совершенно черные пионеры! Это были негры! Я раньше никогда не видал негров, только на картинках, а тут шли живые негры! Они меня поразили! Они были такие черные-черные, только зубы у них сверкали белизной и уголки глаз! Это было удивительно! Но больше всего было наших пионеров, советских. Это были пионеры самых разных национальностей: русские, узбеки, татары, якуты, ненцы, грузины, туркмены, армяне — каких только не было национальностей! Это был настоящий живой интернационал!

В Москве происходили разные интересные встречи прямо на улице. В толпе слышалась и немецкая, и фран-

цузская, и разная другая речь. Но нам с мамой некогда было останавливаться, мы спешили по своим делам, я же вам говорил, что дел у нас было по горло!

Правда, один раз мы невольно задержались возле Иверских ворот, пропуская отряд пионеров. К воротам примыкала маленькая церковь.

Когда мы с мамой подошли к воротам со стороны Красной площади, навстречу нам показались пионеры: они шли на Красную площадь. Мы остановились, чтобы их пропустить. И другие тоже остановились. Рядом, перед входом в церковь, толпились нищие в лохмотьях и старухи в черном. Из глубины церкви, где в темноте таинственно мерцали свечечные огоньки, тянуло спертым духом и запахом ладана. Когда в воротах показался пионер-знаменосец, а за ним горнист и барабанщик, а следом загорелые пионеры с голыми коленками, черные старухи на паперти стали креститься и плевать, тыча пальцами в эти коленки. К старухам вышел поп в черной рясе с большим золотым крестом на животе и тоже стал смотреть на пионеров.

Знаменосец, горнист и барабанщик прошли мимо церкви строго, подняв головы и глядя вперед, а пионеры, шедшие следом, смеялись, сверкая зубами и с любопытством глядя на старух и попа. И вдруг пионеры запели:

Не надо нам монашек!
Не надо нам попов!
Мы в синем небе нашем
Разгоним всех богов!

В толпе, в которой стояли мы с мамой, засмеялись. Поп сразу ушел в церковь, воздев, как крылья, трясущиеся руки, а за ним, как курицы за черным петухом, поплелись старухи...

Если б вы знали, как я тогда завидовал этим пионером! Как мне хотелось шагать вместе с ними в строю! Быть белыми палочками в барабан! А еще лучше — дуть в горн или нести знамя! Но я этого не мог, я даже не мог просто с ними идти. Я ведь еще не был пионером. Я даже октябренок еще не был! И Гизи еще не была октябренок. Мы должны были стать октябрятами через год, когда пойдем в школу. В эти дни мы особенно жалели, что мы не пионеры. И завидовали — вы знаете кому! Вовке мы завидовали! Вовка был школьник и пионер, и еще к тому же делегат, вот кто он был в эти знаменательные дни!

Вовку выбрали делегатом Первого Всесоюзного слета пионеров, он нам делегатское удостоверение показывал. Его выбрали потому, что он был отличник учебный и активный пионер. Он занял в своей школе первое место по борьбе с неграмотностью, вот какой он был молодец, Вовка! Вы же помните, как он учил Фатиму и Ахмета, я вам рассказывал. Фатима и Ахмет сдали экзамен на «хорошо», а это же Вовкина заслуга! Сами понимаете! А всего пионеры обучили грамоте в стране один миллион человек, сказал мне Вовка. Это же сногшибательно! Вдумайтесь в эту цифру, и тогда вы поймете Вовкину гордость и значение пионерской работы. Вовка стал теперь такой деловой — просто не подступись! Да и подступиться к нему было физически невозможно, потому что Вовки никогда не было дома. Он все время пропадал на слете. Он там тоже был активистом, то есть не просто делегатом, а одним из самых главных делегатов. Это он нам все же ухитрился сказать один раз, когда мы его увидели пробегающим во дворе мимо памятника Воровскому. Он нам даже сказал, что видел Крупскую, вдову Ленина, и разговаривал с ней. И Максима Горького он видел, самого нашего главного писателя. Крупская и Горький приезжали к пионерам на слет. И там выступали. Все это Вовка нам рассказал мимоходом, а так мы его совсем и не видели.

Да, еще я вам забыл сказать про Фатиму и Ахмета! Они тоже были в центре политических событий. В благодарность за то, что пионеры обучили их грамоте (то есть Вовка, но он же был представителем пионеров!), в благодарность за это они взяли к себе на квартиру

двух делегатов слета! Ведь где-то их надо было разместить, все эти тысячи человек! Вот их и распределили по квартирам рабочих московских заводов и фабрик, и Фатима с Ахметом взяли двух делегатов, двух маленьких черных узбеков из Ферганы. Конечно, по рекомендации Вовки! Вовка рекомендовал президиуму слета Фатиму и Ахмета как честных, хороших людей, недавно обучившихся грамоте, и Фатима с Ахметом сами, под диктовку Вовки, написали заявление президиуму, и им выделили двух узбечат. Фатима с Ахметом очень были обрадованы, ведь детей-то у них не было, а тут им сразу привалило двое детей! И вполне взрослых! Даже делегатов! И узбечата были рады, они чувствовали себя у Фатимы с Ахметом как дома, потому что могли с ними свободно разговаривать без переводчика. Ведь татарский и узбекский языки очень похожи. Фатима была особенно рада, что у нее живут эти два узбечонка, она им все время готовила разные вкусные вещи, и покупала им сладости, и игрушки, и даже купила им кое-что из одежды. Потом, когда они уехали, Фатима очень плакала, потому что опять осталась без детей, но пока шел слет, она была счастлива. И узбеки тоже, и Вовка, и мы с Гизи: все были счастливы, и время летело как в сказке!..

На третий день слета, когда мы уже совсем изнывали от зависти к Вовке, а его все не видно было, Иосиф должен был идти в Кремль к Мархлевской. У него были к ней какие-то там дела в связи с Берлином, она должна была ему дать какие-то поручения. И Иосиф решил взять меня с собой, тем более, что дома я мешал маме. Она разбирала перед отъездом наши вещи. А я в свою очередь решил взять Гизи, я же давно обещал показать ей Кремль, и Царь-пушку, и посидеть с ней вдвоем в разбитом Царь-колоколе. В общем, мы отправились втроем.

В Кремле было много пионеров, он уже не был тихим и задумчивым, как обычно, в нем было шумно и весело. Пионеры заполнили весь Кремль. Они все куда-то спешили.

Мархлевская ждала нас возле своего дома, у дверей Потешного дворца. Она вся сияла, была такая возбужденная и радостная. Наверное, ей передалось пионерское настроение.

— Ах, какая девочка! — воскликнула она, увидев Гизи. — Это чья?

— Дочь немецкого коммуниста, о котором я вам говорил, — сказал Иосиф.

— Wie heißt du? — спросила она, погладив Гизи по голове. — Как тебя зовут?

— Гизи...

— Чудесно, что ты пришла ко мне в гости! — быстро заговорила по-немецки Мархлевская, прижимая к себе Гизи. — Пойдем, расскажешь нам о Германии...

Мы уже вступили в парадное, как вдруг где-то невдалеке послышалась барабанная дробь и затрубил горн. Мархлевская остановилась.

— У меня идея! — сказала она весело. — Давайте я отведу их в Георгиевский зал! Там сейчас принимают пионеров, им будет интересно!

— А это удобно? — спросил Иосиф.

— О, вполне удобно! — воскликнула Мархлевская. — Я все устрою! Это будет для них впечатление на всю жизнь! Wollt ihr zu den Pionieren? Хотите к пионерам?

— Ja, — сказала Гизи, и я сказал «да».

— Dann schnell! Тогда скорей! — Мархлевская взяла нас за руки, и мы пошли.

По дороге нас обгоняли пионеры. А некоторых обгоняли мы. Мархлевская шла очень быстро. Мы бежали за ней вприпрыжку.

Мархлевская открыла парадную дверь, и мы вошли, и сразу к нам кинулся высокий парень в пионерской форме с комсомольским значком. «Минуточку!» — сказал он, загородив нам дорогу. Но следом за ним подошли трое каких-то взрослых, и среди них малень-

кий сухонький старичок с большим лбом и густыми, как усы, бровями.

— Бронислава Генриховна! И вы здесь! — сказал старичок.

Он пожал Мархлевской руку. Она что-то быстро зашептала ему, смеясь и показывая на меня и Гизи глазами. Мы стояли немного смущенные, я побоялся, что нас не пустят.

— Все ясно! — громко сказал старичок и обратился к стоявшим вокруг товарищам, которые с любопытством смотрели на нас и Мархлевскую. — Это Бронислава Генриховна Мархлевская, прошу любить и жаловать! А это наши дорогие гости слета, будущие пионеры! Гизи и Юра? — обернулся он к нам.

Мы смущенно кивнули.

— Идите вместе со всеми в зал! — весело сказал старичок по-немецки.

Вдруг открылись двери, и в них хлынули пионеры. Они вливались в широкий сверкающий вестибюль, как яркая бело-красно-синяя река! Нас с Гизи оттеснили в сторону. Волны пионеров все вливались и вливались в вестибюль, к широкой белой каменной лестнице, спускавшейся со второго этажа. Первые ряды ребят вдруг замерли, глядя на потрясающую лестницу, залитую из окна солнцем... И вдруг тишина прорвалась громким радостным кличем и смехом, и пионеры, нарушив строй, кинулись бегом вверх по лестнице! Над вихрастыми головами запылали знамена! Это был штурм! Веселый пионерский штурм бывшего царского дворца!

— Ребята! Ребята! Строй! — вмешался было вожатый с комсомольским значком, но его перебил старичок с густыми бровями:

— Прекрасно! — крикнул он смеясь. — Наша смена не идет, а бежит! Ну, а вы что же? — подтолкнул он меня и Гизи. — Вперед! Смелее! — и мы с Гизи тоже

кинулись вверх по лестнице, взявшись за руки, чтобы не потеряться в этой пестрой, бурлящей, хохочущей ребячьей толпе, несущейся вверх по широкой лестнице.

Наверху творилось невообразимое! Огромный, сверкающий, обрамленный витыми колоннами зал со свисающими с вогнутого потолка на длинных цепях гигантскими золотыми люстрами с тысячами свечеобразных лампочек был похож на сказочный каток... да, да, не удивляйтесь! Паркет блестел, как удивительно гладкий лед, в котором отражались колонны! И по этому льду скользили в разные стороны пионеры! Мы с Гизи тоже разбежались и заскользили, как на коньках... Вот было здорово!

— Гизи! Юра! — закричал вдруг какой-то пионер и бросился к нам. Это был Вовка!

Он лихо подкатил, натолкнувшись на меня, и мы чуть не упали.

— Вы-то как сюда попали? — удивился он.

— Нас привела Мархлевская! И пропустил старичок...

— Какой старичок?

— Вон тот! — показал я на старичка с большим лбом, который шел по середине зала рядом с какой-то тетей в очках и белой панаме.

— Сам ты старичок! — обиделся Вовка. — Это же Глеб Максимилианович Кржижановский! Друг Ленина! А рядом с ним жена Ленина — Надежда Константиновна Крупская...

Я так и прирос к месту, глядя на Крупскую.

— Крупская? — растерянно спросила Гизи.

Крупская и Кржижановский остановились возле нас. У них на груди тоже сияли красные галстуки. Надежда Константиновна протянула Вовке руку:

— Здравствуй, Вова! — сказала она. — А это кто?

пионеры

ИЗ ФОТОЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ЛЕТ

Год 1931

„Мы обучили грамоте более 1 000 000 неграмотных...“

Отправили в подшефные села 20 тысяч радиоприемников...

Послали пионерам деревни более 500 000 книг...“

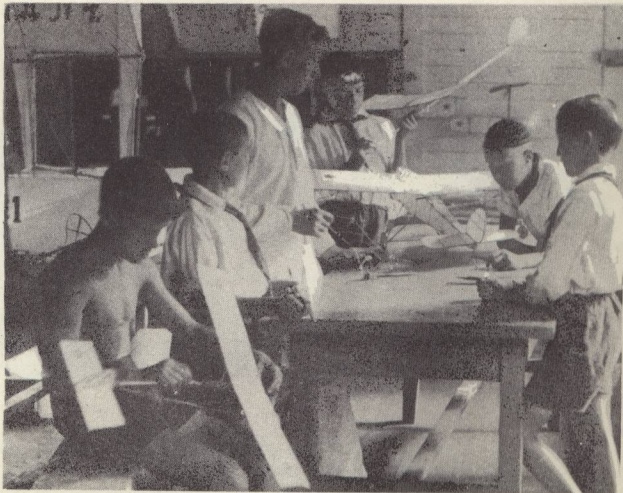
В победу над неграмотностью, над религиозными пережитками большой вклад внесла советская пионерия.

(Из рапорта пионеров XIV съезду партии)

Год 1933

Уже состоялся Первый Всесоюзный слет юных авиастроителей.

12 июля передан Советскому воздушному флоту второй самолет „Пионерская правда“. Он также построен на средства пионеров и школьников Советской страны.

— Это гости слета, будущие коммунисты! — серьезно сказал Кржижановский. — Их привела Мархлевская...

— Мои друзья, — сказал Вовка. — Мы живем в одном доме...

— Ах, вот что! Тогда извините! — серьезно сказала Крупская. — Ну, раз они гости, надо повязать им галстуки, как почетным пионерам...

И Вовка потащил нас сквозь пеструю толпу в глубинную залу, а потом по коридорам, в небольшую комнату, где был штаб. Там висели по стенам плакаты, стояли в углу знамена, лежали барабаны и горны на столе, толпились пионеры и вожатые — комсомольцы. Здесь нам, по распоряжению Вовки, выдали галстуки. Вовка сам их нам повязал, а остальные смотрели. Потом Вовка поднял над головой правую руку и сказал:

— За дело Ленина будьте готовы!

И мы с Гизи подняли руки и сказали:

— Всегда готовы!

Только Гизи сказала эти слова по-немецки, она сказала: «Immer bereit!» — и тут зазвенел звонок...

— Скорей! — сказал Вовка. — На заседание!

...В зале заседаний все места уже были заняты. С помощью Вовки мы уселись в первом ряду, который оставался пустым. Сцена была совсем рядом. На ней стоял длинный стол, накрытый красной материей, а зади, в обрамлении знамен и цветов, улыбался с портрета огромный Ленин.

Пионеры в зале еще некоторое время шумели, вскакивали, размахивая руками и что-то крича на разных языках. Потом на сцену с двух сторон вышел президиум — пионеры, и комсомольцы, и Крупская, и Кржижановский, и другие старые большевики. Все были в красных галстуках. И Вовка тоже был там! Он так и сел рядом с Крупской за стол и помахал нам рукой! И вид у него был ужасно важный.

Пионер, сидевший по другую сторону Крупской, встал:

— Слово для доклада о Первой пятилетке предоставляется председателю Госплана товарищу Кржижановскому! — громко сказал пионер.

В зале сразу стало тихо. Раскрасневшиеся от беготни ребята смотрели серьезно.

Кржижановский взшел на трибуну и секунду молча смотрел в зал, как будто не мог на него взглянуться.

— Знаете ли вы, юные товарищи, что больше всего любил делать Ленин? — начал он свой доклад вопросом. И тут же сам ответил: — Ленин любил мечтать! Да, мечтать! И не только мечтать, но и осуществлять свои мечты...

Кржижановский назвал свой доклад путешествием в будущее. Он начал с недалекого прошлого, с голода, холода и разрухи, которые охватили нашу страну в первые годы советской власти. Он говорил о том, что и тогда, когда мы сидели перед ним в зале, наша страна была бедной. У нас ездят на телегах, а в Европе и Америке на автомобилях, — говорил Кржижановский. — У нас еще пашут сохой, а за границей — на тракторах. И в школе у нас еще учится только половина всех детей. А кончил Кржижановский сказочной картиной будущего, когда наша страна станет богатой и счастливой. Он рассказал о плане борьбы за это будущее — о плане Первой пятилетки. И о том, что пионеры, сидящие в зале, тоже внесут — и уже вносят — свой вклад в эту пятилетку...

В зале было так тихо, что слышно было, как шуршали карандаши по блокнотам. Гизи смотрела на докладчика, затаив дыхание, а я шепотом переводил. Мне было очень трудно переводить, может быть, я и не все верно переводил, но главное я перевел ей верно! За это я вам ручаюсь! Я очень старался! Краем уха я слышал, как рядом позади и сбоку то же шептали переводчики. Но это были настоящие, взрослые переводчики, они переводили уже сотни раз. А я переводил свой первый в жизни доклад! Но потому я и запомнил его навсегда...

Шестое и последнее письмо Воровскому

Наши сборы подходили к концу. Иосиф принес билеты на поезд, через два дня мы должны были уезжать в Берлин. Мама все эти дни стирала, гладила и штопала, переворошив все наши вещи. Порядок в комнате был нарушен, все было перевернуто вверх дном. Мама сказала, что надо брать из вещей только самое необходимое, без чего первое время нельзя обойтись... Она так сказала, а сама запаковала целых два чемодана! А я что же? Я тоже должен иметь какой-нибудь свой чемодан с необходимыми вещами, без которых я никак не могу обойтись! Особенно первое время! И мама дала мне маленький чемодан. Я уложил туда альбом для рисования с несколькими цветными карандашами, китайского чертика «уйди-уйди» и еще кое-какую мелочь. А еще я взял с собой пионерский галстук, который мне подарили в Кремле. Без него я уж никак не мог обойтись.

Когда все упаковали, мы пошли к Зусману на третью примерку. Третья примерка — последняя. Тогда вы просто надеваете свою вещь и идете домой. Если портной хороший. А если плохой, то снова надо что-нибудь переделывать. Но Зусман был хороший портной. Поэтому мой костюм был готов.

Когда я надел его с помощью Зусмана, он отошел в сторону и посмотрел на меня, склонив голову набок:

— Совсем другой человек! — сказал Зусман. — Вы только посмотрите!

— Да, — сказала мама, — прекрасно!

— Не ребенок, а кукла! — сказала Жарикова.

— Похож на буржуя! — сказал Вовка.

Мне стало неловко, и Зусман это почувствовал:

— Вы их не слушайте, молодой человек! — сказал он. — Вы только скажите — вам удобно?

— Удобно! — сказал я.

Мне было смешно, что он обращается ко мне на «вы»!
— Здесь не жмет? — спросил Зусман, защекотав меня под мышками.

— Ха-ха! Нет! — сказал я.

Мне действительно было очень удобно. Ни в какой одежде я еще не чувствовал себя так удобно!

— Взгляните в зеркало! — сказал Зусман, и я взглянул...

Там, в зеркале, стоял действительно кто-то совсем другой! Таким я себя еще никогда не видел!

— Вот что искусство делает с человеком! — сказал Зусман. — Оно его преобразует!

— Да, — сказала мама, — я вам очень благодарна.

— Кто такие портные, Вова? — вызывающе спросил Зусман. — Скажи-ка товарищам!

— Портные — первые художники на Земле! — с улыбкой сказал Вовка.

— Совершенно верно! — кивнул Зусман. — Я бы мог говорить на эту тему без конца! Но вы, наверное, спешите...

— Да, нам надо еще зайти в магазин, — сказала мама, вставая. — Все это очень интересно! Я вам бесконечно благодарна, Липа Борисович.

Мы со всеми попрощались и отправились с мамой в магазин, купить на дорогу продукты. И еще я должен был попрощаться с Воровским. У мамы в сумке лежало письмо — мое прощальное письмо Воровскому. Вот оно:

«Дорогой товарищ Воровский! Наконец-то я уезжаю в Берлин! Я там тоже буду делать Революцию, как ты! И как Гизин папа! Я его там встречу и передам ему привет от тебя и от Гизи. И привезу его к нам. А ты здесь не волнуйся за нас. Мы там будем вести себя как настоящие большевики. Я все время буду начеку, чтобы нам не выстрелили в спину. Ну, до свидания! Когда я вернусь, я тебе все расскажу. С коммунистическим приветом! Юра».

Окончание следует

Бежит через Харьков дорога. В одну сторону по ней пойдешь — придешь в Ростов, в Москву. В другую — попадешь в Крым. Вот какая она длинная, эта дорога!
Один километр дороги необычный. Пионерский километр.

Посмотрите на фотографии! Это ребята из харьковского детского дома № 2. Летом, и осенью, и зимой трудились ребята. А главное дело у них нынешней весной — десант «Клумба».

Читайте на стр. 46—47 репортаж А. Пирожкова «Один километр дороги».

Ребята всей Украины здорово учатся. Дружная и смелая экспедиция в страну знаний — вот что такое юбилейный пионерский год в украинских школах. Например, в Кировоградской области на тысячу школьников — всего четыре второгодника. В чем же секрет этого всеобщего старательного учения?

В отряде Павлика

Иду в 13-ю кировоградскую школу, в седьмой «в» класс, в отряд имени Павлика Морозова.

Интересная переписка у семиклассников. Им пишет бывшая учительница пионера-героя Елена Васильевна Безбородова о жизни ребятшек глухой уральской деревни Герасимовки.

«Своей одежды у детишек не было, они накрывались кто чем, и на голову — что попало... Так ходил и Павлик, ходил, накрывшись одеялом. Являясь в школу, все снимали портянки, лапти, бросали их на печь, где они подсыхали, а сами бегали босиком по классу. Писали на газетах, книжных листах, чернила готовили из свеклы, карандаши давали на двоих один».

Еще одна страничка из ее письма:

«Стремление к занятиям у Павлика было большое, он был

очень старательный, внимательно выслушивал объяснения, а потом выводил линии, буквы и радовался, если удавалось сделать самому. Он старался тогда помочь товарищу».

А разве у семиклассников не так? Вот, например, Валера Соколовский, крупный неторопливый хлопец. Попросит кто-нибудь списать решение задачи, — Валера списать ни за что не даст, но тут же примется объяснять непонятное. Дружит он с теми, кому трудно. Помог Толе Пашковскому, подтянул Валю Мотовилова.

Дружат — помогают. Не в этом ли секрет?

Главная дружба

Когда сдружился отряд?

Может быть, на первой экскурсии. Техники в аэропорту показали ребятам самолеты, летчики покатали отряд над городом.

Может быть, на строительстве школьного стадиона. Его строила вся дружина.

Может быть, в поездке на родину прославленного командира гражданской войны Боженко, сподвижника самого Щорса. На обратном пути отдыхали в роще, пели песни, пекли картошку.

Может быть, когда все вместе писали письма ветеранам революции, знавшим Ильича, а

потом, стоя в тесном строю, затаив дыхание слушали ответы ветеранов.

В старину Кировоград был грозной крепостью. Здесь командовали войсками Суворов и Кутузов, трудился в военном лазарете великий хирург Пирогов. От крепости остались заросшие травой невысокие валы. Сюда и привели октябрят второго «а» класса вожатые из отряда имени Павлика. Октябрята играли, пели, а то и нападали кучей на вожатого, старались побороть...

Больше добрых дел в отряде — крепче дружба. Но этой дружбе предстояло еще пройти самое трудное испытание.

Отряд должен был доказать, что он может дружно учиться.

Строгости

Получить двойку в отряде имени Павлика — дело крайне неприятное.

Еще двойка не получена, еще ты только пришел в школу с невыученным уроком, а за десять минут до звонка на твою голову вполне может свалиться дружинный рейд «О чем рассказал портфель». В два счета участники рейда разберутся, готов ты к урокам или нет. И о твоей неисправности узнает вся школа: на то и стенд в коридоре, и передачи школьного радиозула.

Но вот двойка появилась в

журнале. Совет отряда, не откладывая, бьет тревогу. Тебя подзывают председатель Марина Кузнецова и твой звеньевой, — это либо Валера Полуднев, либо Люда Жельман, либо Люда Серебрянская. Расспрашивают, допытываются до причины. Пост пионерского всеобуча — Сергей Кошарский, Надя Дьяченко и Сергей Цёма — уже решает, кого назначить тебе в помощь. И пока двойка не будет надежно исправлена, ты будешь чувствовать себя словно бы горящим домом, который тушат усердные пожарники.

Строго с лентяями. Но, может быть, это учительская строгость? Может быть, классный руководитель распоряжается, а совет отряда исполняет распоряжения? Может быть, секрет все же только один — учительский, а никакого ребячьего секрета нет?

Великий ребячий закон

Всем известны великие ребячьи законы: не трусь, не

ябедничай, не подлизывайся, не жадничай. Эти законы передаются от одного поколения ребят к другому и приносят огромную, неизмеримую пользу.

Слушаю рассказы семиклассников. И вот что слышу:

— Один мальчик начал запускать математику, грубить учителям. Ребята не могли больше на это смотреть. Остались после уроков, поговорили по душам. Дали ему в помощь девочку. После этого разговора он как будто заново родился. Все учителя удивлялись, но мы не говорили, почему он исправился.

Внимательно смотрю на пионера, который это рассказывает. Нет, он говорит, как о самом обычном деле. Он даже не подозревает, что рассказал о новом великом правиле ребячьей жизни:

Не отставай

И я уже не удивляюсь следующему рассказу. О том, как кто-то не пришел на дополнительные занятия и за ним бежало полкласса.

Есть фотографии в отрядном альбоме — Павлик с матерью, Татьяной Семеновной. Белобрысая челка уголком, скуластое лицо, широкий крепкий подбородок, твердый взгляд — сверлышком. В трудной, смертельной борьбе Павлик оказался хорошим борцом. Вот только выучиться не успел, хотя «был очень старательный».

Из окон седьмого «в» видны многоэтажные дома кировоградских Черемушек. Новые кварталы, новая жизнь, за которую боролся и погиб пионерский председатель из Герасимовки.

Достраивать эту жизнь будут нынешние семиклассники. Новый отряд Павлика.

ИСТОРИЯ ПЯТЕРКИ

Рассказывают пионеры 13-й средней школы Кировограда

Таня Ступа (6 «в» класс):

— Я была невнимательная и делала много ошибок по русскому языку. Ребята надо мной смеялись. Меня это очень злило, и вот на диктанте я постаралась быть очень внимательной и проверяла каждое слово. Я получила пятерку. Учительница сказала: «Если бы ты на каждом уроке была так внимательна, ты бы имела хорошую оценку».

Вова Иванов (6 «в» класс):

— История моей пятерки была трудная. В тот вечер за стеной было веселье, пели песни, играла музыка. Это продолжалось до двух часов ночи. Я как раз учил бас-

но Крылова «Волк на псарне». Я знал, что на уроке литературы меня должны спросить. Я боялся, что не расскажу басню. Но вышло, что я ее рассказал и получил пятерку. Я был очень рад.

Ира Столярова (6 «а» класс):

— Я не понимала задач по физике. Просила старших, чтобы помогали. Как-то раз никого не было дома. Я сидела, мучилась, и у меня ничего не выходило. Но вот мне в голову пришла дельная мысль, и я сама, в первый раз решила не трудную, но и не легкую задачу. На уроке меня вызвали и поставили пятерку.

Рисунки Ю. Бочкарева

**ПО УЛИЦЕ
ШАГАЕТ
ВЕСЕЛОЕ
ЗВЕНО,—**

чеканит шаг, как на военном параде. Форма на всех одинаковая. Дела — общие. Все звено — одно целое.

Целое-то оно целое. А ребята в нем — разные.

«ДРУЗЬЯ ШАГАЮТ В НОГУ, НИКТО НЕ ОТСТАЕТ», — нет, вот отстали две девчонки. Загляделись на продавца воздушных шаров. И продавец смотрит на них и улыбается. Смотрят прохожие и улыбаются. Всем ясно, что это за девчонки: подружки это!

А звено уходит вперед! «Не потеряйтесь бы вам!» — пугается продавец.

Не бойтесь, товарищ! Крепко держатся девчонки за руки, вместе — не пропадут! Они, может, всю жизнь так будут идти. А если и расстанутся, если даже разъедутся в разные концы страны — одна на Курилы, другая в Литву, — то все равно будут помнить друг друга.

Может дружить отличник со второгодником? Задира с молчуном? Может! Главное, чтобы от этой дружбы тот и другой становился лучше, чем он есть. Так говорит

**заслуженный мастер спорта СССР,
неоднократный призер чемпионатов СССР,
Европы и мира по фигурному катанию,
кандидат педагогических наук
Тамара Николаевна Москвина**

На собрании звена мне дали первое пионерское поручение — помочь исправиться Ире.

Это было в четвертом классе. Я училась отлично, на уроках сидела тихо, внимательно слушала нашу учительницу Клавдию Михайловну. А Ира училась неважно.

На другой день я пришла в школу пораньше. Уроки выучены назубок.

Первый урок — арифметика. Клавдия Михайловна объясняет новый материал. Весь класс пишет. Я заглянула в тетрадь своей подшефной. Ира рисует на полях какие-то фигурки. Я посмотрела внимательнее — у нее здорово получалось! Спросила шепотом: «Это кто такие?» — «Это фигуристки». — «Кто?» — «Фигуристки! На коньках катаются!»

Я отложила ручку, закрыла чернильницу и придвинулась к Ире.

«Эта фигура, — шептала Ира, — называется «ласточка». А эта — «кораблик», а эта — «пис-толетик»...

Ирина тетрадь покрывалась рисунками.

Первый раз я не слышала ничего из того, что объясняла Клавдия Михайловна.

Кататься на коньках я умела, на нашей реч-

ке Ждановке меня научил этому папа. Но фигурное катание — это была неслыханная новость. А Ира, оказывается, занималась в спортшколе молодежи у тренера Ивана Ивановича Богоявленского. Конечно, мне немедленно захотелось в эту школу!

Купить фигурные коньки в то время было невероятно сложно. После долгих поисков папа нашел не фигурные, а «хоккейки». И вот мы с Ирой пришли на стадион «Искра». Тренер Иван Иванович, пожилой мужчина, тоже катался вместе с учениками. Он выслушал Иру и разрешил мне выйти на лед.

Вместе с Ирой мы занимались у Богоявленского несколько лет. Вместе окончили школу. Вместе поступили в Институт физической культуры имени Лесгафта.

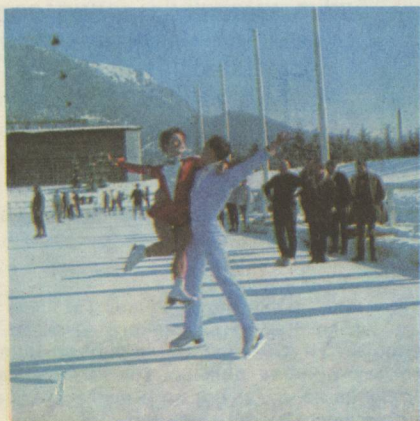
Сейчас мы живем с Ирой в разных городах. Как и моя, жизнь Иры отдана конькам.

Можно сказать, что первое пионерское поручение и дружба с Ирой открыли мне мое призвание, самое необходимое мне, самое дорогое для меня на свете дело.

Я помогала Ире в учебе. Но и Ира тоже неведомо для себя помогала мне. Она научила меня очень важному — ежедневно трудиться.

Дело в том, что в спорте мы с Ирой были соперницами. Мы выступали вместе на соревнованиях, она всегда была первой, а я вечно второй.

Фигурное катание — спорт и искусство. Ира очень красивая. Стоило ей выйти на лед — ей уже симпатизировали. Но главное, она была одаренной спортсменкой. Любой новый элемент, любое задание тренера выполняла легко и небрежно. Мне же все стоило огромного труда. Однако мне очень хотелось кататься так же, как Ира, и лучше, чем Ира, и я каждый день несколько часов проводила на льду, пока это не стало просто моей потребностью. Я верна этому правилу и по сей день, хотя то детское заветное желание давно исполнилось.

НА ПИОНЕРСКОМ ПРАЗДНИКЕ.

Какой прекрасный месяц май!
Знамена поднимая,
Со всеми песнями распевай
В колоннах Первомай!

Потом шагает по стране
Великий День Победы,
И вспоминают о войне
В тот день отцы и деды.

Всех майских праздников не счесть,
Такой уж месяц славный,
Но в нем особый праздник есть,
Для пионеров главный.

В один из лучших дней весны,
В день солнца и цветенья
У пионеров всей страны
Всеобщий день рожденья.

Им нынче ровно пятьдесят.
САЛЮТ ДРУЗЬЯМ ОТ ОКТЯБРЯТ!

Рисунки Б. Семенова

1

Улица всех пионеров

Нам с Лешей и Тоней красные следопыты дали задание выяснить, почему в соседнем селе главная улица называется „улица Шуры Горенко“. Кто этот Шура? Не пионер ли? Почему в его честь улицы называют? И тому подобное.

Небо над улицей Шуры Горенко синее. Дома стоят белые, беленые. Подсолнухи золотые. Мы идем, а навстречу нам идет местный житель, старожил, лет двенадцати.

Разговорились, объяснили ему нашу задачу.

— А у нас полсела Горенко, — говорит старожил. — А на той половине Нечипоренки живут. И улица так всегда называлась. И село наше — Горенково.

— Может быть, это название в честь того пионера, который в прошлом году спас во время пожара колхозных телят? — спрашивает Тоня, доставая затертый номер „Пионерской правды“.

— Да нет, — отвечает старожил, — всегда она так называлась. Погодите, а может, это в честь Александра Матвеевича Горенко, председателя сельсовета? Он во время войны мальчишкой в партизанах был. Всю войну хранил пионерский галстук.

Пошли в сельсовет. Александр Матвеевич собирался обедать, но задержался, раз такое дело. Мы расспросили его о боевых партизанских делах и уже совсем было собрались спросить про название, как он нам говорит:

— А еще мы такое устраивали с ребятами: ночью немецкие таблички „Дойче пляц“, „Фюрерштрассе“ срывали и вешали наши, довоенные: „Площадь Ленина“, „Улица Шуры Горенко“...

Мы переглянулись и спрашиваем:
— Значит, эта улица еще до войны Шуры Горенко была? Откуда же такое название? Председатель смутился:

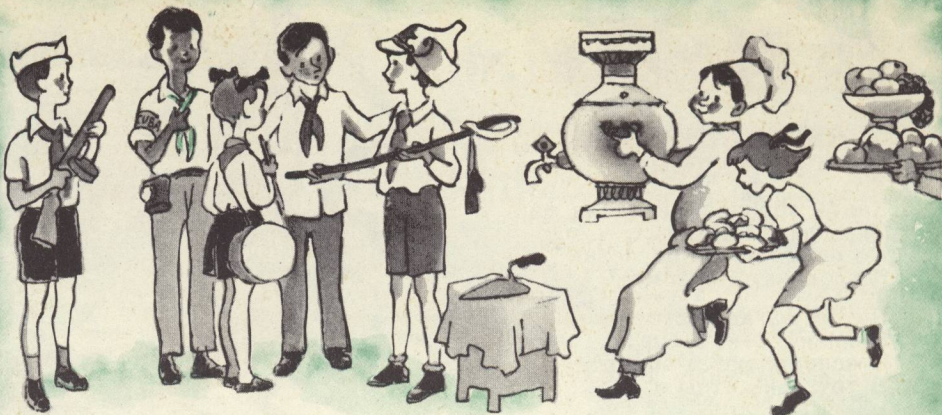
3

На стенах пионерской комнаты — подарки, рисунки и, конечно, клич пионера: «Всегда будь готов!»

Это чьи шаги? Чьи там слышатся голоса? Это чей там смех веселый? Это с пестрыми флажками, со звонким горном и с веселым другом барабаном собираются на праздник гости.

Друзьям есть о чем поговорить: «Как учеба? Куда походом ходили? Жили в лагере вы как?»

Хорошо, что еще рано прощаться, рано расходиться по домам и рано нам трубить отбой.

Октябрюта! К вам три вопроса:

1) Какие отряды готовили праздничные подарки, которые вы видите на рисунке? (Вспомнить или узнать о маршрутах пионерского марша).

2) Из каких стран приехали зарубежные гости?

3) В тексте есть строчки из пионерских песен. Каких?

Ответы присылать до 1 июня. Победителям будут посланы призы.

— Как-то не задумывался я об этом, хотя, конечно, как председатель сельсовета должен был бы знать. А вообще-то я всегда полагал, что название дано в честь нашего колхозного садовода. Яблоки Горенко до войны на Сельскохозяйственной выставке знаете как гремели, ого!

Повел нас старожил к садоводу.

Открывает молодая старушка и говорит по-украински очень приветливо, но быстро так, что не разобрать что. Леша наконец вставил:

— Бабушка, нам бы садовода Горенко повидать.

— Давайте, — согласилась старушка. — Вот она я.

Ну, конечно, ведь Шура Горенко такое имя, что может быть и женским!

Тут началось угощение, и мы поняли, что старушкины яблоки не зря гремели до войны. Только тогда она была не старуш-

кой, а комсомолкой. А когда в первый раз поехала на выставку, даже пионеркой.

— Какие мы тут дела творили! И сады разбивали, и неграмотность ликвидировали, и улицы переименовывали! Между прочим, это ведь я предложила назвать главную улицу именем Шуры Горенко.

Вот так так! Неужели своим именем предложила назвать!

Но тут она все и объяснила:

— Первый наш вожатый был Шура Горенко. Погиб в схватке с кулаками.

Леша спросил на всякий случай:

— А раньше она как называлась?

— А никак. Улица и все тут. Раньше у нас других улиц-то не было. Где теперь школа, были огороды, а где телятник, ну, тот самый, который в прошлом году тушил этот Шурка, — она ткнула коричневым пальцем в нашего знакомого старожилу Горенко, — так там и вовсе лес шумел.

Алексей Лосев

ИЗ ФОТОЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ЛЕТ

Год 1935

„Превратим пустыри в сады!“ — пионеры берут шефство над колхозными полями, над совхозным молодняком, над лесными полосами.

Год 1936

Пионеры — младшие братья комсомола, младшие сыновья ленинской партии — верны заветам Ленина.

Чапаевский пионерский отряд 111 школы Ленинграда присягает на верность красному знамени старых большевиков.

Годы Великой Отечественной войны

Миллионы пионеров мужественно переносят трудности военного времени. Они успешно учатся и в меру своих сил помогают старшим в тылу и на фронте.

Пионер Коля Гаврилов, семиклассник 311 школы Ленинграда, потушил три зажигательные авиабомбы.

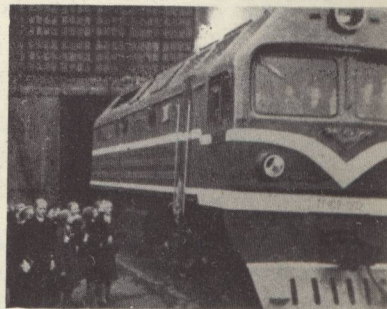
Более пятнадцати тысяч юных ленинградцев награждены медалью „За оборону Ленинграда“. Одна из них — Женя Синотаева.

Год 1959

Пионеры и школьники всей страны собирают металлический лом на строительство железной дороги Абакан-Тайшет.

Из собранного металлического лома построены тракторы для целины, троллейбусы для новостроек, тепловозы...

О Великих Законах

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Валерий Суслов

Рисунки В. Стародубцева

Тебя никогда не поражала огромность мира?

Какой он огромный, очень сложный и очень разный!

Ты лежишь в траве и смотришь вниз. На маленьком пространстве, величиной всего-то с твою ладонь, сколько растет травинок, больших и маленьких! Их так много, что тебе, пожалуй, их и не пересчитать.

Каждая из этого множества травинок чем-то отличается от другой, каждая по-своему тянет свой стебелек вверх, у каждой своя жизнь.

А вот ты повернулся и лег на спину, подложив руки под голову.

К небу ты привык, и поначалу оно не кажется тебе таким странным и таинственным, как Травяной Мир.

Но ты лежишь минуту или две, и тебе начинает казаться, что плывут не облака над тобой, а плывешь ты сам, и тебя начинает непреодолимо тянуть в огромное голубое пространство за облаками.

Только что ты чувствовал себя Гулливером в мире пылинки и насекомых величиной с пылинку, а сейчас... Сейчас ты

чувствуешь себя пылинкой в Бесконечном Небесном Мире.

Ты с усилием сбрасываешь головокружительное очарование, садишься на траву и возвращаешься в Свой Обычный Мир. Но и в Обычном мире все по сути дела странно и непонятно.

Вот пришли Звуки.

Зашелестели листья на дереве, под которым ты лежишь...

Прошумела крыльями птица...

Затрещал мотоцикл...

Из какого-то радиоприемника доносится музыка...

И вдруг девчоночий голос: «Анюта, Анюта, выходи скорее! Я тебя жду-у!»

Как будто ты был глухой и первый раз все это услышал: шелест листьев — почему? зачем?

И музыка — кто это играет? и на чем? и вообще — зачем музыка?

Треск мотоцикла бессмысленный и ничего не значит, а в словах девочки столько смысла!

А может, и в треске мотоцикла есть смысл? Он трещит бодро, задорно, во весь голос, словно хочет сказать: «Я здо-

ров, мой мотор работает отлично, я могу проехать сто километров и очень быстро!»

И тебе твои мысли не кажутся такими уж глупыми. «И что такое Умность и Глупость? — рассуждаешь ты. — И Мысли? Почему я думаю? Почему понимаю? И не понимаю?»

Я услышал, увидел, прочел, и — понял! А потом у меня появилась мысль, совсем новая, моя...»

Это ты погрузился в Мир Мыслей.

А сколько еще Миров?!

Мир Запахов.

Мир Машин.

Мир Зверей.

Мир Книг.

Мир Дома, Улицы, Города...

Сколько их?

Есть Мир Воспоминаний и Мир Арифметики.

Есть Мир Сказок.

И Мир Снов.

Я все это рассказывал только затем, чтобы напомнить тебе, как огромен Мир, в котором ты живешь — Большой Мир.

Какой он разный и сложный. Сколько в нем других Миров, больших и маленьких, и тоже различных и сложных.

Сколько я их здесь перечислил?

А сколько не перечислил?

Попробуй вспомнить, что я не назвал?

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЫ

Итак, много Маленьких Миров в нашем Большом Мире.

И каждый из этих Миров живет по своим законам.

Слово-то знакомое, ты его, конечно, слышал не раз, но — что это такое «закон»?

Возьми ваньку-встаньку, обычную неваляшку, с которой ты играл, когда был маленький.

Повали ваньку на бок, а потом отпусти. Ванька встанет.

Ну и что такого, скажешь ты.

Но теперь ты сделай это еще раз, еще два-три раза. Сто раз, если не надоест. Ванька все время будет вставать. Все время. Каждый раз.

Видел ты когда-нибудь ваньку-встаньку, который хоть раз не встал? Не думаю, что ты видел. Если, конечно, ванька-встанька не ломаный.

Значит, есть что-то такое, что обязательно заставляет вставать ваньку. Это и есть Закон.

Закон — это когда при любых обстоятельствах обяза-

тельно происходит то, что произойдет.

Неважно, будет тепло или холодно, темно или светло, сухо или сыро, тихо или шумно, но ванька обязательно встанет.

Обязательно встанет. При любых обстоятельствах.

Ученые говорят: Закон — необходимое отношение между вещами.

Необходимое! Никак не обойти. Обязательно должно быть. И будет.

Брось вверх камень.

И он упадет на землю.

Попробуй проверь. Бросишь сто раз, и камень сто раз упадет вниз.

Пусть бросит самый сильный мальчишка в классе, очень высоко, но камень опять упадет.

Попроси, наконец, папу, пусть он зафитилит так, что камень скроется из глаз. Но через некоторое время он все равно упадет.

Он не может не упасть. Потому что он подчиняется закону всемирного тяготения — есть такой закон, по которому камень, брошенный вверх, обязательно падает на землю.

Этому закону подчиняется очень много явлений, даже солнце ходит по небу, подчиняясь этому закону. Закону, по которому падает камень.

Значит, в мире есть вещи и явления закономерные, которые подчиняются каким-то за-

конам, и случайные, которые могут быть и могут не быть.

Ты вчера зашел к приятелю, и он был дома.

Зашел сегодня, а его дома нет.

Потому что не существует такого закона, по которому твой приятель должен сидеть дома каждый день.

Сегодня дождик, а вчера целый день было солнце. Потому что не существует закона, по которому дождь или солнце должны быть каждый день.

Это случайные явления.

А камень падает вниз — это закономерно.

Есть свои законы и в мире слов. Некоторые из них ты тоже знаешь.

Вчера папа (уехать) в Москву.

Какое слово надо поставить? Уехал. Не уехало, не уехала, а уехал. Потому что папа — мужчина, мужского рода.

Не уехали, а уехал. Потому что уехало не много пап, папа один, он один и уехал.

Как ни вертись, из этих четырех слов ты при любых обстоятельствах поставишь именно это. Уехал.

Потому что так велит один из законов русского языка, Закон Согласования.

В каждом Мире есть свои законы. И в Мире Слов, и в

Мире Чисел, и в Других Мирах.

Со временем люди всегда становятся старше и никогда не становятся моложе, — это один из Законов Большого Мира.

Говорят, есть даже закон, по которому бутерброды всегда падают маслом вниз. Но это, конечно, шутка.

Законов много, и все они разные.

Но и это еще не все.

ЕСТЬ ЗАКОНЫ ОДНИ, И ЕСТЬ ЗАКОНЫ ДРУГИЕ

Вот попробуй заметь разницу в Законах, которые я перечислю:

Закон, по которому камень падает на землю.

Закон, по которому улицу можно переходить только когда на светофоре горит зеленый свет.

Закон Согласования в русском языке, о котором мы с тобой говорили.

Закон, по которому все дети в нашей стране должны учиться.

Закон, по которому деревья сначала цветут, а потом приносят плоды, а не наоборот.

Закон, по которому детям до 16 лет нельзя ходить в кино на вечерние сеансы.

Не читай дальше, подумай. Нашел разницу?

Конечно. Одни из них — это Естественные Законы.

А другие — это Законы, установленные людьми.

Разница между ними огромная. Законы, принятые людьми, были не всегда. Например, закон о всеобщем обучении принят совсем недавно, несколько десятков лет тому назад. А придет время, и его, наверно, отменят, — тогда, когда получить не только среднее, но и высшее образование станет так же естественно, как завтракать, обедать и ужинать. Зачем же принимать закон, чтобы люди завтракали, если они и так завтракают? Значит, законы людей были не всегда и будут не всегда.

А Законы Природы — вечны. Закон Тяготения, по которому камень падает на землю, действует сейчас, и действовал тысячу лет назад, и тогда, когда и человека на Земле не было.

Законы, принятые людьми, действуют не на всей Земле, не во всем Мире. Например, закон о всеобщем обучении принят не во всех странах.

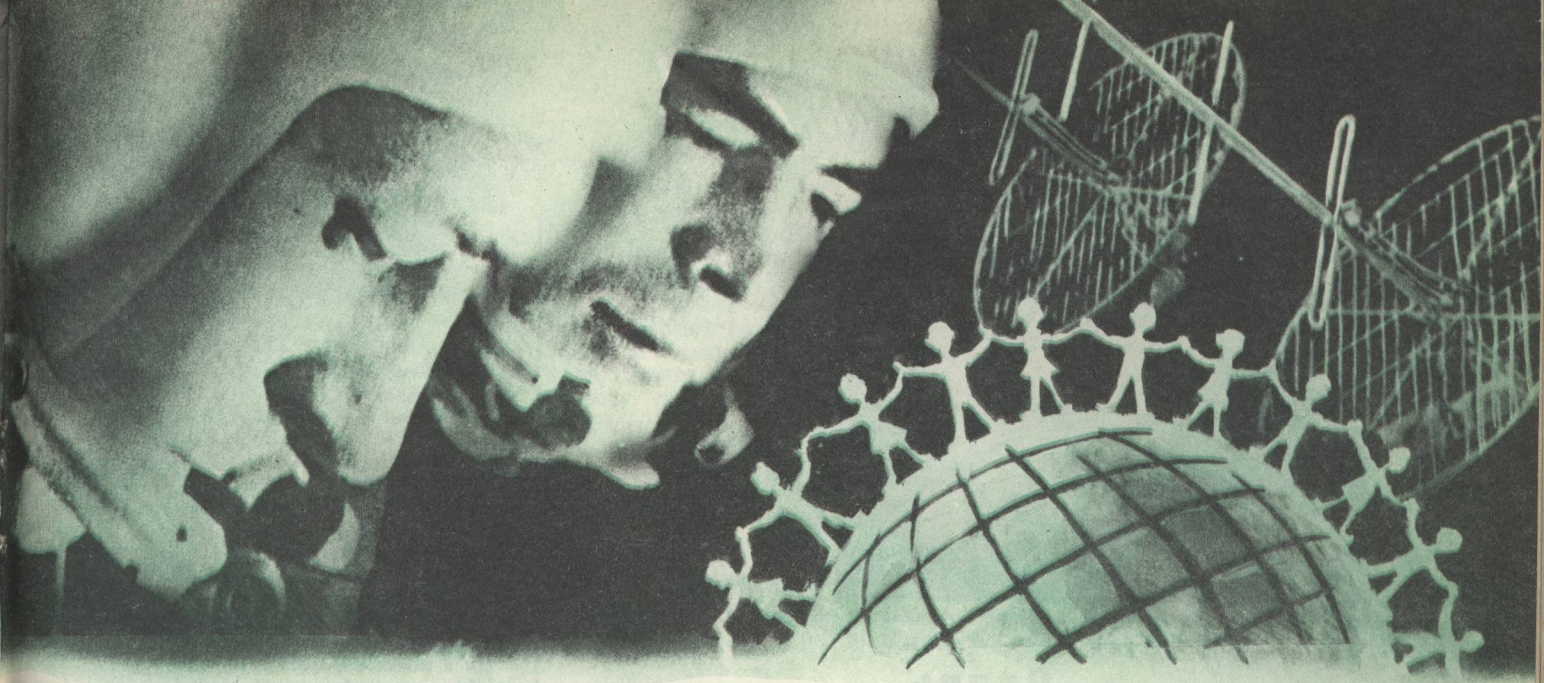
А Законы Природы действуют везде на Земле, а некоторые и в Космосе.

Законы людей можно отменять. Например, можно отменить закон, по которому улицу переходят по зеленому сигналу. И установить новый закон, по которому улицу надо переходить по желтому или красному сигналу. Правда, сначала выйдет большая путаница, но в конце концов все образуется и люди будут переходить по желтому сигналу. От такой перемены не будет никакой пользы, но мы говорим не об этом.

Или отменить закон о вечерних сеансах — чтобы детям до 16 лет было можно! К твоей бы радости!

А Законы Природы отменить нельзя. Представь, если кому-нибудь взбредет в голову установить такой закон, чтобы на деревьях сначала появлялись плоды, а потом цветы и почки! Вот было бы смеху! Деревья не послушаются. У них свои законы, не людьми писанные. И чтобы изменить естественный ход вещей, надо знать естественные законы и умело применять их, а не идти против. Все равно ничего не получится. Такие примеры в истории были.

Из всего этого разговора, конечно, не следует, что не надо уважать наши, человеческие законы. Наоборот! Они для того и придуманы, чтобы жизнь в обществе была устроена разумно и правильно.

Но речь сейчас не о них.

Среди многих законов, каждый из которых действителен для своей области, для своего Мира, — будь то Мир Слов, Мир Вещей, Мир Воды или Живой Мир, — так вот, среди Естественных Законов есть немного, всего несколько, — Самых Главных Законов. Они действительно для Всего Мира.

Это Великие Законы, Законы Законов.

О них-то и пойдет разговор.

ВСЕ ДРУГ С ДРУГОМ СВЯЗАНО

Это Первый Великий Закон.

Сначала это кажется так просто, что не стоит и разговора.

Но здесь ты сразу должен усвоить одну истину — все большие и серьезные вещи всегда просты. И чем главнее вещь, тем она проще.

На первый взгляд, конечно.

А если серьезно думать о ней, об этой простой вещи, то чтобы по-настоящему понять ее, может не хватить и всей жизни.

Так вот, все друг с другом связано.

Все.

Все.

Связи эти самые различные, ниточки самые разные, но связано друг с другом все.

Самая далекая звезда и пуговица на твоей куртке.

Тучи на небе и настроение твоей мамы.

Вчерашняя передача по телевизору и твоя двойка по географии.

Есть связи проще простого. Вроде последней. Ты вчера смотрел по телевизору интересную передачу — мультфильм! — и не выучил урок. Учительница спросила тебя, и вот — в дневнике двойка.

Это ерунда, здесь и думать нечего.

А приходило ли тебе в голову, что ты связан со всеми людьми на земле? Не только с папой и мамой. Не только с ребятами в классе и учителями.

Дом, в котором ты живешь, строили люди, может быть, сотни людей.

Дорогу, по которой ты ходишь, строили другие люди.

Другие шили твою одежду и обувь, делали твои книги и тетради, парту и стул.

Через одно маленькое перышко в твоей ручке ты связан с тысячами людей.

Одни из них разыскивали рудные месторождения, другие строили рудники, третьи пере-

возили руду на завод, четвертые выплавляли из нее металл, пятые делали именно этот, особый сплав, из которого делают перья для ручек, шестые делали само перышко...

Кассирша, которой ты заплатил деньги, и продавщица, которая дала тебе ручку, — это, наверно, последние из многих тысяч и тысяч людей, так или иначе причастных к твоему перышку.

Да, скажешь ты, это много людей, но это же не все люди на земле?!

А если твой папа лесоруб, и он свалил в лесу дерево? И его, это дерево, повезли в далекий порт и погрузили на судно. И судно пройдет многими морями и проливами, и матросы судов самых разных стран будут приветствовать его гудками при встрече, и радисты самых разных наций будут предупреждать его об опасностях, и, наконец, судно придет в порт назначения. Там дерево, которое свалил твой папа, повезут на завод, распилят его и сделают из него шкаф, или кресло для самолета, или ящик, в который положат разные товары — или персики, или детские игрушки, или микроскопы, — и отправят еще в какую-нибудь страну.

Может случиться такое?

Продолжение следует

СТРАНИЦЫ

ЗЕЛЕНЫЕ

Раздел

ведет

писатель

Н. Сладков

Рисунки

В. Прошкина

Огарь

Утка оранжевая, как апельсин! Как и барсуков, сурков. И не просто на скасе утки, она любит воду. Но гнездится лах, а на заоблачных. Рядом с орла-она не на болоте, не на кочках, как ми, грифами и альпийскими галнами! прочие утки, а в земляных норах или в Утята ее бесстрашно прыгают со расщелинах снал! Да не просто в но- скалы, и мать ведет их по горам и рах, а в старых норах зверей: лисиц, ближайшему озерку.

ДРАЧЛИВЫЕ ЧАЙНИКИ

Известно, что когда дети спят, их игрушки собираются вместе, чтобы на свободе подурчиться и поболтать. Нечто похожее, по-моему, случается и с вещами взрослых. Иначе как объяснить, что на лесной поляне я однажды увидел целую компанию черных закопченных чайников!

Поляна была словно круглый стол, застеленный травотканой золотистой скатертью. А посредине стояли черные чайники. Они булькали и пыхтели от нетерпения. По всему было видно, что тут затевается грандиозное чаепитие!

Как хорошо, что в это раннее утро я не нежился подобно другим в теплой постели! В награду я такое увидел, что с тех пор всегда встаю на рассвете и спешу скорее в лес.

Чайники булькают и клокочут. Из черных носиков с шипением вырывается пар. Их так изнутри распирает, что они даже подскакивают! И дребезжат, как крышками, крыльями!

Ох, до чего же и в самом деле похожи косачи на току на кипящие черные чайники! На черные, до блеска закопченные, походные чайники бывалых охотников. Крепкие и округлые, шейки-носики подняты вверх, косицы в хвостах изогнуты ручками. И белое подхвостье вскипает клубами пара. И из носика вырывается пар!

Багрово-красное низкое солнце. Лес по пояс в сизом тумане. Золотистая в иневую искорку скатерть поляны. А посредине шипящие «чайники». Вспыхивают раскаленные угли красных бровей. И так друг на друга накидываются, что только брызги-перья летят!

Вы, любящие поспать, когда станете поздним утром разливать свой чай, посмотрите на черный чайник. Быть может, он расскажет вам что-нибудь о турнире косачей, который вы так беспечно проспали.

Н. Сладков

ШТАБ „КЕДР“

Дежурный — инженер зеленого строительства Ирина Несторовна Сурина.

Все в мае новое: новые листочки, новая трава, и даже небо кажется новым — такое оно синее и чистое. И настроение в мае особенное. Хочется куда-то бежать, что-то делать!

Куда сейчас бежать зеленому патрону?

Конечно, в сад или в сквер.

Оглянитесь вокруг! Что, на газонах уже есть деревья? Но вам кажется, что их мало. Да и тоненькие они, слабенькие... Не посадить ли еще штук пять-десять?

Ни в коем случае! Не мешайте им свободно расти!

Сажать деревья ближе, чем через четыре-шесть метров друг от друга, не следует. Если увидите, что взрослые или ребята нарушают это правило, — подойдите к ним, объясните, как надо поступать.

Кустарники, наоборот, сажают кучно, группами.

Сначала очертите на земле контур будущей группы (будто рисуете облако). А затем взрыхлите землю в этом контуре. Еще лучше выкопать котлован глубиной в полметра и засыпать его рыхлой землей. Расстояние между саженцами — семьдесят-сто сантиметров. После посадки хорошо полейте саженцы, даже если земля влажная.

Воду заливают в лунку-блюдечко. Рыхлую землю сгребают вокруг дерева или группы валиком и подбивают лопатой. Высота валика — шесть-восемь сантиметров.

Деревья и кустарники сажают без листиков. Лопнули почки — значит, уже нельзя растение высаживать.

А что делать с деревьями и кустарниками, которые вы посадили прошлой весной?

Надо им помочь оправиться после долгой зимы.

Взрыхлите лопатой и граблями землю вокруг деревьев, в группах кустарников, в живых изгородях. Сделайте лунки. Регулярно поливайте.

Там, где деревья еще непрочны росли в землю, их подпирают колья. Они могли за зиму согнуть, а веревки-подвязки — развязаться.

Проверьте колья. Восьмеркой повернув веревку, заново подвяжите деревья. Ствол в месте подвязки оберните мешковиной.

Эта работа называется — уход за молодыми посадками. Ведь главное как раз не в том, чтобы посадить дерево, а в том, чтобы его как следует вырастить.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

Где в пустыне вода?

Бригада поисковиков во многих местах пробурила иссохшую твердокаменную землю страшной пустыни Бетпак-Дала. И все зря. Не просто почти вслепую наткнуться на «линзу» воды под землей. Только счастливый случай может помочь. И случай помог. К стоянке буровиков подъехала машина, из нее вышел незнакомый человек. Он вынул из сумки пробирку с... муравьями!

— Запомните их хорошенько! — сказал незнакомец. — Они покажут, где надо бурить!

Рабочие не знали, сердиться им или смеяться.

— Не смейтесь, — сказал незнакомец. — Это муравьи-жнецы. Они живут в пустыне только там, где в глубине есть вода. Найдите их поселения и смело бурите.

Поехали по пустыне, нашли поселения муравьев-жнецов, — точь-в-точь как были в пробирке! — стали бурить и на глубине 25 метров наткнулись на воду!

Незнакомец — он оказался ученым-энтомологом — объяснил, что жнецы не могут есть жесткие семена пустынных злаков, они должны их непременно размачивать. Потому-то они и поселяются только там, где вода. Неважно, что она глубоко: жнецы могут рыть «колодцы» и в 20, и в 30 метров!

М. Зверев

ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ?

СБЕЖАВШИЕ ТРОСТНИКИ

(см. «Костер» № 4)

Куда сбежали тростники? Тростники не сбежали, тростники уплыли! По озеру кочевали сплавины — заросшие тростниками плавучие острова. Ветром их пригнало к нашему берегу, и мы всю ночь спали под шорох тростников. К утру ветер переменялся и угнал сплавины к другому берегу. Потому-то и проснулись мы на голом пустом берегу!

КАПЕЛЬКИ РАДУГИ, ПОЙМАННЫЕ КОСТЯМИ ТЕРКИНЫМ

КЛАД

Я нашел клад. Не золото, не серебро, не драгоценные камни. А просто пригоршню ярких и разноцветных пуговиц. Да заколки, да огрызки цветных карандашей. Кому нужен такой клад? Оказалось, — сороке! Это она натаскала и спрятала любезные ее глазу разноцветные безделушки.

малахитовая КРАСАВИЦА

Вернее, красавец! Самец обыкновенной прыткой ящерицы в свадебном наряде. Пройдет весна, и он сменит свой роскошный наряд на невзрачную повседневную одежку. До новой весны.

ДЕЛА И ЗАБОТЫ

Питомцы Гали Кукушкиной

С Галей Кукушкиной мы познакомились в пионерлагере «Ракета». Она попросила записать ее в юннатский кружок. Животных в кружке было много: черепахи, ящерицы, рыбки, попугаи, ворона, сорока, кролики, певчие птички, морские свинки, лисица, енот и обезьянки. Мы обрадовались новому помощнику. Галя быстро подружилась со всеми питомцами. Даже своенравная лиса Алиса сразу пошла к ней на руки, позволила надеть на себя шлейку и отправилась с Галей в лес гулять.

Галя тактично и ласково обращалась с каждым животным. У нее всегда находилось для них лакомство. Бывало, ребята завтракают еще, а Галя уже бежит в кружок. Несет полный мешок травы, корзиночку ягод. Уж до чего непослушны и озорны были обезьянки, а и те слушались Галю и ходили с ней по чернику. Галя чернику — в корзинку, а обезьяны — за щеку!

Галя стала лучшей юннаткой пионерлагеря «Ракета».

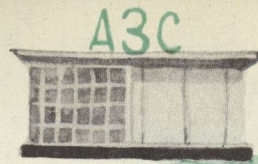
А. Батуев

Люба Околот: У всех дорог и улиц есть история. Рядом с нашим детским домом жил во время войны Володя Коновалов. Мальчишка как мальчишка. А на самом деле — разведчик. Он передавал нашей армии сведения о немецких танках. Фашисты выследили Володю и расстреляли.

— А ваша дорога имеет историю?
— Имеет. И мы узнаем ее. А может, и наш «Пионерский километр» войдет в историю дороги. Как вы думаете?

ОДИН КИЛОМЕТР ДОРОГИ

А. Пирожков

Поздним вечером в сад приходят коты и алчно бродят под тополями, на которых спит семья грачей. Забираться на верхотуру коты не решаются — там у грачей сторожа: накинутся, затюкают клювами.

В детском доме в это время все уже спят. Впрочем, нет. Делают вид, что спят. Ждут не дождутся, когда дежурный старшеклассник начнет смотреть пятый сон. Вот тогда и пошло-поехало! Турнир на подушках! Поединок Ричарда Львиное Сердце с Томом Сойером!

— Вы что! С ума сошли! — проснулся дежурный. — Вы что, забыли — в пять подъем! Завтра — «Клумба»!

Вот этого я не видел. Я был в Харькове зимой за четыре месяца до десанта «Клумба». Но мне кажется, что на самом деле все произойдет именно так!

Надо, впрочем, начать с самого начала. Как «Кос-тер» объявил операцию «Дорога». Как стали приходить в редакцию пакеты с грифом «рапорт» — ребята, став на охрану дорог, спешили сообщить об этом в редакцию.

Чаще других на пакетах стоял обратный адрес: Харьков, Локомотивная улица, 3, детский дом № 2. В рапортах, рядом с подписями ребят, как на настоящем документе, имелись печать и подпись начальника Управления магистральных шоссеиных дорог Пётра Николаевича Фурсы. Прибывали фотографии: сажают топольки, приводят в порядок дорожные знаки...

Сообщения с каждым разом все больше радовали нас.

«Патруль донес о том, что на дороге после дождей грязно, начался листопад. Вынесено решение:

1. Убрать с дороги грязь.
2. Засыпать появившиеся после дождей рытвины на обочине.
3. Подготовиться к осенне-зимней кампании».

«Провели трудовой десант. В результате: 1) убрана от сорняков территория в 0,5 га; 2) посажено 250 деревьев».

«Перед нами была поставлена задача: очистить дренажную трубу, побелить столбики, протереть указатели. Все работы выполнены».

В конце концов, мы поняли, что обязательно надо поехать в Харьков и познакомиться со звеньями Тани Калугиной (лучше всех уничтожали сорняки), Вовы Литвинова, Вовы Кулика и Тамары Голубевой (больше всех посадили деревьев), с Люсей Каплуновской, Людой Круглыхиной и Людой Калиниченко, с Сашей Ефимовым, Любой Литвиновой, Вовой Сумец (опытные дорожные мастера всегда благодарят их за работу), с Вовой Федосовым, Любой Околот, Колей Окса (они — вожаки операции «Пионерский километр»).

Володя Федосов: А у меня вся жизнь будет на дорогах.

— Как это?
— Кончу Харьковский автодорожный техникум и стану гонщиком-испытателем. Буду испытывать новые модели наших машин. Ведь скоро в стране полным-полно будет машин.

— Только не размахивай так руками. По-моему, гонщики очень сдержанные спокойные люди.

— Не обязательно. Главное — чувствовать машину. И еще — чтоб дорога не подвела. А то на очень крутом вираже ка-ак занесет...

Руслан Шелест: Хочу учиться на военного инженера — строить мосты, дороги, аэродромы.

— Скорее всего, что-нибудь одно. Ведь есть инженеры-мостовики, инженеры-дорожники...

— Ну, это не так важно.
— А что важно?
— Вот я читал, как прокладывали трассу Абакан-Тайшет. Все три изыскателя погибли. Замерзли в тайге. И дорогу строили уже без них. А после три станции назвали именами погибших. Вот и я бы хотел так умереть!

— Что-то ты мрачно настроен...
— Разве умереть героем — это мрачно?

Витя Кулик: Я буду актером. Для меня дороги — ни так, ни сяк... Я буду играть летчиков. Или моряков. Им дороги не нужны.

— Ну, хорошо, а как ты с киностудии домой станешь добираться? На крейсере, что ли?

И вот я приехал в Харьков.

Участок дороги, который охраняют ребята, у въезда в город со стороны Чугуева. Мне показали деревянные столбы. Их ставили ребята, чтобы в метельные ночи шоферу и путнику было ясно, где проходит дорога.

Честно скажу теперь: показался мне этот участок поначалу очень обыкновенным. Ничего романтического я в нем сразу не заметил.

Задумался много позже. Какие на свете дороги? Ну, асфальтовые. Ну, бетонные. Бывают горные дороги, где машины мчат как по верблюжьим горбам. Есть ледовые дороги — по зимним рекам и озерам. Чтобы колеса не скользили, их обматывают цепями.

Но есть дороги, по которым не ездят автомашины. И нет на них предупреждающих знаков, хотя это самые длинные, самые трудные, самые крутые дороги.

Эти дороги выводят людей из детства в зрелость, из школы — в большую жизнь. Можешь прийти к научному открытию, к спортивной славе, к работе интересной и полезной. Все зависит от того, какой пойдешь дорогой.

Сегодня у ребят детского дома десант на обычной дороге. И бежит она из Москвы в Ростов и еще дальше — в Крым. Вот такая большая дорога.

— Главное дело будет весной, — говорили мне ребята. — Десант «Клумба». Раз по нашему участку въезжают в Харьков, то пускай гостей встречают цветы. Так мы решили.

Девочки осенью выкопали в саду клубни георгинов и спрятали их в подвале. Кто-то раздобыл семена бордюрной травы — той, что сажают по краям клумб. Кто-то принес книги о цветах. Не всякий цветок посадить можно — лето в Харьковке жаркое, ручьи высыхают.

И опять мне хочется написать о том, чего пока не было, но кто мне докажет, что так не может быть?!

Клумбу сделали по всем правилам. Мимо проезжали грузовики, легковушки, самосвалы. Иногда машины везли на крышах кабин снег — наверное, катили от само-

го Мурманска. А навстречу машинам с севера пронеслись автофургоны из Крыма — тащили за собой тонкие запахи черешен.

Автоинспектор затормозил возле развилки, строго уставился на новый знак: «Пионерский километр. Подшефный участок детского дома № 2 г. Харькова». Посмотрел на клумбу, на лейки, на черные от земли девчачьи колени. И сказал со вздохом:

— А что так мало — один километр? Вот бы вам всю дорогу сделать пионерской. Что вы на это скажете?

Люся Каплуновская: Улица, на которой стоит наша школа, называется Локомотивная. И дорогу здесь строила моя мама. Мама говорила мне, что это очень трудно — строить дороги.

— А ты кем хочешь стать?
— Строителем. Как мама.

Наташа Бишева: Хочу стать воспитателем.

— И чему ты будешь учить детей?
— Делать зарядку. Хорошо учиться. Не плакать от укулов. Быть добрыми.

— А дорога? Твой «Пионерский километр»? Дал он тебе что-нибудь?

— Конечно. Много дал. Ведь я буду учить детей любить труд.

Таня Калугина: Мой старший брат служит в армии. Когда он узнал про «Пионерский километр», он написал, что хорошие дороги — это очень важно для армии.

— А какая у брата специальность?
— Он водитель бронетранспортера. А как отслужит — станет шофером.

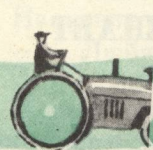
Тамара Голубева: Все наши ребята участвуют в «Дороге», и я участвую. А вообще-то я собираюсь стать врачом.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что сейчас напрасно тратишь время?

— Нет, не хочу. Врачи говорят, всякая работа полезна. Есть даже такое лечение — трудотерапия. Да и потом — может ли быть врачом ленивый человек — вот, скажите?

— Пожалуй, может. Только врач из него плохой.

— Вот именно!

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Сергей Баруздин

Рисунки П. Швеца

КТО КАК РАДИО СЛУШАЕТ

Весной попал я на Камчатку — в дальний Корякский округ — в село Ачай-Ваям. Весна и тут чувствовалась, но снега лежали на три, если не больше, метра, а то и пурга задувала.

Тут совхоз, тут разводят оленей. Но олени пасутся, конечно, не в самом селе, а за сотни километров — в тундре.

Мы полетели туда на вертолете «МИ-4», в верховья реки Апуки. Там я и остался.

— Правильно, — сказал мне бригадир Василий Иванович Кияв, когда улетел вертолет. — Однако у нас поживешь. Посмотришь, что и как. А моя юрта — твоя юрта.

Я бросил вещи в юрте.

— Ну, вот и хорошо, — сказал мне Василий Иванович. — Однако не пожалей!

Он вышел со мной из юрты, захватив вместе с хлыстом «Спидолу» — радиоприемник.

Я не успел удивиться, как из соседней юрты вышел его друг Николай Егорович Илькани — тоже со «Спидолой».

Здесь я спросил:

— И вы с радиоприемником?

— А как без последних известий? Никак, однако, нельзя, — сказал Николай Егорович Илькани. — Надо знать, что и где происходит. Мы, коряки, очень любим радио. А когда в Петропавловск прилетаем, то и телевизор. Интересно!

У коряков фамилии свои — корякские, и име-

на — русские: вот и Василий Иванович, и Николай Егорович. Раньше коряков звали только по фамилии. Имен у них вообще не было. Сейчас коряки гордятся, что их называют по имени-отчеству.

Мы вышли из юрт, и олени, оказывается, уже ждали нас.

Сотни, а может быть, тысячи оленей: одни с рогами — ветвистыми и очень красивыми, другие — с подобием маленьких рогов.

Олени внимательно и чутко смотрели на нас.

Мне показалось, что глаза у них были влажные и чуть грустные. Но сколько глаз я мог увидеть? У двух-трех оленей, а их было — море. И море это задвигалось, зашевелилось, увидев своих хозяев.

— Х-х-хы! — взвизгнул Василий Иванович и взметнул своим хлыстом.

— Э-о-а! Х-х! — повторил Николай Егорович.

Олени рвались в тундру и только ждали сигнала.

Мы пошли с оленеводами вслед за стадом. Два оленевода работали, а я, увы, брел за ними. Никакой власти над оленями у меня не было.

Потом мы не раз садились отдыхать. Олени — копытами, рогами и просто мордой разгребали снег. Его было много, и олени порой закапывались в снег до ушей, чтобы добыть мох.

Мы шли с Василием Ивановичем и Николаем Егоровичем вслед за оленями.

Наконец, Василий Иванович сказал:

— Однако и нам поесть надо.

— А как же олени? — спросил я. — Не уйдут?

Бригадир хитро улыбнулся и включил свой приемник «Спидолу» на полную мощность.

— Смотрите, однако. Теперь не уйдут!

Мы сидели, подстелив оленьи шкуры, на каком-то снежном бугорке. Рядом — кусты непонятной растительности, а дальше — сопки, а где-то олени, которых даже не видно...

Николай Егорович тоже включил свою «Спидолу» на полную мощность.

Такой музыки я еще не слышал. Два радиоприемника гремят.

— Олешки сейчас придут, — сказал Василий Иванович.

— Обязательно придут, — добавил Николай Егорович. И еще сказал: — Да вы, однако, смотрите...

Со всех сторон к нам двигались олени. И с рогами, и без рогов. И совсем молодые. Теперь я уже понимал, что олень с большим деревом красивых рогов над головой — это самец, олень с малым кустом — самка. Ну, а детей отличить было не сложно: ростом поменьше и рога короче...

Олени шли на нас и смотрели удивленными ласковыми глазами.

— Однако радио ох как любят, — сказал Василий Иванович.

— Неужто именно радио? — спросил я.

Николай Егорович ответил:

— Они музыку, однако, любят, а слова не очень. Когда слова свои, людей, которых они знают — одно. Когда по радио — никак не принимают...

Мы сидели на оленьих шкурах на снегу. Обед так обед. В тундре гремела музыка — два радиоприемника. Олени стояли рядом и подходили к нам, и губами, большими теплыми губами облизывали наши руки. Но главное — смотрели на два маленьких серо-черных ящика, из которых лилась музыка.

— Николай! — сказал Василий Иванович своему другу. — Ты, однако, свою «Спидолу» выключи. А то две музыки сразу...

Илькани выключил свой приемник. Княв прибавил громкости в своем.

Олени еще ближе подошли к нам и стали лизаться, как ласковые кошки.

— Однако правильно, Николай, — сказал Княв. — Я тебе говорил.

Мы обедали. Ели сырую оленину и рыбу. Пили чай.

— Пурга начинается, согреться надо, — говорил Василий Иванович.

Один радиоприемник по-прежнему передавал музыку.

— Я свой спрячу пока, — сказал Илькани. И положил большую «Спидолу» в вещевой мешок.

А олени бродили возле нас, слушая радио. Олени с большими рогами — целыми деревьями над головой, и с малыми. Глаза у них были влажные, грустные. Мне так казалось, когда по радио звучала музыка Чайковского.

— Они любят радио? — спросил я Василия Ивановича.

— Любят музыку мои олешки, — сказал Княв. — Таковую, как сейчас. Хорошая музыка! Однако смотрите...

Он переключил свою «Спидолу» на другую программу. Кто-то что-то говорил по этой программе.

Олени вроде бы удивились. Посмотрели на нас. Глаза были все те же — большие, влажные и чуть грустные.

Посмотрели и постепенно стали отходить от нас.

В тундру побрели — по своим делам. Мох искать...

Потом я много раз проверял: любят олени музыку, но только хорошую. А слов не терпят, даже если эти слова нам, людям, кажутся важными.

БЛАГОРОДНЫЕ ЯКИ

Было это в декабре, в Монголии. В декабре в Монголии ясно и очень холодно. Небо голубое, без единого облачка, а мороз за тридцать, только без ветра.

Мы возвращались из далекого путешествия по скотоводческим фермам.

Нас трое: шофер, старенькая «Волга» и я. Друзья задержали нас. Стало уже темнеть. Звезды выступили на посиневшем небе. Мы торопились. До селения — районного центра — добрых двести километров.

Дорога хорошая. По припудренному снежком песку, прихваченная морозом, она не хуже асфальта. Песок, снежок и сопки. То подъем, то спуск. Опять подъем и опять спуск.

Пятьдесят, сто, сто пятьдесят километров, прыгая и трясясь, проехали благополучно.

Но вот машина встала, и мотор ее заглох.

Кругом степь, сопки и звездное небо над головой. Месяц — в стороне.

Шофер сбросил меховые рукавицы и открыл дверцу.

Лютый морозный воздух обдал нас.

— Сейчас посмотрю... Заело что-то...

Монголы хорошо говорят по-русски.

Он открыл капот машины и долго возился в моторе, и дул на руки, и вновь возился.

Я вышел из машины.

Шофер почти окостеневшими от мороза руками продолжал копаться в моторе, наконец, сказал:

— Пошли назад, погреемся! Холодно!

Мы нырнули в кабину — совсем уже остывшую, и тихо дрожали.

— А до селения далеко? — спросил я.

— Не очень, — сказал шофер. — Пятьдесят или чуть больше километров, а если по сопкам, то покороче можно... Тридцать будет. Сейчас согрею руки, опять попробую. Заведется!

И он пробовал. И не раз. Согревался. Снова пробовал.

Неожиданно впереди засветили фары. Машина! Явно машина!

Машина, — а это был грузовик, я уже заметил, — шла по соседней, проторенной по степи и сопкам дороге.

Наш шофер бросился куда-то вниз, под откос, и, скатившись по снежному склону сопки, остановил грузовик. Они — два шофера — о чем-то говорили. Потом шофер грузовика, не выключая мотора, направился вместе с нашим шофером к нашей старенькой «Волге». Путь

был тяжел — подняться на сопку, по которой идет наша дорога.

Они подошли. Шофер грузовика поковырялся в моторе. О чем-то поговорил с нашим шофером. И ушел...

Спускался вниз — с сопки, к своей машине — он уже спокойнее, чем поднимался наверх.

Наш шофер проводил его.

Вернулся и сказал:

— На большой машине ездит, а хорошим людям помогать не хочет...

В старенькой, почти первого выпуска, «Волге» мы замерзали.

Все отлично было вокруг нас. И небо со всеми известными и неизвестными звездами, и месяц, который ярко светил где-то в стороне от нас — страшно равнодушный.

А что же мы?

Еще час прошел и второй, кажется.

Но вот на дороге появились в свете фар нашей неуправляемой машины два странных существа — огромные, черные, горбатые, с рогами, как у серьезного быка, с шерстью, висящей от хвоста до головы и спускающейся на землю.

Ночью, в свете фар, трудно было понять, что к чему, но важно было, что кто-то появился на нашей дороге.

А были это яки. Два быка и хозяин с ними. Значит, мы уже не одни.

Шофер о чем-то говорил с хозяином.

Затем все было как в сказке.

Двух заиндевельх черных яков с белыми пятнами на лбах прикрепили веревками к нашей машине. Хозяин яков — тоже заиндевельный, что-то сказав нам, повел их в обратную сторону. Повел вместе с «Волгой». А огромные, черные, лохматые яки весьма бодро тащили нашу старенькую «Волгу».

Все равно было холодно. И, может, холоднее, чем было раньше. Ноги сводило от мороза. Руки коченели.

Но впереди спокойно шли два горбатых яка и их хозяин. В свете фар — покрытые инеем.

Через час или чуть раньше хозяин яков сел к нам в машину:

— Согреюсь чуть... А они дорогу знают!

В третьем часу ночи мы вернулись в районный центр.

Старенькую «Волгу» бросили у гостиницы. Хозяина яков устроили вместе с нами на ночлег.

— А мне утром даже лучше идти в аймак, — сказал он.

— А как же ваши яки?

— Они холод любят, а поесть им надо дать, — сказал хозяин яков. — Я ведь член

кооператива, по-вашему, колхозник. Веду к себе домой этих яков...

Мы кормили яков, которые стояли у гостиницы, всем, что могли раздобыть. Сенном и хлебом, а я даже сахаром.

Яки принимали все. Только тут я заметил, что в ноздри их вставлены большие металлические кольца.

Яки лизали мне пальцы и в лицо тыкали своими мордами — пытались лизать.

ДИКИЕ СЛОНЫ

В Уганде есть гостиница «Пара Лодж». Она стоит прямо на берегу Нила. Река с ее бегмотами и крокодилами — внизу. Гостиница — дом в два этажа — чуть выше. Нил, конечно, не голубой, как о нем кто-то сказал, а серый, мутный.

Мы приехали в гостиницу поздно. Мой товарищ Витя выбирал номер в гостинице. Он знает язык. Я — кроме русского — никакого.

Витя долго о чем-то говорил и без конца спрашивал меня:

— А может, не стоит первый этаж? А?

— Какое это имеет значение?

— Но тут никто не берет первый этаж, — повторял мне Витя.

— Мы же с вами советские люди, — шутя, отвечал я ему. — Не бойтесь!

— Ну, тогда смотрите сами и не ругайте меня, — сказал Витя.

И мы заняли отличную комнату на первом этаже с видом на Нил. Я настежь открыл двери, и мы сразу легли спать.

— Но учтите, что там есть объявление. Вот вы двери открыли, а там объявление!

— Какое? — спросонья спросил я.

— Я могу вам перевести: «Предупреждаем посетителей, что слоны, которые бродят вокруг гостиницы, — дикие, и к ним не следует приближаться». Я, конечно, знаю, что вы любите слонов, но первый этаж и открытая дверь...

— Витя, спать! — сказал я, засыпая.

Ночью во сне кто-то хрюкал и чавкал. Сильно хрюкал и сильно чавкал. Мне не хотелось просыпаться, но когда стекла задребезжали, меня разбудил вскочивший с постели Витя.

— Я же вам говорил...

Что-то тяжело прошумело и протопало под нашими окнами. Мы, в одних трусиках, осторожно выглянули за дверь на улицу. Тихо. Звезды светят, как у нас на Кавказе. И гал-

А кто-то, чуть ли не Брем, говорил, что яки суровые и маловоспитанные животные.

— Они добряки, если с ними по-доброму, — сказал мне хозяин яков.

Мы спали с ним в одной комнате.

— Тепло, хорошо, — сказал мне мой сосед по комнате.

Я вспомнил шофера грузовика, который не помог нам в степи.

И вспомнил яков. И их хозяина.

Хорошо вспомнить о добром.

дят цикады, как у нас, но только более активно. Кажется, вся земля дрожит от них. И вдруг — страшный крик. Один — женский, потом — мужской, а потом...

— Что они кричат, Витя? — спросил я моего друга.

— Не знаю, — сказал Витя.

— Но они кричат по-английски, — сказал я. — А если надо помочь?..

— Кажется, они кричат „бегемот“, — сказал Витя. — Пошли!

И мы с Витей побежали на крик.

Шума цикад уже не было слышно. Вокруг шумели и галдели люди.

— Что они говорят? — спросил я Витю.

Аккуратный Витя сказал:

— Сейчас. Я переведу. Они говорят, что кто-то хрюкал и чавкал под их окнами и что-то кто-то беспокоил их стекла, которые сильно дребезжали, и еще тяжело топал и опять — хрюкал и дышал...

— Слон? — спросил я Витю.

— Нет, судя по признакам, не слон...

Мы опять легли спать.

Было жарко даже в преддверии утра. И по-прежнему ярко светили звезды, и еще голосистей шумели цикады.

Стало рассветать. Какие-то огромные птицы — красивые, но с облезлыми шеями — появились перед окнами. Посидели на деревьях, взлетели и приземлились совсем рядом. Кажется, грифы. Было уже совсем светло, и цикады замолкли, но их заменили голоса другие: сотни птичьих невидимых голосов.

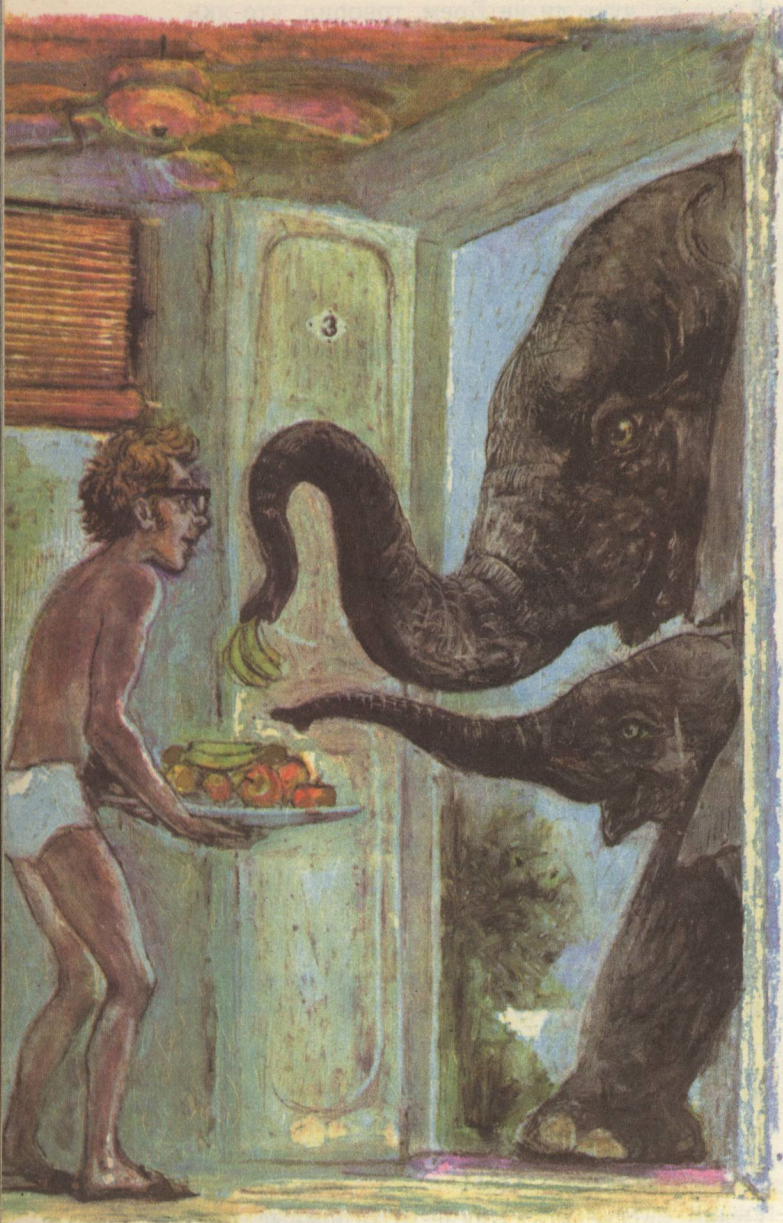
Витя спокойно спал.

Я сначала лежал, потом встал и вышел из комнаты.

Вышел и увидел мирно бредущих двух слонов. С огромными повисшими ушами. Явно, мать и слоненок.

Заметив меня, они направились в мою сторону.

Я — в комнату. Слониха и слоненок подошли вплотную к нашей двери и миролюбиво

протянули хоботы: слониха — большой, слоненок — маленький.

Слоненок издал просящий звук:

— Н-х-хы!

На столе у нас были бананы и яблоки.

Два хобота были протянуты в комнату.

Я передал все слоненку и слонихе.

Взяли аккуратно и по-доброму. Просили еще.

— Больше ничего нет, — сказал я слонихе, как старшей. — Поверь, ничего!

Слониха вынула хобот из нашей комнаты и увела слоненка. И пошла вместе с сыном вдоль гостиницы.

Витя спал. Я так и не уснул.

Когда он проснулся, увидел открытую дверь, спросил:

— Ну, что?

— Ничего, — сказал я. — Просто слоны приходили. Слониха и слоненок. Я от вашего и своего имени отдал им все наши фрукты.

— Вы точно знаете, что слоны? — спросил Витя. — Ведь ночью ходил бегемот...

— Ну ваш бегемот — дикий, а слоны — образованные. Их, по-моему, даже просто приручили...

— А объявление? — продолжал удивляться Витя. — По части диких слонов, к которым не следует приближаться?

— Ну, что объявление! Мало ли что придумает владелец гостиницы!

СТРАННЫЙ ОСЛИК

В Могадишо — это столица африканской страны Сомали — мы попали не в лучшее время года: весна, а в Африке это — период ливневых дождей.

Было жарко. Было страшно душно. Было очень влажно. Ливни хлестали один за другим. И еще беда — я забыл взять из Москвы сапожную щетку и гуталин.

А по такой погоде — чистить ботинки каждый час просто необходимо. Там — встреча, и опять — встреча. С грязными, забрызганными желтой глинистой водой ботинками на встречу не пойдешь...

У дверей нашей гостиницы всегда крутились чистильщики ботинок. Мальчишки шести-восьми лет. И не только чистильщики. Стоит тебе выйти из гостиницы, какой-то мальчуган открыл тебе дверь. Ему надо заплатить за эту услугу. А тут — следующий — останавливает для тебя такси и открывает дверцы — опять заплати. И еще — и юные нищие, и опять чистильщики...

Раз в два-три дня почистишь ботинки, а потом воздерживаешься: увы, денег не так много.

Вот тут и начинается рассказ.

Я заметил из окна гостиницы ослика. Не такого, как у нас на Кавказе или в Средней Азии. Длинные тяжелые уши, небольшая грива и тонкий, с кисточкой хвост. Не ослик, а почти лошадка. Шерсть рыже-серая, чуть облезлая по бокам. На спине вместо седла — два маленьких ящика с какими-то надписями. С одной стороны — английской, с другой — французской.

Я видел, как мальчишки-чистильщики да и

остальные — их друзья, кто зарабатывает мелочь у гостиницы, гоняли бедного осла, а он, упрямый, не уходил. Отбрыкивался от них, семеня в сторону, словно играя, и вновь возвращался назад.

Иногда кто-то из живущих в гостинице мужчин, выйдя на улицу, приветливо махал ослику и вместе с ним уходил куда-то влево, за угол.

Странный ослик!

Почему он крутился все время у гостиницы? Почему его гоняют мальчишки? И что у него за надписи по бокам: английская и французская? И куда он уводит мужчин?

Я вышел из гостиницы. Ослик был тут как тут. Он подбежал ко мне, нагнув голову, посмотрел и, как мне показалось, даже понюхал мои ботинки, и куда-то повел меня.

Мы свернули влево, и через десять метров я увидел чистильщика. Ослик подвел меня к нему и радостно замахал головой.

А чистильщик, пожилой сомалиец, был очень доволен: он вскочил навстречу мне со щетками в руках, моментально схватил меня за ноги и начал работать. И говорил, говорил при этом на всех языках, которые он как-то знал, а я не знал совсем.

Я просто кивал головой: «Что ж, чистить так чистить!»

Ослик тем временем постоял рядом с нами, опустив голову к моим ботинкам, уже пахнувшим свежим гуталином, и направился назад к гостинице. Сам направился. Хозяин ему ни слова не сказал, а может быть, и сказал, но я не понял.

А чистильщик старался так, что мне даже неловко стало. И говорил что-то очень дружественное. Я стоял, меняя ноги, и молчал, но вот «спектакль» закончился, и я протянул чистильщику деньги — две бумажки: сомалийские франки.

— Спасибо! — сказал я по-русски.

Чистильщик взметнулся:

— Рашен! Рус! Но! Но!

И бросил деньги на землю. Затаптал их и начал что-то кричать.

Признаюсь, я чувствовал себя не очень ловко. Деньги остались на земле. Чистильщик был раздосадован. Я попрощался с ним и пошел в гостиницу. Не дойдя до поворота, я повстречал знакомого ослика, который вел за собой какого-то важного господина в грязных ботинках. Мальчишки-чистильщики возле гостиницы негодовали.

Наутро ослик опять был возле гостиницы.

Но что это? Рядом с двумя маленькими ящичками у ослика и слева и справа были два куска белой материи, на которых русскими буквами написано:

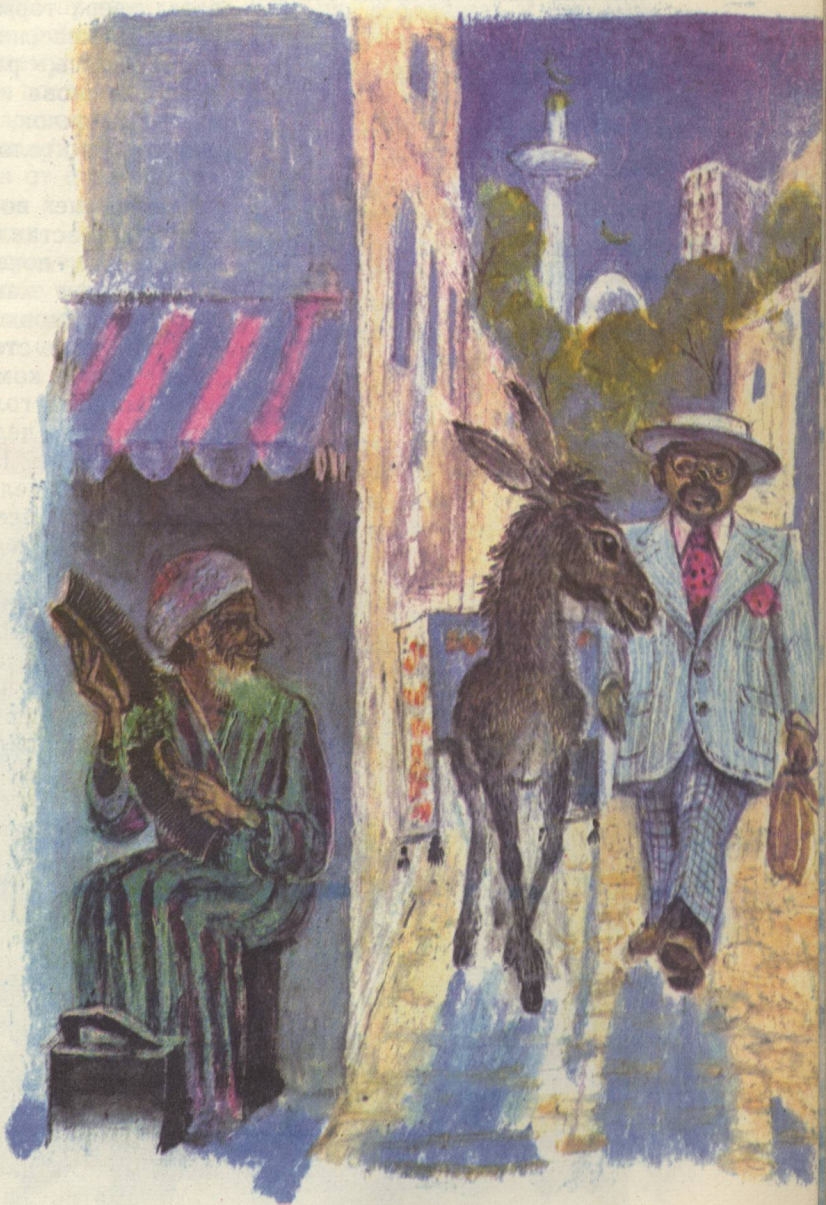
«Рашен — хорошье!»

«Хорошо», значит. А «рашен» — это «русский». Тоже — хорошо!

На шее у ослика висела веревочка, а на ней — красный кусок материи с серпом и молотом.

Ослик встретил меня как старого знакомого. Только я вышел из гостиницы, подбежал ко мне, наклонил голову и обнюхал ботинки. Ботинки были чистые, блестящие, еще со вчерашнего дня. Ослик лизнул меня в руку и пошел в сторону: искать новых клиентов для своего хозяина. Ведь они оба работают: хозяин — работник, ослик — реклама...

Жаль только, что не узнал я тогда имени этого ослика.

В селении Ат-Баши

«174,333 км/час—такую скорость развил на соревнованиях по скоростному спуску на трассе вблизи города Мадонна-ди-Кампилья итальянский горнолыжник Луиджи Марко. Установлено новое мировое достижение».

Шестиклассник акмузской школы Жолдош Асенов несколько раз перечитал это короткое сообщение в газете «Советский спорт». Он — знаток автомобилей — знал, что автобусы-экспрессы, пронесшиеся по Большому Киргизскому тракту, идут обычно со скоростью 70 километров в час. Представить себе, что человек на лыжах может мчаться вдвое быстрее, было трудно. Даже после того, как Жолдош увидел состязания по горным лыжам в киножурнале.

Горы тянутся на юг и на север от Акмуза. Тянь-шаньские хребты с белыми вершинами. И, оказывается, из этой поднебесной выси можно нестись со скоростью гоночного автомобиля!

Но где взять лыжи?

Тогда, лет пятнадцать назад, специальных лыж для слалома в магазинах не было.

А что, если смастерить лыжи самому? Жолдош раздобыл ууки — плоские планки, из которых собирается каркас киргизской юрты, гладко их выстрогал, просмолил, в специальные отверстия продел кожаные петли для ног.

До гор было не добраться. И свое изобретение слаломист-самоучка испытывал рядом со школой, съезжая в ложбину.

Скорость была еще далека от рекордной, но он то и дело летел вверх тормашками. Зрители-одноклассники, вдоволь насмеявшись, разбегались, а Жолдош снова и снова карабкался на склон, чтобы тотчас же очертя голову броситься вниз.

Очередные порции синяков и шишек заставляли его задумываться: почему Луиджи Марко летит как пуля, а он, Жолдош, словно натывается на невидимую стену. А если собрать тело в комок, подогнуть ноги, вобрать голову, прижать руки, как это делали лыжники на киноэкране? Но зачем и почему они это делают?

И Асенов всерьез занялся физикой. Разделы школьного учебника, посвященные кинематике, баллистике, аэродинамике, были досконально изучены. Жолдош даже принялся сам составлять новые сложные формулы, вычерчивать параллелограммы сил. Оказалось, что знания одной физики мало — требовались расчеты, и мальчик засел за учебники алгебры, самостоятельно освоив программу десятого класса. А как определять протяженность трассы — ведь она пролегает по поверхности сложного профиля? Пришлось углубиться в геометрию и познакомиться с тригонометрией.

Так школьник из Акмуза стал настоящим теоретиком горнолыжного спорта и преуспел в математике.

Математику и выбрал Асе-

нов своей будущей профессией. А когда приехал учиться в Ташкент, то, впервые встав на настоящие горные лыжи, легко завоевал титул чемпиона института. Потом учился в Минске — на отделении кибернетики. Гор там не было, и Жолдош с нетерпением ждал возвращения в родные края.

Познакомились мы с Асеновым в автобусе. Я ехал из Нарына в Ат-Баши, центр горного приграничного района, туда же направлялся и Жолдош. Разговорились, и вскоре я уже знал, что он научный сотрудник, работает в вычислительном центре Госплана республики.

Маленький автобус, спускаясь с перевала, юрко, словно слаломист, петлял по затайливому серпантину горной дороги. Разговор зашел о достоинствах здешних лыжных трасс. Тут-то мой попутчик и рассказал о своем спортивном увлечении в пионерские годы.

Машина свернула с шоссе на едва приметную дорогу и минут через пять остановилась возле уединенного домика. Колочий ледяной ветер валил нас с ног, спирал дыхание. Домик поскрипывал и покачивался, вот-вот готовый улететь. Но захлопнулась дверь, и мы погрузились в блаженное тепло. Аппетитно пахло жареной бараниной и яблоками.

— Дорожный мастер Асен Байгазиев, — представился мне хозяин.

Обитатели домика, увидев Жолдоша, не скрывали своей радости. Оказывается, мы проезжали как раз мимо родительского дома моего спутника. Долгое отсутствие Жолдоша сделало встречу особенно желанной.

На низеньком круглом столе появились пиалы с терпким, кисловатым кумысом, горка теплых еще лепешек, блюдо с белоснежным, рассыпчатым, слегка примороженным каймаком.

— Чем занят, сынок? Как диссертация?

— Изменилась тема. Теперь — по строительному делу. Определяю, что и где строить, из каких материалов. На электронной машине! Избрали меня в Госплане комсомольским секретарем.

— Что же вы там напланировали?

— Много хорошего. Скоро, отец, не узнаешь наших мест. Не надо будет с отарами в горы уходить. Вдосталь построим кошар и кормохранилищ. Будем вести животноводство в дешенних краях по-научному. И дороги обновим: сделаем гладкими, широкими, как московские улицы.

— Себе, верно, стадион построишь?

— В горы протянем канатные дороги, подъемники установим, все будет у нас для слаломистов...

...По дороге в школу, где учился Жолдош, нам то и дело попадались чабаны с отарами

овец. Почетные старцы узнавали Асенова и с уважением снимали широкие меховые шапки-тебетей.

В сельской школе встреча с выпускником — всегда большой праздник и для учителей, и для ребят. Особенно, если живет выпускник за тридевять земель от родных мест, а добрые вести о нем нет-нет да и доходят до школы.

Ребята повели Жолдоша в пионерскую комнату, и там начался матч по настольному теннису: Асенов — сборная-71. Жолдош не без успеха доказал, что пионеры прежних лет умели держать ракету и «пером» и по-нашему, бить с левой и с правой, доставать мертвые мячи и заставлять соперника догнать шарик в добром десятке метров от стола.

Тем временем я побывал на спорт-площадках. Преподавательницы физкультуры Моюркан и Клара, обе местные жительницы и заядлые лыжницы, рассказали, что с легкой руки

Асенова горные лыжи стали тут спортом номер один. В Ат-Баши для юных слаломистов открыта детская спортивная школа, есть у них свои мастера спорта и даже призеры всесоюзных состязаний. Добротные спортивные лыжи теперь имеются чуть ли не в каждой семье. А вот укуов и не найти. Да и юрту теперь разве что в историческом музее во Фрунзе увидишь.

Познакомили меня и с лучшим спортсменом школы — Рахманкулом Мендекеевым. Ладный, бойкий, он чем-то похож на Жолдоша. Я спросил Рахманкула, выбрал ли он себе специальность и куда собирается поступать.

— Конечно, на физфак Московского университета! Хочу стать физиком-теоретиком.

— А Жолдоша ты знаешь?

— Еще бы! Он в наших местах пионер горнолыжного спорта...

Пионер!

Юрий Михайлов

пионери

50

Год 1962

Вся страна празднует сорокалетие пионерской организации имени В. И. Ленина.

...отмечая ее большую работу по коммунистическому воспитанию детей наградить Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина орденом Ленина".

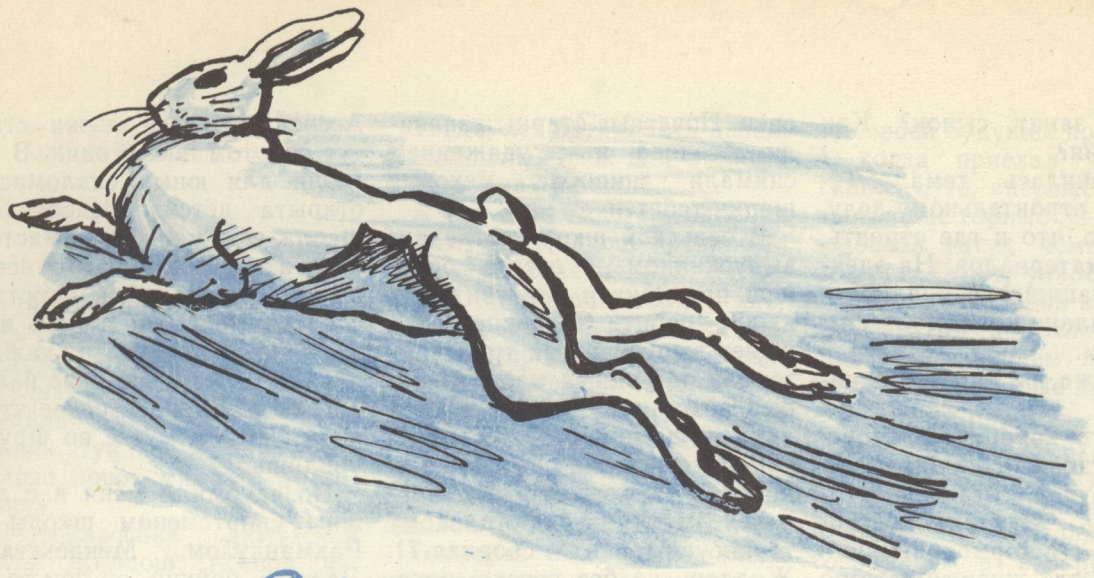
(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР)

На третий Всесоюзный слет пионери в Артек приехали зарубежные пионеры. Многим впервые посчастливилось побывать в СССР. Крепнет интернациональная дружба. Звонко поет многоголосый хор:

Мы ценим отважных,
мы любим зазорных,
Мы крепкою дружбой сильны!
Для нас нет
ни белых,
ни желтых,
ни черных —

Для нас все ребята равны!
Делегаты двадцати четырех
зарубежных стран присутство-
вали на этой встрече друзей.

Храбрый заяц

Давид Кугультинов

Рисунки Н. Муратова

Искрясь, пушился первый снег.
Денек стоял на славу.
Оделись в серебристый мех
Степные наши травы.

Роились в солнечном луче
Снежинок мириады,
Когда, с гирлыгой на плече,
Я шел взглянуть на стадо:

«Уж не подкрался ль волк седой,
Овечку не загрыз ли?..»
Но запах снега молодой
Прогнал дурные мысли.

...Как лист бумаги — целина,
По ней, сплетаясь в строчки,
Бегут, синеют письма —
Ночных следов цепочки.

Так славно по снегу идти!
Моей приязни веря,
Пичуги пишут мне: «Прочти!»,
«Пойми!» — мне пишут звери.

Следок... Скачок... И вновь
следок —
Прерывистый и частый...

Зайчишка напетлял, как мог,
Застенчивое «Здравствуй!»

Пока читал я по складам
Привет его несмелый,
Гляжу! — вдали мелькнул он сам
В степи искристо-белой.

Бежит косою издавека,
Взлетает без усилий,

Как будто к лапам русака
Пружинки прикрутили!

По снегу мягкому, как пух,
Косым скакать повадно.
Но этот мчится во весь дух,
Прыжки его громадны.

Он смертным ужасом гоним...
И я в смятенье вижу:
Орел охотится за ним.
Все ниже он, все ближе...

Ушастый, ноги уноси!
Поддай, дружище, жару!..
Выбрасывая, как шасси,
Лапищ когтистых пару,

Снижается, подобно «ТУ»,
Орел... Такая птица
Легко уносит в высоту
Ягненка и лисицу...

Конец, конец тебе, зверек!..
Упал на спину заяц...
Поджал под брюхо струнки ног,
Казалось мне, сдаваясь,

Казалось, страхом он убит,
Зайчишка при дороге...
А заяц вдруг — как распрямит
Пружинистые ноги!

Всю волю он, видать напряг,
Что крылась в слабом теле,
И хищника ударил так,
Что перья полетели.

Как будто острый нож вошел
В подушку пуховую...
Отпрянул с клетотом орел...
Невольню торжествуя,

Я подбежал... Как бы во сне,
Рванулся неуклюже
Орел... И вдруг осел на снег...
Дымилась крови лужа.

Повергнут наземь царь небес,
Разинув клюв от боли...
А заяц вспрыгнул и исчез:
«Ищите ветра в поле!»

Вот что увидел я, друзья,
Бредя в степи по следу.
«Так что ж, — тогда подумал я, —
В борьбе дает победу:

Железо мускулов, когтей
Отточенные шпаги
Иль напряженье воли всей,
Высокий взрыв отваги?!»

...Мой юный друг,
когда беда
Собьет тебя с размаху,
Не поддавайся и тогда
Отчаянью и страху.

Верь, отступает смерть и мрак,
И враг теряет силы,
Когда из сердца изгнан страх —
Пособник зла постылый!

Перевела с калмыцкого Юлия Нейман

ПО УЛИЦЕ ШАГАЕТ ВЕСЕЛОЕ ЗВЕНО,—

И есть в нем, как во всяком звене, свои заводилы и свои тихони. Кого-то в нем как правило хвалят, а кого-то и прорабатывают на совете отряда.

И тут важно хвалимому не заноситься, не считать, что если у него тетрадки позавчера были чистые, то он уже навеки лучше всех.

А тому, кого поругали, важно не раскукситься. Не решить, что теперь уже и дальше все в жизни пойдет снежным комом, неудача на неудачу. Нужно спину выпрямить, зубы стиснуть и недостатки свои исправить.

И тогда из тебя может получиться человек совсем не хуже, чем из соседа по парте, круглого отличника.

Примерно об этом — и не только об этом — размышляет и рассуждает

советский ученый, судовой врач экспедиций „РА-1“ и „РА-2“ Юрий Александрович Сенкевич

Стыдно признаться, но я в школе был не очень дисциплинированный.

Например, я однажды запер класс изнутри на стул, а сам ушел через другую дверь; считалось, что она заколоченная, но я пролез, вернулся в коридор и стал вместе со своими приятелями и с рассерженным учителем барабанить, ломиться: «Кто там не пускает?»

Когда все выяснилось, мне, конечно, попало.

И с уроков удирал я, случалось, — весной, в пригород, на озеро Бассейку — купаться. А то и прямо на Неву, к Ботаническому саду, нырять с плотов.

Я вам об этом рассказываю совершенно не для того, чтобы вы брали с меня пример. Просто мне как бывшему озорнику легче с вами толковать о том, что хорошо, а что плохо.

Между прочим, в этом разобраться сложней, чем кажется.

Вот, например, жгучий вопрос: списыванье. Тут будто бы сразу все ясно. Кто дает списывать, тот лентяю первый товарищ, а кто не дает — гогочка и зануда.

Но у нас в классе был парень, который за всю свою школьную жизнь не дал списать никому. Ни разу. Принципиально. И самые заядлые лодыри, как ни странно, его за это уважали.

Хорошее от плохого не существует отдельно. Жесткой грани тут нет. Иногда даже сразу и не заметишь, как из хорошего получается плохое.

Недавно я был в числе многих-многих гостей на большом пионерском празднике. Начинался митинг. Я чуть-чуть замешкался перед лесенкой на трибуну, отстал от своих — фотогра-

фировал. А когда закончил, дорогу мне преградила девочка с повязкой на рукаве.

— С фотокамерами направо, — сказала она ледяным голосом. И не пустила меня туда, где, в общем-то, мне полагалось быть.

Вероятно, она была права. Дали ей четкое указание: фотокорреспондентов — направо, а на мне же не написано, что я не корреспондент. Так что она к своим распорядительским обязанностям отнеслась ревностно и примерно.

Однако смотрел я на нее, непроницаемую, чистенькую, куда-то в сторону глядящую, и хотелось воскликнуть: «Голубушка! А не забыла ты, что тебе, несмотря на все твои нашивки, едва двенадцать лет? И как, интересно, когда вырастешь, ты будешь разговаривать с теми, кто от тебя зависит?!»

Заметьте, все было по правилам. Но лучше бы она чуть-чуть нарушила правила, улыбнулась бы, что ли, или хотя бы начала свою фразу с «извините, пожалуйста...»

Разные существуют правила, попроще и труднее.

У нас на «Ра» всякое случалось. То я на вахту опоздаю, просплю, то Жорж Сориал забудет вовремя сменить Сантьяго Хеновеса у рулей. Если бы мы всерьез обращали на это внимание, то, наверно, в конце концов переругались бы вдрызг. Но мы понимали: идеальных людей нет, нужно приспосабливаться.

А однажды мне там приснился ужасный сон.

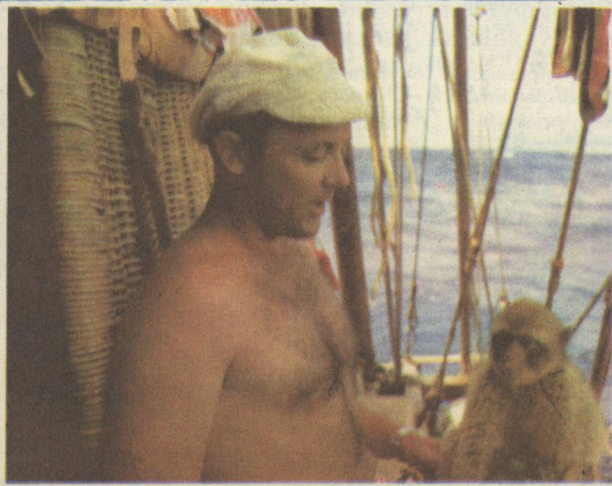
Мне приснилось, что я проснулся и решил вылезть из кабины на палубу. И вдруг вижу: кто-то стоит в дверном проеме и пьет из моей фляжки. А с водой на борту «Ра» было в то время совсем плохо.

Помню, я пробудился в холодном поту. И первая мысль была: «Как прекрасно, что это только сон!» Потому что можно простить мелкие слабости, а подлость — никогда.

Щадите друг друга по мелочи, не шпыняйте, не придирайтесь, — это я вам как врач говорю, не наносите товарищам душевных травм.

А вот к подлости, двуличию, черствости будьте беспощадны. В какие бы благодетельные одежды это все не рядилось.

Поздравляю вас с праздником! До свиданья!

1

Калмыки — отличные борцы.

Почетный мастер спорта Тул Балдашинов, тренер по классической борьбе, положивший в свое время на лопатки нескольких чемпионов мира, в том числе таких прославленных борцов, как Сапунов и Караваяв, знакомит меня со своим учеником Вадимом Бембеевым.

— Многообещающий парень, — говорит он, — отличная координация, выдержка, воля к победе, мгновенно схватывает детали. В прошлом году на соревнованиях школьников занял третье место. Побороть тринадцатилетнего Вадима удалось лишь двум десятиклассникам.

Мы гуляем с Вадимом по солнечной стороне проспекта Ленина, беседуем о книгах, о спорте. И вот я узнаю, что он серьезно увлекся футболом, выступал на юношеском первенстве юга России в городе Грозном.

— Кем же ты будешь, — спрашиваю, — футболистом или борцом?

— Не знаю, — говорит, — люблю и то и это. На ковре ты один, надеешься только на себя, за все ошибки расплачиваешься сам. Сражаться один на один интересно. А в футболе свое. Вокруг товарищи. Твои просчеты переживают все, но и удачи тоже общие. По-моему, играть в футбол может лишь тот, кто умеет дружить.

— Мечтаю сделать из Вадима настоящего футболиста, — говорит тренер по футболу Виктор Мергесов, — навыки борца ему не помешают. Хочу, чтобы Вадим играл в нашей славной команде «Уралан».

— Похоже на «Ураган», — говорю я.

— Ты почти угадал, — смеется Виктор. — «Уралан» означает «Вперед». Вадим — полузащитник, — продолжает рассказывать тренер, — это очень трудное амплуа. Настоящий полузащитник умеет нападать, но при этом всегда готов защитить ворота. Настоящий полузащитник для своей команды — это щит и меч одновременно. Вадим человек дисциплинированный, волевой, борется до конца. Он будет футболистом.

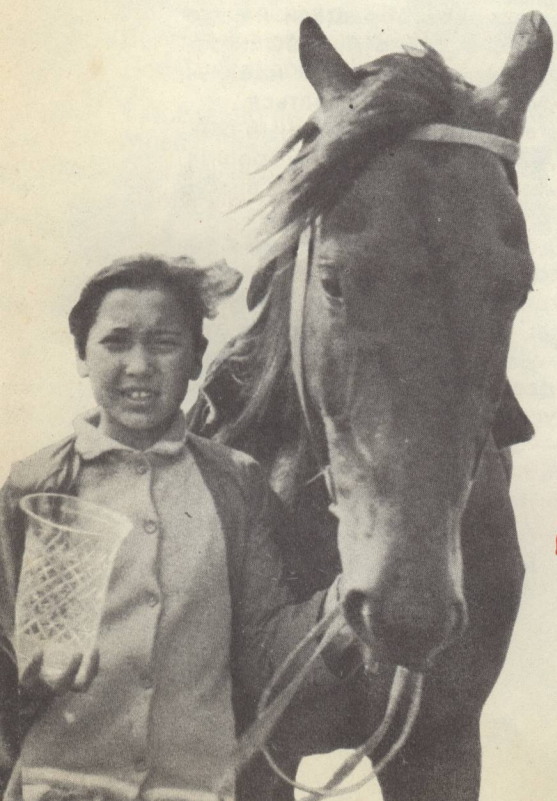
— Пусть погоняет мяч, — снисходительно улыбается Тул Балдашинов, — борцу это идет на пользу. Мое такое мнение: тот, кто борется хорошо, но ничего, кроме этого, не умеет, мало отличается от того, кто борется плохо. Рано или поздно он начнет проигрывать. Вадим не из таких. Его интересуют многие вещи. Кое-кто до сих пор считает, что в спорте главное — сила, а ум — дело второстепенное. Вадим начитан, развит, прилежно занимается в школе, участвует как диктор в детских спортивных телепередачах, трудится на станции юннатов. Я сделаю из него хорошего борца.

Кем же будет Вадим Бембеев, футболистом или борцом? Трудно сказать. Но взглянешь на фотографию, и уже сейчас становится ясно — растет счастливый человек.

2

Когда-то дети в Калмыкии ездить верхом начинали раньше, чем ходить. Теперь на улицах калмыкской столицы — Элисты лошади попадают не чаще, чем в Ленинграде.

Мальчик, девочка и „МАЛЬЧИК“

Но Элиста — еще не вся Калмыкия. В степных колхозах и совхозах по-прежнему разводят отличных, выносливых и резвых скакунов, а конный спорт, или, попросту говоря, скачки, и сейчас одно из самых популярных развлечений.

В дни ответственных состязаний к Элистинскому ипподрому съезжаются (правда, в автобусах, а не верхом) зрители и болельщики со всех концов республики.

Среди участников скачек разыгрываются многочисленные призы, а среди болельщиков разыгрываются страсти, не менее бурные, чем во время футбольных матчей.

На традиционных соревнованиях, посвященных Дню Победы, произошло нечто неожиданное. В шестом заезде на 3200 метров первым к финишу пришел гнедой мерин по кличке Мальчик из совхоза «Чилгир». Он преодолел дистанцию за 4 минуты 10 секунд, то есть развил скорость около 50 км в час. Вот как работает «мотор» мощностью в одну лошадиную силу! Но самое удивительное не это. К судейскому столику Мальчика вела под уздцы... девочка, тринадцатилетняя школьница Нина Оваева. Ей был вручен приз газеты «Комсомолец Калмыкии» — хрустальная ваза.

Нина занимается конным спортом несколько лет и, как видите, делает успехи.

— Скачку выиграл Мальчик, — смеется юная наездница, — а я только старалась ему не мешать.

Сергей Довлатов
Фото Н. Балыкова
и В. Вонога

В 1931 году я был учителем рисования в детском городке Центрального парка культуры.

В просторной комнате дети рисовали, лепили из пластилина и глины, делали маски из папье-маше.

Однажды (кажется, в июле) к нам пришел высокий старик, в сером пиджаке и в гольфах, и с ним представительная дама.

Старик приостановился у двери, слегка откинув голову назад, отчего седая его борода взлетела вверх.

Оглядев комнату, он быстро подошел к столу, за которым занимались дети. Старик с интересом рассматривал рисунки детей. Затем уселся рядом с ними, попросил чистый лист бумаги и нарисовал несколько фигурок, вроде пляшущих человечков из рассказа Конан-Дойля.

— Это вершина моих возможностей, — сказал он, улыбаясь.

Тут он увидел на шкафу большую, сделанную из папье-маше карикатурную голову Муссолини.

— Вот так встреча! — воскликнул старик. — Я давно хотел близко познакомиться с этим синьора.

Он снял со шкафа картонную голову и вдруг нахлобучил ее на себя.

Дети хохотали. Хохотал и старик.

— Хоть минуту, — сказал он, — эта пустая голова была заполнена мозгами.

— Ну, не стыдно ли седому человеку так ребячиться, — усмехнулась respectable дама.

— Как знать, как знать, — ответил старик. — Леди, вероятно, забыла, что когда я имел честь с ней познакомиться, седой человек был рыжим.

Через несколько дней великий английский драматург Бернард Шоу праздновал свое семидесятипятилетие. В Москве. В кругу советских писателей. На празднике присутствовала сопровождающая Шоу в его поездке в СССР миллионерша леди Астор.

Иосиф Игин

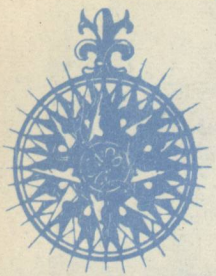

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ ИЗ «КОСТРА» № 4:

Грядки распределяются так: № 1 — Сережа и Юля выращивают сельдерей, № 2 — Маша выращивает капусту, № 3 — Катя — укроп, № 4 — Петя — редьку, № 5 — Алеша — свеклу, № 6 — Митя — морковь, № 7 — Наташа — огурцы, № 8 — Лиза — помидоры, № 9 — Олег — картофель, № 10 — Никита — редис, № 11 — Сережа и Юля — лук, № 12 — Нина — горох.

Львиный Зев — 33 шт. 1/240 г
Астра — 50 шт. 1/10 г
Гвоздика — 33 шт. 1/18 г
Подсолнечник — 17 шт. 5/6 г
Дельфиниум — 25 шт. 1/18 г
Левкой — 33 шт. 1/18 г

Лобелия — 67 шт. 1/54 г
Люпин — 25 шт. 5 г
Мак — 50 шт. 1/80 г
Настурция — 75 шт. 8,3 г
Сальвия — 10 шт. 2/17 г
Василек — 50 шт. 1/7 г

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Год издания 16-й

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА ЭКИПАЖУ „МЕРКУРИЙ-4“

За большим круглым столом кают-компании «Морской газеты» встретились: руководитель игры «Океан-2», капитан второго ранга А. Б. Стрелов, капитан Быстроходов, боцман Румпель, КОСтя ТЕРкин, Пингвин и гости «Морской газеты» — экипаж брига «Меркурий-4» — Саша Антонов, Андрей Щербаков, Сергей Шаралапов и Валерий Богатырев — победители пионерских военно-морских маневров «Океан-2».

ным археологом. Но для этого нужно знать и географию, и историю, и морское дело...

А вот Валера хочет поступить в железнодорожный институт. Саша и Андрей решили быть военными моряками...

Руководитель игры «Океан-2», капитан второго ранга Александр Борисович Стрелов: **Почему вы так называли свой корабль?**

Андрюша Щербаков: «Я думаю, что хорошие. Иначе наш отряд 7 «а» класса 519-й ленинградской школы не стал бы правофланговым...»

Боцман Румпель: **Какое продолжение игры „Океан“ вы видите?**

Валерий Богатырев: «До маневров «Океан-2» я не принимал участия ни в каких играх и викторинах. А теперь знаю, как это интерес-

Экипаж брига «Меркурий-4» в гостях у «Морской газеты»

Весь разговор Пингвин записал на магнитофонную пленку, а мы выбрали четыре самых значительных вопроса и ответа.

Капитан Быстроходов: **Игра игрой, а кем вы хотите стать в жизни?**

Сергей Шаралапов: «Я раньше хотел стать космонавтом или летчиком. А теперь решил стать археологом. Ведь археологи ведут раскопки не только на земле, но и под водой, где находят старинные корабли, грузы. Я хотел бы стать подвод-

Саша Антонов: «Сначала решили играть только Валерик и я, а потом к нам присоединились Серега с Андреем. А как назвать корабль? «Варягом»? Или «Ташкентом»? А что, если в игре будет вопрос: «Чем прославился ваш корабль?» О подвиге «Меркурия» мы знали. Поэтому и назвали так свой корабль...»

КОСтя ТЕРкин: **Моряки вы хорошие, а хорошие ли вы пионеры?**

но и увлекательно. Очень жаль, что больше не будет ни боевых приказов, ни заданий штаба, ни страницы «Океан-2», которую мы в журнале искали прежде всего. Но мы собираемся продолжать маневры «Океан-2» и будем называться «океанцами». У себя в 519-й школе мы устроили морской клуб «Океан» и сейчас оборудуем помещение. Организовали цепочку срочного вызова всех «океанцев». Летом в парке Победы построим свою лодочную базу.

Фото Н. Кокуриной

„НЕРЕЙ“ И НЕРЕИДЫ

В греческой мифологии Нерей — морское божество. Пятьдесят его дочерей — nereид помогали морякам в опасных плаваниях. «Нереем» назвали маленькое научно-исследовательское судно. Конечно, «Нерей» совсем малютка, длина его — 43 метра, но у него могучее серд-

це — две машины по шестьсот лошадиных сил. Грузов «Нерей» не возит, пассажиров — тоже. На «Нерее» плавают ученые — океанологи и гидробиологи.

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

«Морской привет капитану Быстроходову и боцману Румпелю! Я, Сосницкий Владимир, рапортую. Клуб создан, руководитель есть. Сейчас в нашем клубе девять моряков обучают ребят. Мы оборудовали помещение, развесили плакаты по морскому делу, выпустили газету и живем дружной семьей. Сдали нормы на значок «Юный моряк ДОСААФ

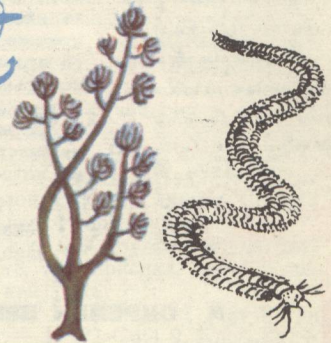
СССР». Для школьной ленинской комнаты сделали модели — флот Октября. Летом идем работать и на заработанные деньги купим морскую шлюпку и тельняшки».

От редакции. Кто не знает, с чего начать морской клуб, советуем написать по адресу: Киевская обл., г. Фастов, ул. Ал. Невского, № 35, Володе Сосницкому.

МОРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

1. А еще nereидами называют мелкие подводные растения.
2. И кольчатые морские черви носят имя nereид.
3. И есть Nereida совсем не морская — спутник планеты Нептун.

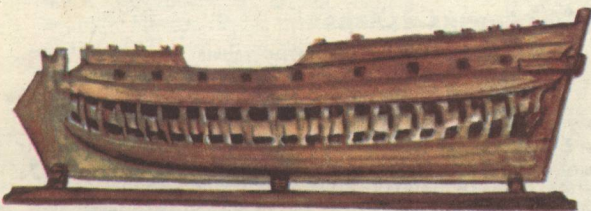

В КУНСТКАМЕРЕ

Робинзону пишет Вова Казаков из поселка Красный Ключ: «Я живу на правом берегу Уфы. Ниже по течению от того места, где мы рыбачим, я нашел остатки баржи. Вот что я о ней узнал. Эта баржа принадлежала фабриканту. В революцию фабриканта прогнали, и рабочие все взяли в свои руки. Директора поставили хорошего. Его фамилия была Шуняев. Через некоторое время он погиб от чьей-то злой руки. Именем Шуняева в Красном Ключе назвали улицу. А баржа затонула при неизвестных обстоятельствах. Если я смогу в отлив, в низкую воду, достать кусок шпангоута — пришлю вам...»

Петр I — моделист

В любом учебнике истории можно прочесть, что энергичный деятельный царь Петр I (он родился триста лет тому назад) боролся с невежеством и косностью, что строил первые корабли для будущего русского флота, закладывал новые города, возводил портовые сооружения, что сам овладел искусством кораблестроения, изучил навигацию, освоил многие ремесла.

Но мало кому известно, что Петр I был родоначальником русского судомоделизма. Отдыхая от государственных и военных дел, он мастерски вытачивал детали кораблей и создавал маленькие точные модели судов.

На рисунке модель фрегата (в 1/60 его размера), изготовленная умелыми руками Петра I

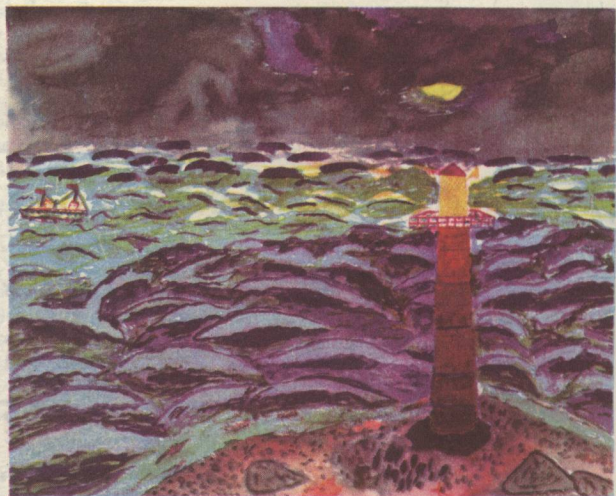
Он не только сам увлекался моделированием. Он повелел: с каждым построенным кораблем представлять две его небольшие копии — модели. В назидание потомкам, как он говорил.

ОТВЕТ НА ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК (см. № 4)

В чем же ошибся художник? Во времена Колумба не могло быть: спиннинга, бинокля, консервов, электрической лампочки, карты полушарий, наручных часов, курительной трубки, прицельного приспособления на пушке.

Кроме того, на парусе художник нарисовал не испанский герб, а чужой флаг. И с названием корабля художник напутал. Каравелла Колумба называлась „Санта-Мария“. „Виктория“ — галеон Магеллана.

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

ШТОРМ. Володя Ровник, 14 лет, Чернигов

Мы не знали, как озаглавить эту страничку, и решили поставить обе эмблемы рядом.

Потому что, с одной стороны, здесь КОСтя ТЕРнин берет интервью в цехах и лабораториях Ленинградского медицинского объединения „Красногвардеец“, а с другой стороны, он поминутно восклицает: „Вот так штука!“

СЫСКАН ТАКОЙ ИНСТРУМЕНТ, КОТОРОГО ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ БЫВАЛО

В феврале 1721 года жители Петербурга читали расклеенный на базарных площадях царский указ. Указ повещал всякого чина людей о том, что «жели через какой несчастливый случай кто руку или ногу выломит или вывихнет или протция тому подобные внезапно приключатся болезни; и те немедленно объявляли бы о таких болезнях, понеже сыскан такой инструмент, которого до сего времени не бывало, и к тому же способный, которым можно наилуче без всякого труда выправить...»

Это начинала свою работу первая в нашей стране мастерская лекарственных инструментов — та, из которой вырос нынешний «Красногвардеец».

На «Красногвардейце» над этим списком не смеются. Для своего времени царь-лекарь был вооружен вполне достаточно. Что же касается современной продукции заводских мастеров, то —

ЦАРЬ-ЛЕКАРЬ

В «Любопытных и достопамятных сказаниях о императоре Петре Великом, собранных в течение сорока лет Яковом Штелиным», отмечается, что Петр I постоянно имел при себе две готовальни: математическую, с карандашом и циркулем, и лекарскую, «в которой всегда была пара ланцетов и шнепер для кровопускания, анатомический ножик, инструмент, называемый пеликан, и клещи для выдергивания зубов, лопатка, ножницы, щуп и прочее для всякого случая».

СКРЕПКИ ВМЕСТО НИТОК

При сшивании нервов или сосудов приходится выполнять очень кропотливую работу. Может ли механический аппарат заменить искусные пальцы?

Раньше это считалось невероятным.

Однако техники-изобретатели «Красногвардейца» додумались: предложили применить для этой цели чрезвычайно простой принцип обычного канцелярского швейателя бумаг.

Тончайшие крохотные металлические П-образные скобки, вроде тех, которыми сшиты школьные тетради, укладываются в сшивающее устройство, внешне похожее на гаечный ключ. Ни иглы, ни шелковой нити. Хирург нажимает кнопку... Раз! Скобочки мгновенно прошивают ткань.

СПУТНИКИ ХИРУРГА

В дни запуска первого советского спутника Земли в США открылся международный научный конгресс по сердечно-сосудистым заболеваниям.

Участовала в нем и делегация ученых из СССР.

Когда наши делегаты продемонстрировали конгрессу целую серию аппаратов, позволяющих делать неосуществимые ранее операции, в переполненном конференц-зале разразилась буря приветственных криков и аплодисментов.

Овации достигли предела, когда президент конгресса известный итальянский ученый Дольотти назвал созданные на «Красногвардейце» аппараты «советскими спутниками в хирургии».

ЛАМПОЧКА-ВЕЛИКАН

На «Красногвардейце» создано множество хитроумных приборов, позволяющих заглянуть в ухо, горло, желудок человека без хирургического вмешательства.

Но в темноте любому самому зоркому прибору делать нечего. И приходится зажигать внутри больного электролампу.

Обычные, даже самые маленькие лампочки для этого, разумеется, не подходят. В приборах «Красногвардейца» применяются микролампочки: от малюсеньких, диаметром в 1,8 миллиметра, до 15-миллиметровых «великанов».

Лампочки эти не нагреваются — очень важное свойство, так как любое повышение температуры внутри человеческого тела может оказаться опасным.

КРОВЬ ГОЛУБАЯ, ЗЕЛЕНАЯ И ВСЯКАЯ ДРУГАЯ

Кровь человека очень сложна по своему составу. По содержанию в ней того или иного вещества можно судить о здоровье человека, ставить диагноз.

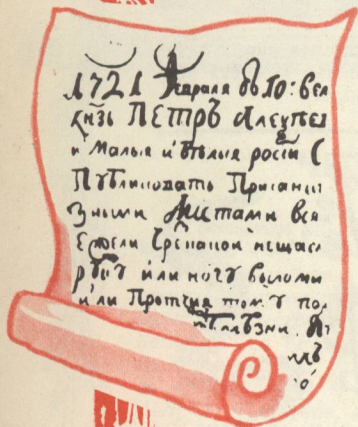
Прибор, который называется флуориметр, помогает быстро определять химический состав крови. Даже если на один кубический сантиметр крови приходится десятиллиардная доля того или иного вещества, прибор «почувствует» и назовет вещество «по имени».

Каким образом?

При облучении ультрафиолетовым светом вещества начинают светиться, причем каждое — своим цветом. Это явление — флуоресценция — и положено в основу работы прибора.

Флуориметр тоже создан на «Красногвардейце».

Это эмблема «Красногвардейца». Змея над чашей — и шестеренка. Медицина — и техника. Инженеры и рабочие всегда готовы прийти на помощь врачам.

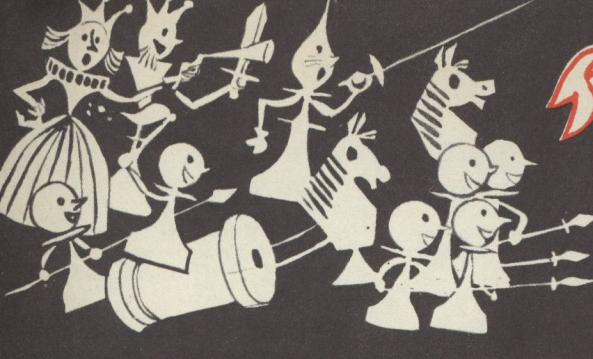
И ПОЛЮС ЗДЕСЬ, И ТРОПИКИ

Объединение «Красногвардеец» посылает свою продукцию в семьдесят стран мира, на все континенты. Медицинское оборудование должно безотказно работать и в тропиках, и на Северном полюсе.

В лаборатории климатических испытаний «Красногвардейца» можно воспроизвести любой климат. Здесь приборы проверяются на выносливость.

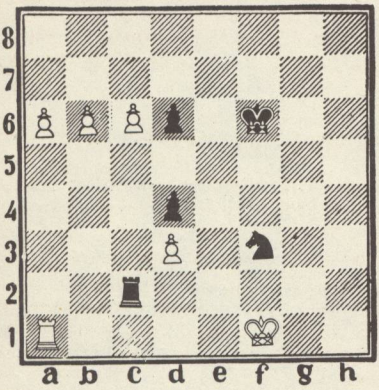

НОВОСТИ ШАХМАТНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Интересный механизм для спасения безнадежных партий сконструировал рыцарь Юрий Прудников. Он состоит из особо выгодным образом расположенных ладьи и коня. Вот схема его действия (диаграмма № 1).

Белые, уверенные в победе, играют 1. а6—а7. Что же делать черным? Разве могут они задержать рвущиеся в ферзи белые пешки? Никак. Выходит, им пора сдаваться? Нет. Вот тут-то и поможет механизм Прудникова!

Черные, не обращая внимания на то, что на доске сейчас появится белый ферзь, играют 1... Лс2—d2! Механизм готов к действию! Теперь, как бы белые ни пошли, черные будут продолжать — 2... Кf3—h2+, затем — 3... Kh2—f3+ и так далее бесконечно. Хотя в природе, как вы знаете, вечного двигателя быть не может, но в шахматах вечный шах бывает. Разумеется, вечно тут делать ходы никто не станет, так как вступит в действие правило о ничьей ввиду троекратного повторения позиции.

Шахмат-адмирал Ферзьбери внес благодарность талантливому изобретателю.

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

В 5-м туре Олимпийского турнира разыгрывается 10 очков. ШАХМАТИСТЫ! Вас ждут две задачи рыцаря Вити Кузнецова (Черлак Омской обл.). Обе — двухходовки.

А. Белые: Крб6, Фг6, Се2, Кб1 (4); черные: Кра4, Ссб, пп. б3, б4, б5 (5).
 Б. Белые: Кра6, Фf1, Ка5, Кh4 (4); черные: Крд5, пп. с7, d6 (3).
ШАШИСТЫ! Рыцарь Сережа Ковалев (Южно-Сахалинск) утверждает, что белые могут провести победную комбинацию в следующих его концовках. Вы согласны с ним?

А. Белые: а3, б4, с3, d4, f2, g3, h2, h4 (8); черные: а5, с7, d8, е7, f6, f8, g5, g7, h8 (9).
 Б. Белые: б2, d2, d4, е3, f4, g1, h2 (7); черные: б4, б6, d6, d8, е7, f6, h4, h6, (8).
 Итак: к выполнению боевого задания — приступить!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Отважные рыцарята АРЧЕБЕКА! Вас ждут боевые дела! Видите, какая завязалась жестокая

битва? Тут и объяснять некогда. Но вы должны знать, что первым напал черный конник. К тому же он не один — к нему на подмогу скачет целая ватага. Его надо обуздать, пока остальные еще далеко. А как это сделать? Решить задачу рыцаря Юры Селявкина (Воронеж), которую вы найдете на рисунке!

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

В Новогоднем конкурсе («Костер» № 12, 1971) из тысячи с лишним ответов лучшими признаны

62. Чтобы определить, кого награждать, шахмат-адмирал Ферзьбери приказал бросить жребий. Счастливыми, получившими премию, оказались шахматисты—Саша Фищенко, Витя Юткевич, Лена Десятникова, Витя Малиновский, Слава Якубовский, Вера Малыгина, Коля Гречишников, Сережа Федоренко, Ира Якимова, Коля Гражданкин, Леня Фуксон; шашисты — Володя Пудиков, Саша Терешонок, Юра Страгис, Сережа Мальцев, Игорь Нужин.

А кто же другие победители? Это те, кто прислал такие решения, как здесь.
ВОЛК И ЛИСА. 1) Мат в три хода — 1. с7? Сd6! 2. Крс8 Ке7+ 3. Крб8 0—0.2) Ничья — 1... Крf8! (а при коне на а2—1... Крf7!) 3) На h1. 4) На е3. 5) На а8, и тогда — 1. Фс8X.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ. А) 1. cd2! и т. д. X. Б) 1. gf2! 2. hg3 3. gh4X. В) Здесь — ничья. На 1. cd4! 2. dc3 3. ce7 4. h:a7 следует 4... ab4 5. ed2 gb6! с ничьей.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.
ШАХМАТЫ. А. 1. Лd4! Б. 1. Cf4! f5 2. e4! fe 3. Ce3 ed 4. f4.
ШАШКИ. А. 1. gf6! 2. cb2X. Б. 1. dc5! 2. ce5 3. ed6 4. de7X.
 За каждую верно решенную вами задачу впишите в свой «Листок учета» по 5 очков.

Бюро разъясняет рыцарям-новичкам, что решить шахматную задачу на мат в два хода, это значит найти за белых такой ход, после которого они при любом ответе черных объявят им следующим ходом мат.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:
 § 1. Рыцарям-олимпийцам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 августа.
 § 2. На конверте (левый верхний угол) указывать свой пароль и помечать «АРЧЕБЕК, № 5». В одном письме посылать только один рапорт.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

— тропы с расстояниями в км.
— безопасное плавание на лодках, с расстояниями в км. и переправы.
— дороги
▲ места отведённые для привалов.

Встречали нас леса молчаньем мудрым.
 Ручей нам звонко напевал.
 Кричали птицы: «С добрым утром!»
 Да здравствует дорога и привал!
 И вновь идем вперед, не уставая.
 Следы бегут, от нас не отставая.
 И обгоняет нас на сто шагов
 Веселый топот наших башмаков.

С этой песней двенадцать мальчиков и девочек из квартиры 64 собрались в пятидневный пеший поход. Поразмыслив, что необходимо взять с собой, они решили так: каждый должен взять по 20 необходимых туристу предметов, не считая надетой на нем одежды и рюкзака. Кроме того, он имеет право взять не больше двух предметов на выбор. При этом несколько предметов, входящих в комплект, например, фонарик с батареей или рыболовная снасть считаются за один. Помимо этого, каждый несет по 2 кг припасов, которые есть смысл везти из города.

Сверх перечисленного ребята насчитали 7 предметов, которые надо взять по одному на всех, и 7 предметов, которые понадобятся по одному на 3—4 человека.

Правильно ли они рассчитали? Приглашаем вас принять участие в конкурсе; кто пришлет нам самый исчерпывающий список предметов, необходимых 12 туристам в пятидневном походе для приготовления пищи, ночевки и гигиены, не забыв любимые пионерские увлечения, но и не прихватив ничего лишнего, тот будет признан готовым к дальним походам.

Однако уложить рюкзаки — еще не все. Сможете ли вы самостоятельно выбрать маршрут? Перед вами условная туристская схема. В эти места вы можете приехать и уехать на автобусе или по железной дороге. Ходить вы можете по дорогам, тропам, а там, где это безопасно, плыть по реке на лодке. Ваша задача так составить маршрут, чтобы за пять дней осмотреть все достопримечательности района.

Ребята из квартиры 64 нашли такой маршрут. Его длина 65 километров. При этом каждый день они успевают побывать в трех примечательных местах. Но, может быть, вы найдете еще лучший, более короткий маршрут?

СОДЕРЖАНИЕ

По улице шагает веселое звено Из фотолетописи славных лет	1
Рядом с Тимуром очерк Г. Черкашина рисунки В. Топкова	3
Дом-корабль рассказ В. Хомченко рисунки Ю. Шабанова	10
Сыны полков стихи В. Сулова рисунк Ю. Бочкарева	14
Операция «Боровик» репортаж М. Мамедова фото А. Ритова	15
Привет от Вернера роман Ю. Коринца рисунки А. Слепкова	19
Великое ребячье правило репортаж А. Грачева рисунки Ю. Бочкарева	34
Уголёк журнал для малышей	37
О Великих Законах главы из книги В. Сулова рисунки Б. Стародубцева	40
Зеленые страницы ведет Н. Сладков рисунки В. Прошкина	44
Один километр дороги фотоочерк А. Пирожкова оформление А. Януса	46
Рассказы о животных С. Баруздина рисунки П. Швеца	48
В селении Ат-Баши очерк Ю. Михайлова	54
Храбрый заяц стихи Д. Кугультинова рисунки Н. Муратова	56
Мальчик, девочка и Мальчик репортаж С. Довлатова фото Н. Балыкова и В. Вонога	58
Джентльмен и леди из воспоминаний И. Игина	59
Морская газета КОСтя ТЕРкин берет интервью	62
Арчбек шахматы и шашки	63
Квартира 64	64

На обложке рисунок А. Пахомова
 На второй странице обложки
 рисунок М. Беломлинского
 На третьей странице обложки
 «Океан-2» (игра-маневры)
 На четвертой странице обложки
 фото Ю. Меснякина

Все документальные фотографии
 предоставлены Государственным
 кинофотоархивом в Ленинграде

Главный редактор В. В. Торопыгин
 Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
 Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пан-
 телеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков,
 Л. Н. Пожидаева, Р. П. Позодин, С. В. Са-
 харнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В.
 Терebinская (ответственный секретарь)
 Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан
 (зам. редактора)

Художник-редактор Технический редактор
 М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
 Корректор
 В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются
 Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37,
 телефон 14-57-76

М-17269. Подписано к печати 28/III 1972 г.
 Формат 60×90³/₄ Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
 Тираж 600 000 экз. Заказ 1972. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
 Главполиграфпрома Комитета по печати при
 Совете Министров СССР. Кронверкская, ул. 7.

„ОКЕАН-2”

5. Экипаж эсминца «Гремящий», командир Никита Караваяев, Полтавская обл., Каменск-Уральский.

6. Экипаж эсминца «Гром», командир Олег Болонзов, Брянск.

7. Экипаж линейного корабля «Европа», командир Миша Шилин, Ленинград.

8. Экипаж миноносца «Сообразительный-2», командир Саша Приходько, Краснодар.

9. Экипаж крейсера «Очаков», командир Виталий Мельничук, Одесская обл., село Песчана.

10. Экипаж эсминца «Восток», командир Алла Цветкова, Пермская обл., поселок Керчево.

Штаб маневров награждает семь экипажей кораблей Грамотами ВМФ СССР и памятными подарками.

1. Экипаж крейсера «Новик-2», командир Игорь Долгов, Мурманск.

2. Экипаж линейного корабля «Севастополь-4», командир Слава Данилевский, Владимирская обл., Ковров.

3. Экипаж лидера «Ташкент-5», командир Маша Жирова, Московская обл., Мытищи.

4. Крейсер «Адмирал Нахимов-13», командир Павел Тарасов, Ташкент.

5. Экипаж крейсера «Варяг-5», ко-

мандир Сережа Овсянкин, Иркутская обл., поселок Мамакан, детский морской клуб «Золотой Рог».

6. Экипаж линкора «Ингерманланд», командир Саша Топорков, Москва.

7. Экипаж торпедного катера «Александр Матросов», командир Алла Грабусова, Кемеровская обл., г. Березняковский-3.

КОНКУРС МОДЕЛЕЙ

Штаб маневров «Океан-2» награждает за лучшую модель — тральщик «Маяк» — экипаж тральщика «Маяк», командир Ваня Бучковский — село Комсомольское Николаевской обл., — кинокамерой.

Второй приз — морская подзорная труба — присужден модели Миши Шилина — линейный корабль «Европа». Третий приз — фотоаппарат «Смена» — за модель брига «Меркурий-4» получает экипаж брига «Меркурий-4».

Редакция «Морской газеты» поздравляет всех участников игры-маневров «Океан-2» с окончанием кругосветного плавания и желает всем, кто не победил в этот раз, побед в будущих морских походах.

В 1971 году «Костер» проводил пионерские морские маневры «Океан-2», посвященные 50-летию Всесоюзной ордена Ленина пионерской организации имени В. И. Ленина. Командовал маневрами «Океан-2» дважды Герой Советского Союза контр-адмирал А. О. Шабалин. В маневрах принимали участие сформированные самими ребятами экипажи кораблей. О ходе маневров в «Костре» постоянно печатались материалы наших специальных корреспондентов с передовых кораблей — участников маневров «Океан-2».

Штаб маневров «Океан-2» объявляет победителей пионерских военно-морских маневров «Океан-2»:

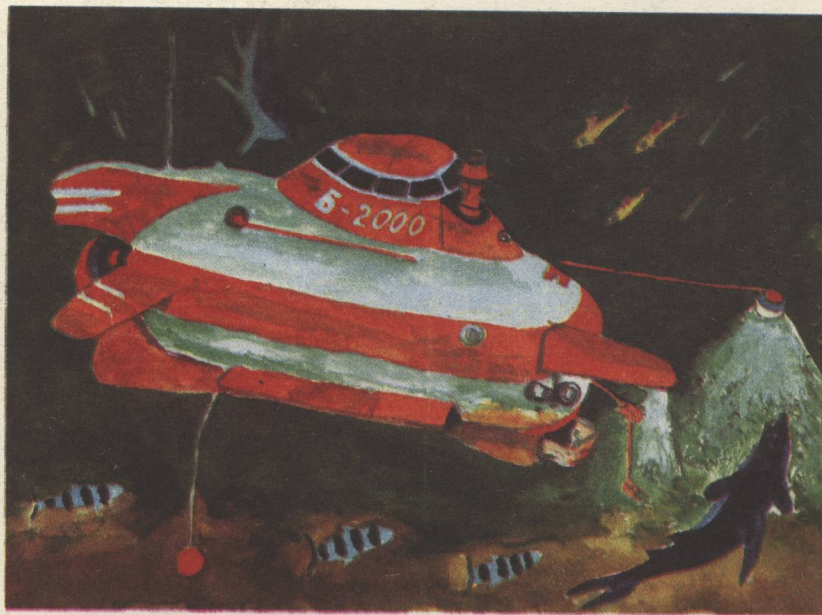
Штаб маневров «Океан-2» награждает десять экипажей-победителей Грамотами Военно-Морского Флота СССР и предлагает каждому экипажу выбрать достойнейшего представителя на сбор победителей во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок», в Штормовую дружину.

1. Экипаж линейного корабля «Октябрьская революция», командир Вадим Пестерев, Бурятская АССР, Улан-Удэ.

2. Экипаж шлюпа «Надежда», командир Володя Тригубенко, УССР, Полтавская обл., Перегоновская восьмилетняя школа.

3. Экипаж эсминца «Сообразительный-1», командир Володя Карев, Москва, школа-интернат № 32.

4. Экипаж брига «Меркурий-4», командир Саша Антонов, Ленинград.

БАТИСКАФ. Жеребятникова Марина, 13 лет. г. Новокузнецк.

пионери

ИЗ
ФОТОЛЕТОПИСИ
СЛАВНЫХ
ЛЕТ

Год
1970

Ленинским назвали этот год не только в нашей стране, но и во всем мире: исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Пионерские отряды всей страны начали юбилейный марш „Всегда готовы“ навстречу пятидесятилетию своей организации.

23 миллиона ребят в красных галстуках возглавляют движение по маршрутам „Путешествие в страну знаний“, „Солидарность“, „Зарница“, „Мое отечество СССР“, „Звездочка“, „Равнение на пионерские знамена“, „Пионерстрой“.

Делегаты V Всесоюзного слета готовы доложить своим товарищам об успешном выполнении Марша.

